

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 5/2022

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С 2007 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Козлова С.В., доктор экономических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Ахапкин Н.Ю., канд. экон. наук
(заместитель главного редактора)
Лыкова Л.Н., докт. экон. наук
Андрюшин С.А., докт. экон. наук
Братченко С.А., канд. экон. наук
Грибанова О.М.

СЕКРЕТАРИАТ ЖУРНАЛА
Касьяненко Т.М.
Нефёдова Н.П.

МОСКВА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гринберг Р.С.

председатель, член-корреспондент РАН,
научный руководитель Института экономики РАН

Головнин М.Ю.

член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН

Абрамова М.А.

доктор экономических наук, профессор, руководитель департамента
банковского дела и финансовых рынков Финансового университета
при Правительстве РФ

Александрова О.А.

доктор экономических наук, заместитель директора Института
социально-экономических проблем народонаселения РАН

Аносова Л.А.

доктор экономических наук, профессор,
начальник отдела Отделения общественных наук РАН

Бахтизин А.Р.

член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-
математического института РАН

Буторина О.В.

член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе
Института Европы РАН

Валентей С.Д.

доктор экономических наук, профессор, руководитель
научно-исследовательского объединения РЭУ имени Г.В. Плеханова

Городецкий А.Е.

доктор экономических наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН

Иващенко Н.П.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой
экономики инноваций экономического факультета Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова

Калабихина И.Е.

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой народонаселения
экономического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Караваева И.В.

доктор экономических наук, профессор, зав. сектором,
зав. кафедрой экономической теории Института экономики РАН

Кузнецов А.В.

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук,
директор Института научной информации по общественным наукам
(ИНИОН) РАН

Лаврикова Ю.Г.

доктор экономических наук, профессор,
директор Института экономики УрО РАН

Ленчук Е.Б.

доктор экономических наук, руководитель научного направления
Института экономики РАН

Музычук В.Ю.

доктор экономических наук, заместитель директора
по научной работе Института экономики РАН

Некпелов А.Д.

академик РАН, директор Московской школы экономики
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Прокапало О.М.

доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе
Института экономических исследований ДВО РАН

Рубинштейн А.Я.

доктор философских наук, профессор,
руководитель научного направления Института экономики РАН

Цветков В.А.

член-корреспондент РАН, директор Института проблем рынка РАН

Черных С.И.

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
Института экономики РАН, зав. сектором Института проблем развития
науки РАН

Шабунова А.А.

доктор экономических наук, доцент, директор Вологодского
научного центра РАН

ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Научный журнал

№ 5/2022

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.
ISSN 2073-6487
Каталог «Урал-Пресс», индекс подписной 80713

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук, по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:
5.2.1. Экономическая теория (экономические науки),
5.2.4. Финансы (экономические науки),
5.2.5. Мировая экономика (экономические науки),
08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством
(по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят обязательное рецензирование

Высказанные в статьях мнения и суждения
могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Ответственность за подбор и изложение материалов
несут авторы публикаций

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

- Рубинштейн А.А.**
Не-нейтральность денег в контексте синтеза институциональной теории и теории воспроизводства 7

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

- Лапидус Л.В., Полякова Ю.М.**
Гиганомика: новые возможности для цифровой трансформации бизнеса в условиях высокой турбулентности цифровой среды 23
- Головин В.А.**
Идентификация и оценка развития региональных экономических кластеров 47
- Корепанов Е.Н.**
Импортозависимость и импортозамещение в машиностроении... 66

ВОПРОСЫ ДЕМОГРАФИИ

- Калабихина И.Е., Башкирова К.Ю., Борисенко Я.А.**
Помогает ли гендерное равенство в благополучии многодетных семей? 77

ФИНАНСЫ

- Полякова Т.Н.**
Российский рынок биржевых облигаций: анализ размещения 97

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- Качелин А.С.**
Стратегическое партнерство Российской Федерации и Туркменистана в условиях глобальной нестабильности 119

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ АВТОРОВ

- Лимин Д.В.**
Макроэкономические последствия перехода центральных банков РФ, Украины и Казахстана к режиму плавающего валютного курса их национальных валют 131

CONTENTS

ISSUES OF ECONOMIC THEORY

Rubinstein A.A.

- Non-Neutrality of Money in the Context of the Synthesis
of Institutional and Reproduction Theory 7

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Lapidus L.V., Polyakova Yu.M.

- Gig Economy: The New Opportunities For Business Digital
Transformation Under High Turbulent Digital Environment..... 23

Golovin V.A.

- Identification and Evaluation of the Development of Regional
Economic Clusters 47

Korepanov E.N.

- Import Dependence and Import Substitution in Mechanical
Engineering 66

DEMOGRAPHY ISSUES

Kalabikhina I.E., Bashkirova K.Yu., Borisenko Ya.A.

- Does Gender Equality Help in the Well-Being of Large Families? 77

FINANCE

Polyakova T.N.

- Russian Market of Exchange-Traded Bonds: Placement Analysis 97

WORLD ECONOMY

Kachelin A.S.

- Strategic Partnership of the Russian Federation and Turkmenistan
in Conditions of Global Instability..... 119

PUBLICATIONS OF YOUNG AUTHORS

Limin D.V.

- Macroeconomic Results of the Transition of the Central Banks
of the Russian Federation, Ukraine and Kazakhstan
to the Floating Exchange Rate Regime of their National Currencies 131

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

А.А. РУБИНШТЕЙН

кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

НЕ-НЕЙТРАЛЬНОСТЬ ДЕНЕГ В КОНТЕКСТЕ СИНТЕЗА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ И ТЕОРИИ ВОСПРОИЗВОДСТВА¹

Рассмотрено два канала движения эмитируемых центральным банком денег. Первый канал (назван «инвестиционным») представляет цепочку финансирования инвестиций через бюджет. На его основе в 2019 г. были проведены расчеты, зафиксировавшие феномен не-нейтральности денег в долгосрочном периоде. Второй канал (назван «потребительским») представляет цепочку финансирования потребительского спроса. Использование этого канала в модели переключающихся режимов воспроизводства также подтвердило существование феномена не-нейтральности денег в долгосрочном периоде. Обосновано и подтверждено расчетами на модели, что первый, «инвестиционный», канал эффективнее второго, «потребительского», с точки зрения темпов роста реального ВВП и инфляции.

Рассмотрена связь этих двух каналов с институциональными особенностями организации общества, с функционированием типов экономик X- и Y-матриц. Показано, что в целом «инвестиционный» канал характерен для экономик с X-матрицей, «потребительский» – для экономик с Y-матрицей. Вместе с тем в статье дается отрицательный ответ на вопрос, является ли X-экономика неизбежно более предпочтительной, чем Y-экономика.

Ключевые слова: эмиссия, инфляция, экономический рост, модель ПРВ, основной капитал, коэффициент распределения эмиссионных денег, каналы движения денег, институциональная теория X- и Y-матриц.

JEL: B22, B52, C32, E32, E37.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_5_7_22.

¹ Статья подготовлена в соответствии с темой государственного задания: Рег. №НИОКТР 222021400147-1 «Синтез теорий переключающегося воспроизводства и институциональных матриц: применение к задачам экономической политики».

Введение. Постановка задачи

Тезис о нейтральности денег в долгосрочном периоде, поддерживаемый многими известными авторами (см., например: [1; 12]), на наш взгляд, является дискуссионным. Указанные выше авторы ссылаются на то, что после появления дополнительных денег экономика через некоторый промежуток времени вернется на свой естественный уровень производства. Однако очевидно, что указанный «естественный уровень» с течением времени меняется: постоянно происходит рост производственных мощностей, сопровождающийся оптимизацией производства и обслуживания производимых товаров, возникают новые технологические улучшения, а иногда даже фундаментальные научные открытия. Эти и другие изменения приводят к увеличению эффективности производства, к снижению затрат и росту капиталотдачи. Вероятно, нейтральность денег выполнялась бы, если бы промежуток времени между их появлением и возвратом к действительно первоначальному уровню производства был очень мал. Однако столь короткий временной интервал невозможен хотя бы в силу принципа номинальной жесткости и др.

В 2019 г. В.И. Маевским, С.Ю. Малковым, А.А. Рубинштейном и Е.В. Красильниковой были опубликованы работы, где с помощью имитационной модели переключающегося режима воспроизводства (модели ПРВ) показано, что в долгосрочном периоде один и тот же темп денежной эмиссии, осуществляемой центральным банком страны, может приводить к самым разным сочетаниям темпов роста ВВП и инфляции, причем эти сочетания будут зависеть от институционально-экономических условий функционирования национальной экономики [8; 9]. Данный факт подтверждается многочисленными эконометрическими расчетами (см., например, работы [13; 14], а также работы, указанные в обзоре [15]) и, по сути, опровергает известную и широко распространенную в экономической науке гипотезу о нейтральности денег в долгосрочном периоде. Однако в расчетах 2019 г. такой результат подтвердился, но он был получен при условии, что деньги центрального банка поступают в экономику страны только по одному каналу, а именно по цепочке «центральный банк → бюджет → бюджетное финансирование инвестиций в основной капитал». Другие каналы не рассматривались.

В настоящей статье анализ феномена не-нейтральности денег в долгосрочном периоде будет продолжен. Во-первых, рассмотрим не один, а два канала поступления денег в экономику. Сформулируем следующее положение:

Если новые деньги приходят в экономику по каналу «центральный банк → бюджет → бюджетное финансирование инвестиций в основной

капитал», то в долгосрочном периоде (при одном и том же темпе эмиссии) темпы прироста ВВП окажутся выше, чем в случае, когда новые деньги центрального банка попадают на цели инвестиций основного капитала окольным путем, в частности, по каналу «центральный банк → бюджет → социальные/оборонные программы → доходы бюджетников → рост потребления». Первый канал будем называть «инвестиционным», второй «потребительским». Тестирование данного положения будет осуществлено с помощью модели ПРВ.

Основные особенности модели ПРВ таковы:

1. Реальный сектор экономики представлен в модели ПРВ набором разновозрастных, а потому имеющих разную эффективность производственных подсистем, каждая из которых образует «малую макроэкономику», обслуживаемую собственным домашним хозяйством. Такие подсистемы можно рассматривать как объекты промежуточного (между микро- и макро) уровня, точно так же как объектами промежуточного уровня считаются регионы, отрасли, комплексы и крупнейшие предприятия. Отличие лишь в том, что в центре внимания модели ПРВ находятся поколения основного капитала.
2. Модель имитирует основные маршруты (кругообороты) движения денежных потоков или, что то же самое, – имитирует денежное обращение между производственными подсистемами и домашними хозяйствами. Ориентация на кругообороты денежных средств предопределяет динамизм модели ПРВ и отличает ее от других типов моделей.
3. Принятое в модели представление реального сектора экономики в виде набора разновозрастных подсистем означает, что данный сектор делится ежегодно на ту часть, которая обновляет свой основной капитал, а потому расходует свои амортизационные и прочие инвестиционные деньги на эти цели; и на часть, которая не обновляется, а потому накапливает свои амортизационные и прочие инвестиционные деньги. Денежные потоки, опосредующие обновляющуюся и не обновляющуюся части экономики, разнонаправлены; при этом состав данных частей ежегодно меняется, значит ежегодно меняется и направленность движения денег, обслуживающих эти части. Такие акты переключения денежных потоков означают, что деньги движутся не просто по круговым маршрутам (кругооборотам). Они движутся по меняющимся круговым маршрутам [9, с. 23–24].

Если выдвинутое положение корректно, то активность (эффективность) феномена не-нейтральности денег в долгосрочном периоде при

движении эмитируемых денег по второму каналу можно оценить как более низкую относительно первого канала.

Во-вторых, будет обращено внимание на то, что два названных выше канала поступления денег, эмитируемых центральным банком в экономику страны, представляют собой не только разные инструменты монетарного обеспечения экономического роста, но и различные формы институциональной организации общества.

Согласно теории С.Г. Кирдиной-Чэндлер, институциональная организация общества подразделяется на два крупных типа: нерыночные экономики с X -матрицей и рыночные экономики с Y -матрицей. Первый канал («центральный банк \rightarrow бюджет \rightarrow бюджетное финансирование инвестиций в основной капитал») характерен для экономик с X -матрицей, второй – для экономик с Y -матрицей. И если выдвинутая выше гипотеза корректна и первый канал обеспечивает более высокую активность феномена не-нейтральности денег (относительно второго канала), то возможен вывод, что экономика, опирающаяся на X -матрицу, обладает определенным преимуществом в обеспечении экономического роста по сравнению с экономикой, опирающейся на Y -матрицу.

В настоящей статье мы, учитывая феномен не-нейтральности денег в долгосрочном периоде, сначала проверим корректность гипотезы о зависимости данного феномена от каналов поступления денег в экономику, а затем рассмотрим связь данной зависимости с двумя типами институциональной организации общества. Полагаем, что такая постановка может способствовать теоретическому синтезу институциональных и воспроизводственных аспектов экономической жизнедеятельности.

Изложение материала начнем с краткого описания и обсуждения результатов исследований, проведенных в 2019 г.

Влияние характера эмиссии на экономический рост

Основной фокус имитационной модели ПРВ направлен на моделирование повторяющегося процесса воспроизводства основного капитала с учетом влияния быстрых потребительских денежных кругооборотов между производством и домохозяйствами и, следовательно, инфляции. В модели присутствует ряд параметров, позволяющих варьировать нормы потребления, инвестиций, сбережений и др. Существенную роль в представленной в данной статье модели ПРВ играет коэффициент q , отвечающий за перераспределение денежных потоков между инвестициями и потреблением². С помощью модели

² Алгоритм расчета коэффициента q следующий:

1) на основании статистики Всемирного банка определялись средние за период 2011–2019 гг. темпы роста номинального ВВП, реального ВВП и значения инфля-

ПРВ удалось продемонстрировать важную роль денежной эмиссии в обеспечении роста реального ВВП в долгосрочном периоде.

Было показано, что широко распространенное положение о нейтральности денег в долгосрочной перспективе представляет собой лишь частный случай реакции экономики на денежную эмиссию³. В зависимости от q – коэффициента модели ПРВ, регулирующего распределение эмиссионных денег на цели роста инвестиций и/или потребительского спроса, экономика ведет себя по-разному. При постоянном темпе эмиссии можно наблюдать как в одних случаях (при $q \leq 1$) темпы роста ВВП в долгосрочном периоде превышают темпы инфляции, а в других случаях (при $q > 1$) темпы инфляции оказываются выше темпов роста ВВП или же инфляция имеет место при абсолютном спаде объемов ВВП (стагфляция, $q \gg 1$). Все это есть случаи не-нейтральности денег в долгосрочном периоде. Что касается нейтральности денег, то, как показывают расчеты, этот феномен наблюдается очень редко, при определенных значениях $q \gg 1$. Все эти ситуации были продемонстрированы в 2019 г. в расчетах по модели ПРВ, проведенных при 10%-ный постоянной эмиссии [9] (см. рис. 1).

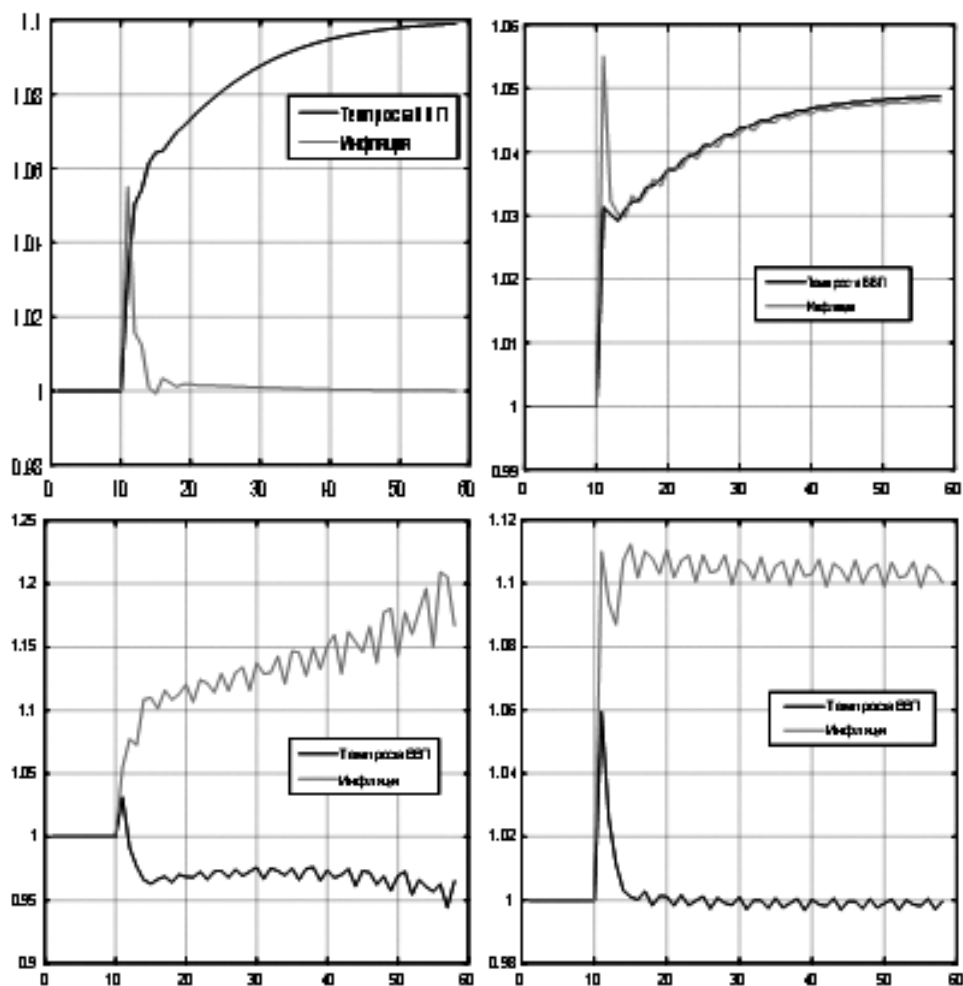
Как видим, нейтральности денег соответствует только случай г), когда в процессе расчетов по модели ПРВ был использован $q = 1,09$. В остальных случаях (а, б, в) деньги не-нейтральны в долгосрочном периоде. При этом в случае а) был задействован коэффициент $q = 0,92$; в случае б) коэффициент $q = 1,00$; в случае в) коэффициент $q = 1,12$.

Данный теоретический результат имеет экономическое объяснение. Действительно, новые (эмитированные центральным банком) деньги, попадая в экономику, не только увеличивают совокупный спрос, но в той мере, в какой эти деньги становятся источником

ции (через дефлятор ВВП). Темпы роста ВВП в соответствии с моделью рассчитывались через данные в национальной валюте;

- 2) сделано предположение, что темп роста номинального ВВП соответствует темпу эмиссии в экономике;
- 3) по темпу эмиссии подбирались такие параметры модели, чтобы в стационарном режиме достигался заданный уровень инфляции. При этом расчетные темпы роста реального ВВП оказались очень близки к статистически наблюдаемым [9, с. 29].

³ Гипотезу о нейтральности денег в долгосрочном периоде разделяют как «старые», так и «новые» монетаристы, неоклассики и неокейнсианцы. Их позицию достаточно точно сформулировал известный специалист по теории экономических учений М. Блауг: «В условиях долгосрочного равновесия деньги нейтральны в том смысле, что номинальные изменения денежного предложения не влияют на реальные экономические переменные, такие как производство, занятость, размещение ресурсов. Однако в течение коротких периодов движения к долгосрочному равновесию изменения денежного предложения могут оказывать влияние на реальную экономическую активность» [2, с. 587].

Источник: расчеты автора.

Рис. 1. Реакция экономики при разных долях эмиссии, направляемой на инвестиции и потребление.

финансирования инвестиций в основной капитал, они участвуют в создании этого капитала, а значит с течением времени увеличивают также и совокупное предложение, а потому, безусловно, оказываются не-нейтральными деньгами. Другими словами, деньги оказываются не-нейтральными, когда они *капитализируются*, когда, по меткому выражению К. Маркса, они из «просто денег» превращаются в денежный капитал [5, гл. 4]. Представители ортодоксальной экономической науки, отрицающие не-нейтральность денег в долгосрочном периоде, на процесс систематического превращения денег в капитал, по-видимому, не обращают внимания, но этот процесс реально существует, составляет одно из важных условий экономического развития.

Приведенные выше расчеты, фиксирующие феномен не-нейтральности денег в долгосрочном периоде, крайне неудобны для представителей ортодоксального направления экономической теории, поэтому они будут замалчиваться последними, как замалчиваются, например, неудобные для них идеи Й. Шумпетера. Однако есть надежда, что подобного рода реакция не будет продолжительной, поскольку вывод о не-нейтральности денег может иметь практическое значение при формировании макроэкономической политики.

Приведем пример. В настоящее время в качестве одного из индикаторов активизации политики монетарного стимулирования экономического роста применяется уровень загрузки производственных мощностей [10]. Считается, что этот уровень в России весьма высок, поэтому политика монетарного стимулирования экономического роста нецелесообразна. Полагаем, что это условие хотя и существенно, но не является ключевым. Более важным представляется условие распределения эмитируемых денег на цели роста инвестиций и/или потребительского спроса, т. е. фактически сложившееся в стране значение коэффициента q , о котором говорилось выше. Остановимся кратко на этом вопросе.

В статье [7] было показано, что чем больше q , тем выше инфляция и ниже темпы роста реального ВВП, следовательно, тем менее развиты институты мобилизации денежной выручки подсистем реального сектора на цели накопления ради инвестиций в основной капитал. Напротив, чем меньше q , тем в большей мере ежемесячная денежная выручка подсистем реального сектора распределяется на цели инвестиционного накопления и все меньше направляется на цели формирования дохода домашних хозяйств. Такая ситуация обеспечивает экономическую эффективность эмиссии, но она опасна, так как грозит социальными взрывами. Именно поэтому в большинстве развитых стран (стран с высоким уровнем валового национального дохода (ВНД) на душу населения⁴) коэффициент распределения денежной выручки подсистем (q) находится в пределах $0,99 < q < 1,01$, что предполагает примерное равенство темпов инфляции и ВВП. Таким способом регуляторы сознательно или стихийно (не имеет значения) приходят к компромиссу между экономической и социальной эффективностью эмиссии [7, с. 491]. Это есть реальная практика, и она подтверждается расчетом среднегодового q за так называемый «допандемийный» период 2011–2019 гг. по данной группе стран. Расчеты показали, что q колеблется в узком диапазоне – между 0,99851 и 1,0103 (см. табл. 1).

⁴ Классификация стран по уровню дохода (ВНД на душу населения) в таблицах 9.1 и 9.2 определена по методике Всемирного банка, описанной в “World Bank Country and Lending Groups”. <https://datahelpdesk.worldbank.org/knowledgebase/articles/906519> (дата обращения: 11.10.2022).

Таблица 1

**Макроэкономические показатели и параметр q
у стран с высоким уровнем дохода**

Страна	Средняя инфляция, %	Средний годовой рост реального ВВП, %	Темп эмиссии (темп ном. ВВП), %	q
Франция	0,88	1,36	2,25	0,99851
Канада	1,52	2,16	3,72	0,9986
США	1,74	2,27	4,05	0,99993
Великобритания	1,75	2,02	3,8	1,0017
Германия	1,68	1,73	3,43	1,0023
Италия	1,11	0,11	1,22	1,0103

Источник: рассчитано автором по: Всемирный банк. <https://databank.worldbank.org>.

В течение этого же периода времени в развивающихся странах (с уровнем ВНД на душу населения выше среднего) диапазон, в котором колеблется q , значительно шире – между 0,954 и 1,345 (см. табл. 2).

Таблица 2

**Макроэкономические показатели и параметр q
у стран с уровнем дохода выше среднего**

Страна	Средняя инфляция, %	Средний годовой рост реального ВВП, %	Эмиссия (ном. ВВП), %	q
Ирак	-0,9	5,2	3,9	0,954
Китай	2,0	7,1	9,3	0,965
Малайзия	1,4	5,1	6,5	0,975
Таиланд	1,6	3,5	5,2	0,989
Перу	2,2	3,8	6,1	0,993
Болгария	2,4	2,5	5,0	1,004
Румыния	4,0	4,2	8,3	1,007
Сербия	3,1	2,0	5,2	1,015
Мексика	4,1	2,3	6,5	1,024
ЮАР	5,3	1,3	6,7	1,043
Казахстан	7,8	3,7	11,9	1,048
Турция	9,8	4,9	15,1	1,058
Бразилия	6,3	0,3	6,6	1,060
Россия	8,3	1,7	10,3	1,068
Беларусь	20,8	0,6	21,6	1,202
Аргентина	34,1	-0,3	33,5	1,345

Источник: рассчитано автором по: Всемирный банк. <https://databank.worldbank.org>.

В России за период 2011–2019 гг. коэффициент q составлял 1,068 (см. табл. 2.). При таком его значении примерно 9/10 эмитированных денег обращаются в рост инфляции и лишь 1/10 – в рост ВВП. Получается, что в «допандемийный» период Россия не была готова к активизации политики монетарного стимулирования экономического роста. При этом данная неготовность не имела отношения к вышеупомянутой проблеме загрузки производственных мощностей, а была связана с факторами, влияющими на высокое значение коэффициента q (1,068). К числу таких факторов можно отнести и возможность свободного вывоза капитала и недооцененность рубля и крайне высокий уровень международных резервов. Сейчас ситуация изменилась: под действием санкций и резкого роста рисков экспорта капитала вероятно произойдет и снижение q , капитал будет вынужден работать в России и на Россию. А это крайне важно для структурной перестройки российской экономики на основе активизации политики монетарного стимулирования экономического роста.

О двух каналах поступления денег в экономику и связи этих каналов с теорией институциональных X- и Y-матриц

Попытаемся, используя полученный в 2019 г. вывод о не-нейтральности денег в долгосрочном периоде, высказать некоторые соображения по поводу синтеза двух теорий – теории переключающегося режима воспроизводства (В.И. Маевский, С.Ю. Малков, А.А. Рубинштейн и др.) и теории институциональных X- и Y-матриц (С.Г. Кирдина-Чэндлер).

Для начала обратим внимание на тот факт, что расчеты 2019 г. (с использованием модели ПРВ) по выявлению феномена не-нейтральности денег были проведены при условии, что деньги центрального банка поступают в экономику страны только по одному каналу, а именно по цепочке «*центральный банк → бюджет → бюджетное финансирование инвестиций в основной капитал*». То есть эмитированные центральным банком деньги попадают на счета той производственной подсистемы реального сектора, которая в текущий период времени занимается обновлением своего основного капитала. Естественно, что сама же эта подсистема оплачивает инвестиционную деятельность всех работников, прямо или косвенно участвующих в обновлении данного основного капитала. Назовем рассматриваемый канал «инвестиционным».

Но есть и другие каналы поступления денег центрального банка в экономику. Один из них можно изобразить в виде цепочки: «*центральный банк → бюджет → социальные/оборонные программы → доходы*

бюджетников → рост потребления». Эмиссия, осуществляемая по данному каналу, направлена на рост пенсий, стипендий, заработных плат работников бюджетной сферы. Ее цель – рост доходов, а через доходы – рост потребительского спроса, поэтому данный канал можно назвать «потребительским».

Во введении было сформулировано следующее положение:

Если новые деньги приходят в экономику по «инвестиционному» каналу, то в долгосрочном периоде (при одном и том же темпе эмиссии) темпы прироста ВВП окажутся выше, чем в случае, когда новые деньги центрального банка попадают в экономику по «потребительскому» каналу.

Если количество эмитированных центральным банком денег, поступающих в экономику по «инвестиционному» каналу, равно аналогичному количеству денег, движущихся по «потребительскому» каналу, то прирост совокупного потребительского спроса будет одинаков по обоим каналам. Соответственно, одинаковым для двух каналов окажется приращение собственных средств в подсистемах реального сектора, а значит и приращение основного капитала в этих подсистемах. Однако выпущенные в обращение деньги, проходя по «инвестиционному» каналу, обеспечивают не только прирост потребительского спроса, но одновременно расходуются на создание дополнительного основного капитала, в дальнейшем приводящего к приросту выпуска продукции. Очевидно, что этот прирост помимо собственно увеличения выпуска снижает инфляцию, что дополнительно усиливает положительный эффект инвестиционного применения эмиссии. Этот эффект, связанный с вышеупомянутым «феноменом капитализацией денег» [6, с. 14] и напрямую обуславливающий их не-нейтральность в долгосрочном периоде, достаточно наглядно демонстрирует преимущества «инвестиционного» канала движения эмитируемых денег над «потребительским».

Проведенные модельные расчеты носят условный характер, но тем не менее они подтверждают положение о преимуществе «инвестиционного» канала эмиссии над «потребительским» при разных значениях коэффициента q и едином темпе эмиссии, равном 10% в год (см. табл. 3)⁵.

Как видно из табл. 3, эмиссия по «потребительскому» каналу приводит к большей инфляции, чем по «инвестиционному» каналу, – при $q = 1$ и темпе эмиссии 10% инфляция по «инвестиционному» каналу составит 4,3%, а по «потребительскому» – 6,2%. По темпам роста реального ВВП «инвестиционный» канал также оказывается лучше «потребительского». Так, при $q = 1,09$ в случае «инвестиционного» канала имеет место минимальный прирост ВВП (0,5%), в то время как

⁵ Расчеты проводились с одинаковым темпом эмиссии (10% в год).

«потребительский» канал направления эмиссии при таком же коэффициенте q обуславливает падение реального ВВП (-1,1%).

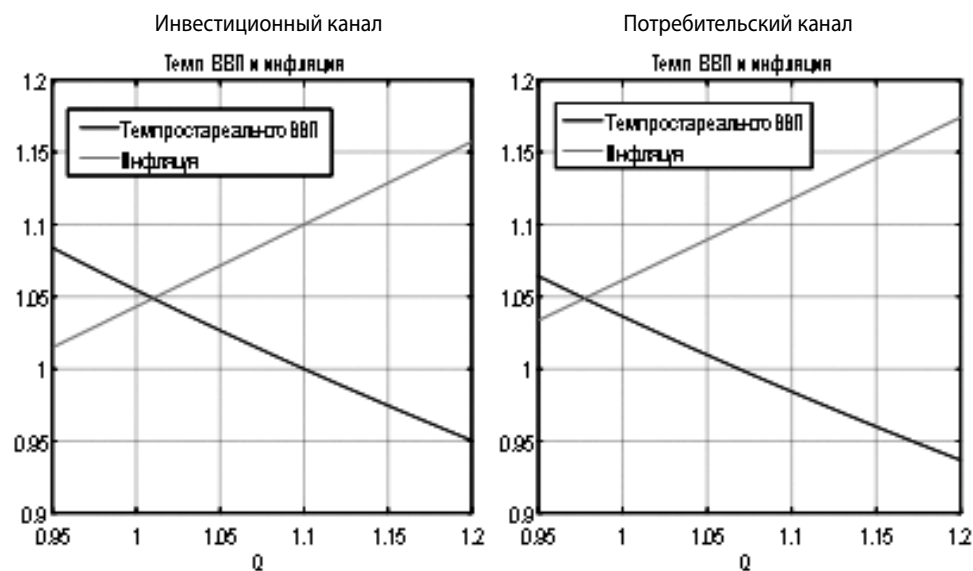
Таблица 3

Сравнение инвестиционного и потребительского каналов инвестирования по модели ПРВ

q	Инвестиционный канал		Потребительский канал	
	темпы прироста реального ВВП, %	инфляция, %	темпы прироста реального ВВП, %	инфляция, %
1	5,5	4,3	3,6	6,2
1,05	2,7	7,1	1,0	8,9
1,09	0,5	9,4	-1,1	11,2
1,12	-1,0	11,1	-2,6	12,9

Источник: рассчитано автором.

Более полные данные, полученные с помощью модели ПРВ, представлены на рис. 2.

Источник: рассчитано автором.

Рис. 2. Темпы роста реального ВВП и инфляция в зависимости от каналов эмиссии.

Как видно из рис. 2, деньги оказываются нейтральными только в частном случае: например, при их движении по «инвестиционному» каналу феномен нейтральности наступает при $q = 1,1$ (в этом случае темпы роста реального ВВП равен единице), а при движении по

«потребительскому» каналу – при $q = 1,07$. В остальных случаях деньги не-нейтральны.

Итак, преимущество «инвестиционного» канала над «потребительским» достаточно очевидно. Остается понять, какое это имеет отношение к теории институциональных X - и Y -матриц.

В рамках разрабатываемой С.Г. Кирдиной-Чэндлер теории институциональных X - и Y -матриц существует гипотеза о функционировании двух институциональных моделей, «обслуживающих» процесс экономического воспроизводства. Согласно этой гипотезе [4], одна модель, названная «государство–инвестор», характеризуется в первую очередь тем, что роль бюджета в финансировании инвестиций в основной капитал велика. При другой модели, условно названной «государство–регулятор», роль бюджета ничтожно мала. Первая институциональная модель преобладает в России и Китае, где доминируют институты X -матрицы, вторая – в США, где преобладают институты Y -матрицы.

Поскольку для экономики, действующей по правилам X -матрицы, роль бюджета в финансировании инвестиций в основной капитал велика, то эмитируемые центральным банком деньги наиболее активно влияют на рост инвестиций в основной капитал через первый, «инвестиционный» канал: *«центральный банк → бюджет → бюджетное финансирование инвестиций в основной капитал»* (модель «государства–инвестора»). Получается, что в этом случае макроэкономический регулятор через эмиссию и бюджетный механизм может напрямую влиять на инвестиционный процесс, ускорять или замедлять его, может избегать как глубоких рецессий, так и перегрева экономики. Напротив, в случае экономики с Y -матрицей «инвестиционный» канал не действует. Хотя здесь также работает связка «эмиссия ЦБ + бюджетный механизм», эмитируемые деньги практически (за незначительными исключениями) не попадают прямо на цели инвестирования в основной капитал реального сектора (модель «государства–регулятора»). Действует второй, «потребительский» канал: *«центральный банк → бюджет → социальные/оборонные программы → доходы бюджетников → рост потребления»*.

Как было показано выше, «инвестиционный» канал эффективнее «потребительского» с точки зрения темпов роста ВВП и инфляции (см. табл. 3 и рис. 2). Но значит ли это, что институциональная модель экономики, действующей по правилам X -матрицы, эффективнее модели экономики, действующей по правилам Y -матрицы? Анализ показывает, что не все так просто. Во-первых, ни одна экономика X -типа не направляет всю эмиссию центрального банка на цели финансирования инвестиций в основной капитал. Часть эмитируемых денег уходит на развитие социальных программ, на нужды обороны. В этом случае

в таком типе экономик два канала движения эмитируемых денег начинают действовать совместно, что ведет к снижению эффекта, рассматриваемого с точки зрения темпов роста ВВП и инфляции.

Во-вторых, в экономиках Y-типа доходы бюджетников идут как на цели потребления, так и на цели сбережения. Следовательно, «потребительский» канал на самом деле сложнее: «*центральный банк → бюджет → социальные/оборонные программы → доходы бюджетников → рост потребления + сбережения → покупка акций/облигаций → внебюджетное финансирование инвестиций в основной капитал*». По сути дела, в рассматриваемых экономиках внебюджетное финансирование инвестиций в основной капитал служит более-менее равноценной заменой бюджетного финансирования. Это обстоятельство ведет к повышению эффективности экономик Y-типа, определяемой с точки зрения темпов роста ВВП и инфляции.

Переходя к конкретным экономикам X- и Y-типов, обращает на себя внимание наличие многочисленных и весьма существенных нюансов как в институциональном и законодательном аспектах, так и в особенностях текущей экономической ситуации. Например, ярко выраженный типичный Y-уклад американской экономики имеет сложную, подчас запутанную процедуру составления и исполнения бюджета [11] с существенными противоречиями между законодательной и исполнительной ветвями власти, что усиливает приоритет частного сектора в инвестиционном процессе. С другой стороны, типичный X-уклад российской экономики, где государство является очень значимым инвестором, позволяет использовать богатый набор различающихся по эффективности мер. Согласно оценкам экспертов ЦБ РФ [3, с. 32–34], в России в сложившемся положении наибольшую эффективность можно ожидать от частных инвестиций, а задействование средств ФНБ сдерживается инфляционными эффектами.

Высказанные выше соображения позволяют заключить, что очевидных преимуществ нет ни у экономик, действующих по правилам институциональной X-матрицы, ни у экономик, действующих по правилам институциональной Y-матрицы. Однако существует ряд вопросов, касающихся особенностей организации экономической динамики в этих двух типах экономики, которые заслуживают специального внимания. Интересно рассмотреть, например, в историческом аспекте переход к современному состоянию существующих экономик X- и Y-типов. Также, безусловно, заслуживает внимания их взаимодействие и взаимное влияние друг на друга. Но все это – темы других исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бланишар О.* Макроэкономика (пер. с английского) // М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010.
2. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе // М.: Дело ЛТД, 1994.
3. *Власов С.А., Синяков А.А.* Эффективность государственных инвестиций и выводы для денежно-кредитной политики в России // Вопросы экономики. 2020. № 9. С. 22–39. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-9-22-39>.
4. *Кирдина С.Г.* Институциональные модели финансирования реального сектора // Журнал Новой экономической ассоциации. 2013. № 2 (18). С. 129–155.
5. *Маркс К.* Капитал: критика политической экономии. Т. 1. М.: Эксмо, 2011.
6. *Маевский В.И.* О базовых предпосылках не-нейтральности денег в экономической теории // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2021. № 13(1). С. 6–19. DOI: <http://dx.doi.org/10.17835/2076-6297.2021.13.1.006-019>.
7. *Маевский В.И., Рубинштейн А.А.* Макроэкономическая политика компромисса между инфляцией и ростом // Журнал экономической теории. 2021. Т. 18. № 4. С. 485–496. DOI: <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-4.1>.
8. *Маевский В.И., Малков С.Ю., Рубинштейн А.А.* Анализ связи между эмиссией, инфляцией и экономическим ростом с помощью модели переключающегося режима воспроизводства // Вопросы экономики. 2019. № 8. С. 45–66. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-8-45-66>.
9. *Маевский В.И., Малков С.Ю., Рубинштейн А.А., Красильникова Е.В.* Об одном направлении развития мезоэкономической теории // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2019. № 11(3). С. 21–38. DOI: <http://dx.doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.3.021-038>.
10. *Могилат А., Ачкасов Ю., Егоров А., Климовец А., Донец С.* Дискуссия о денежно-кредитной политике и состоянии экономики: в поисках конструктивной критики // Вопросы экономики. 2016. № 5. С. 25–43. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-5-25-43>.
11. *Рассыльников И.А.* Особенности организации бюджетного процесса в США // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 1. С. 68–78. DOI: [10.22394/2074-7306-2019-1-1-68-78](https://doi.org/10.22394/2074-7306-2019-1-1-68-78).
12. *Ball L., Romer D.* 1990. Real Rigidities and the Non-Neutrality of Money // Review of Economic Studies 2019. 57 (April). Pp. 183–203.
13. *Jorda O., Sanjay R. Singh, Taylor A.* The Long-Run Effects of Monetary Policy // Federal Reserve Bank of San Francisco Working Paper. 2020-01.
14. *Puah C.H., Tang M.M. J., Shazali A.M., Brahmana R.* Does money matter in Indonesia? Revisiting Divisia money // Journal of International Finance and Economics. 2015. Vol. 15. No. 2. Pp. 7–12.
15. *Tang M.M.J.* A review of the literature on monetary neutrality // MPRA Paper. 2016. No. 70113. <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/70113/>.

REFERENCES

1. *Blanchard O.* Macroeconomics. HSE Publishing House. 2010. (In Russ.).
2. *Blaug M.* Economic Theory in Retrospect. Delo LTD. 1994. (In Russ.).
3. *Vlasov S.A., Sinyakov A.A.* Public investment efficiency and monetary policy consequences: The case of investment ratio enhancing policy in Russia // Voprosy

- Ekonomiki. 2020. No. 9. Pp. 22–39. (In Russ.). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-9-22-39>.
4. *Kirdina S.* (2013) Institutional Models of Real Sector Financing // Journal of the New Economic Association Vol. 18. No. 2. Pp. 129–155. (In Russ.).
 5. *Marx K.* A Contribution to the Critique of Political Economy. V. 1. Eksmo. 2011. (In Russ.).
 6. *Maevsky V.* On the Basic Preconditions of Non-Neutrality of Money in Economic Theory // Journal of Institutional Studies. 2021. Vol. 13. No. 1. Pp. 6–19. (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.17835/2076-6297.2021.13.1.006-019>.
 7. *Maevsky V., Rubinstein A.* The Concept of Macro-Economic Policy Based on the Compromise between Inflation and Growth // Russian Journal of Economic Theory. 2021. Vol. 18. No. 4. Pp. 485–496. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-4.1>.
 8. *Maevsky V., Malkov S., Rubinstein A.* Analysis of the relationship between issuing money, inflation and economic growth with the help of the SMR-model // Voprosy Ekonomiki, 2019. No. 8. Pp. 45–66. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-8-45-66>.
 9. *Maevsky V., Malkov S., Rubinstein A., Krasilnikova E.* On One Direction of Development of the Mesoeconomics // Journal of Institutional Studies, 2019. Vol. 11 (No. 3). Pp. 21–38. (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.17835/2076-6297.2019.11.3.021-038>.
 10. *Mogilat A., Achkasov Y., Egorov A., Klimovets A., Donets S.* Debates on monetary policy issues and economic situation: Searching for constructive comments // Voprosy Ekonomiki. 2016. No. 5. Pp. 25–43. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-5-25-43>.
 11. *Rassyl'nikov I.* Peculiarities of the organization of the budgetary process in the USA // North Caucasus Legal Vestnik. 2019. No. 1. Pp. 68–78. (In Russ.). DOI: [10.22394/2074-7306-2019-1-1-68-78](https://doi.org/10.22394/2074-7306-2019-1-1-68-78).
 12. *Ball, Laurence, and David Romer.* Real Rigidities and the Non-Neutrality of Money. 1990. Review of Economic Studies 57 (April): Pp. 183–203. (In Russ.).
 13. *Jorda O., Sanjay R. Singh, Taylor A.* The Long-Run Effects of Monetary Policy // Federal Reserve Bank of San Francisco Working Paper 2020-01.
 14. *Puah C. H., Tang M. M. J., Shazali A. M., Brahmana R.* Does money matter in Indonesia? Revisiting Divisia money // Journal of International Finance and Economics. 2015. Vol. 15. No. 2. Pp. 7–12.
 15. *Tang M.M.J.* A review of the literature on monetary neutrality // MPRA Paper. 2016. No. 70113. <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/70113/>.

Дата поступления рукописи: 01.07.2022 г.

ABOUT THE AUTHOR

Rubinstein Alexander Alexandrovich – Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. rubinstein.alexander@gmail.com

NON-NEUTRALITY OF MONEY IN THE CONTEXT OF THE SYNTHESIS OF INSTITUTIONAL AND REPRODUCTION THEORY

Two channels of money issued by the central bank are considered. The first channel (it is called an “investment channel”) represents a chain financing investment via the budget. The phenomenon of long term non-neutrality of money follows from the calculations of 2019 and based on this channel. The second channel (it is called a “consumer” one) represents the financing chain of consumer demand. The use of this channel in the model of switching modes of reproduction also confirmed the existence of the phenomenon of long term non-neutrality of money. It is proved and confirmed by calculations on the model that the first, “investment” channel is more effective than the second, “consumer” one, in terms of real GDP growth and inflation.

The relation of these two channels to society institutions and to economies with the X- and Y-matrices is considered. It is shown that, in general, the “investment” channel is typical for economies with an X-matrix, the “consumer” channel is typical for economies with a Y-matrix. At the same time, the article gives a negative answer to the question whether the X-economy is inevitably more preferable than the Y-economy.

Keywords: *emission, inflation, economic growth, models of switching reproduction mode, fixed capital, coefficient of emission money distribution, money flow channels, institutional theory of X- and Y-matrices.*

JEL: B22, B52, C32, E32, E37.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Л.В. ЛАПИДУС

доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры экономики инноваций,
руководитель Лаборатории прикладного отраслевого анализа
экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Ю.М. ПОЛЯКОВА

кандидат экономических наук, магистр экономики,
инженер Лаборатории прикладного отраслевого анализа
экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ГИГОНОМИКА: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ ВЫСОКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ

Статья посвящена исследованию гигонимики как важной составной части новой социально-экономической модели цифровой экономики, в основе которой лежит переход к нестандартным формам занятости, сопровождающим цифровую трансформацию бизнеса в современных условиях высокой турбулентности цифровой среды. Обосновано, что включение гиг-работников в состав рабочей силы предприятия уже является популярной практикой. По мнению авторов, гигонимика способствует снижению негативного влияния турбулентности цифровой среды для бизнеса через нейтрализующее воздействие на степень неопределенности эффекта цифровой трансформации и неопределенности результата реакции бизнеса на вызовы цифровой экономики. Рост объемов гигонимики в России и мире обусловлен преимуществами данной формы занятости над традиционными, что связано с рядом причин, среди которых: влияние пандемии Covid-19, что стало ключевым драйвером цифровой трансформации бизнеса; экономические выгоды для работодателей. Особое внимание уделено трансформации бизнес-моделей организаций при переходе на дистанционный формат труда с учетом возможностей и угроз гигонимики для бизнеса. Предложена модель цифровой трансформации предприятия с привлечением труда гиг-работников, которая снижает степень неопределенности и, соответственно, уровень турбулентности цифровой среды для компаний.

Ключевые слова: гигонимика (гиг-экономика), цифровая экономика, турбулентность цифровой среды, цифровая трансформация, цифровизация, нестандартные формы занятости, фрилансинг, краудсорсинг, гиг-работник, бизнес-модель.

JEL: J01, J21, J3.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_5_23_46.

На современном этапе развития цифровой экономики одной из самых значимых задач в управленческой практике бизнеса является митигация негативного влияния на бизнес турбулентности цифровой среды. В аспекте проблемы нивелирования негативных последствий турбулентности роль гигномики сложно переоценить. На наш взгляд, именно гигномика не только открывает новые возможности для бизнеса, так как внедряет нестандартные формы занятости в современные бизнес-модели, но и нивелирует негативное влияние турбулентности цифровой среды, снижая степень неопределенности и риска для бизнеса.

Для раскрытия данной идеи авторы в статье сделали акцент на двух составляющих современной цифровой трансформации – на турбулентности цифровой современной среды и на различных формах гигномики.

Турбулентность цифровой среды

По нашему мнению, *«турбулентность цифровой среды – это ключевая характеристика среды ведения хозяйственной деятельности, предопределена недостаточной изученностью природы цифровых продуктов и электронных услуг, цифровых платформ, быстрыми изменениями и непредсказуемостью потребительского поведения, инфраструктурными ограничениями и зрелостью цифровых технологий, проблемами кибербезопасности и мн. др. Детерминантами турбулентности цифровой среды являются: сложность – сколько факторов влияет на субъект экономической и хозяйственной деятельности; динамизм/подвижность – насколько эти факторы быстро меняются; неопределенность – какой информацией владеет компания о том или ином факторе и насколько эта информация объективна; непредсказуемость аномалий цифровой экономики»* [7]. В результате проведенных ранее исследований было выделено десять аномалий (см. подробно: [4]).

Турбулентность цифровой среды нарастает под воздействием высоких скоростей происходящих изменений, информационного хаоса, связанного с доступностью большого объема информации при низкой структурированности данных, их низкого качества, низкой степенью уверенности в их достоверности. К этому стоит добавить и другие вызовы цифровой экономики, среди которых: сокращение жизненного цикла технологических инноваций; рост потерь от киберпреступлений; нестабильная экономическая ситуация на мировом рынке. Турбулентность нарастает и при быстрой смене конкурентного ландшафта: например, только на рынке операционных систем за семь лет, с 2010 по 2017 г., произошли кардинальные изменения, которые привели к дуополии, когда 99,9% рынка заняли две операционные

системы *Android* и *iOS*¹. Высокий динамизм многих событий, сопровождающих, в частности, становление и развитие рынков цифровых продуктов и услуг, до сих пор осложняет процесс принятия управленческих решений из-за высокой степени неопределенности цифровой среды и неуверенности в достижении ожидаемых эффектов, которые сложно поддаются прогнозированию.

Covid-19, как аномалия эпидемиологического характера, в большой степени отразилась на цифровой среде для бизнеса, который, реагируя на возникшие вызовы, экстренно переходил к вынужденной цифровой трансформации. Согласно данным отчета *PEX Network* и исследования «Accenture: технологии и устойчивое развитие помогут бизнесу быстрее оправиться от коронакризиса», в условиях пандемии 73% организаций пересмотрели стратегии развития бизнеса и приняли решение сконцентрироваться на цифровой трансформации и устойчивом развитии. В частности, 40% компаний инвестировали в развитие искусственного интеллекта, 37% – в облачные технологии². «По оценкам Международной организации труда, полные или частичные ограничительные меры в связи с пандемией коронавирусной инфекции затронули 2,7 млрд трудящихся, или 81% от всей рабочей силы во всем мире, что привело к вынужденному сокращению занятости...»³. В 2020 г. на территории США после введенных ограничений, связанных с пандемией, количество работающих удаленно граждан составило 50%, что более чем в два раза превышает показатели 2017–2018 гг.⁴ По оценкам *Reynolds*, в России интернет-трафик в 2020 г. увеличился на 30% по сравнению с предыдущим годом в связи с переводом сотрудников на дистанционный формат труда⁵.

Высокая турбулентность цифровой среды приводит к тому, что традиционные бизнес-модели либо изживают себя, либо трансформируются в сторону все большей цифровизации и автоматизации

¹ Gartner, Statista. <https://www.statista.com/search/?q=Android+i+iOS&Search=&qKat=search&newSearch=true&p=1> (дата обращения: 2.09.2022).

² Влияние коронавируса COVID-19 на экономику стран мира. https://zdrav.expert/index.php/Статья:Влияние_коронавируса_COVID-19_на_экономику_стран_мира#.

³ Цифровые технологии и кибербезопасность в контексте распространения COVID-19. Департамент международного и регионального сотрудничества СП РФ. 2020. С. 24.

⁴ Цифровые технологии и кибербезопасность в контексте распространения COVID-19. Департамент международного и регионального сотрудничества СП РФ. 2020. С. 24.

⁵ *Reynolds M.* State of the Internet amid Coronavirus Pandemic // S&P Global Ratings, June 16, 2020. <https://www.spglobal.com/marketintelligence/en/news-insights/latest-news-headlines/state-of-the-internet-amid-coronavirus-pandemic-8211-s-p-podcast-59001571> (дата обращения: 23.08.2022).

[6; 8]. Выигрывают те компании, которые используют инновации в цифровой среде, – в противном случае турбулентность приводит к рискам для бизнеса.

«Чем выше турбулентность, тем сложнее адаптироваться к происходящему, в связи с чем компании и государства вынуждены наращивать расходы на инновации и управление изменениями с целью отражения вызовов цифровой среды. Метод аналогов зачастую не работает, так как происходящие изменения фиксируются впервые в истории бизнеса. Например, по данным Мартина Ривза и Майла Даймлера «в период с 1950-х по 1980-е годы маржа операционной прибыли компаний оставалась практически неизменной. За период с 1980-х по 2011 г. волатильность этого показателя выросла более чем в два раза, как и величина разрыва между «победителями» (компаниями с высокой маржой операционной прибыли) и «неудачниками» (компаниями с низкой маржой операционной прибыли)» [7].

В настоящее время турбулентность цифровой среды нарастает под воздействием *неопределенности состояния, неопределенности эффекта цифровой трансформации, неопределенности реакции* [18] и *неопределенности результата реакции* [14] бизнеса на вызовы цифровой экономики, с которыми сталкиваются руководители как российских, так и зарубежных компаний при запуске цифровой трансформации [7]. Влияние неопределенности внешней среды на стратегическое управление бизнесом имеет не только негативные последствия – она в то же время открывает и новые возможности для бизнеса, на что указывали зарубежные ученые еще в конце 1990-х – в начале 2000-х гг. [15; 16; 19]. Одним из важных выводов ученых является отношение к неопределенности как к движущей силе инноваций [16]⁶, с одной стороны, с другой – для уверенности в эффектах цифровой трансформации требуются новые подходы к управлению, так как по мнению экспертов Г. Хэмел, К. Прахалад, Г. Томас, Д. О’Нил [11] «формирование стратегии в условиях турбулентной среды не может опираться на традиционные «жесткие» концепции» [7].

Ответом бизнеса на высокую турбулентность цифровой среды при использовании новых возможностей онлайн-технологий стало развитие гигэномики, в том числе и через внедрение новых форм нестан-

⁶ Absolute Markets Insights. <https://www.prnewswire.com/in/news-releases/global-crowdsourcing-market-was-valued-to-be-us-9-519-53-mn-in-2018-and-is-expected-to-reach-us-154-835-74-mn-by-2027-growing-at-a-cagr-of-36-5-over-the-forecast-period-owing-to-advancement-in-crowdsourcing-methods-says-absolute-markets-ins-826488722.html> (дата обращения: 25.08.2022); daVinci Payments. 2021. 26. January. DaVinci payments' study shows boom in the gig economy and how to attract gig workers and grow their loyalty. Business Wire. Retrieved April 15, 2021 (дата обращения: 27.08.2022)

дартной занятости. По мнению авторов, *гигономика* (*hygonomics*) или *гиг экономика* (*gig economy*) – это всеобщее распространение новых видов частичной занятости и краткосрочных трудовых контрактов вместо долгосрочных трудовых отношений с работодателем на основе штатного трудоустройства. В то же время под *гигономикой* следует понимать социально-экономическую модель совместного использования трудовых ресурсов/профессиональных навыков при условии, что работник может одновременно совмещать сразу несколько должностей в разных компаниях, расположенных в любой точке мира посредством цифровых (электронных) сервисов. В рамках развития *гигономики* можно выделить несколько типов экономических отношений: фрилансинг (*freelancing*) – занятость через электронные биржи фрилансеров; краудсорсинг (*crowdsourcing*) – краткосрочная частичная занятость на виртуальных краудсорсинговых площадках/платформах [5]. В 2018 г. глобальный рынок краудсорсинга оценивался в 9 519,53 млн долл., а к 2027 г. прогнозируется рост до 154 835,74 млн долл. при среднегодовом темпе роста 36,5%⁷. Наибольшая его доля приходится на сектор ИТ и телекоммуникаций. Он широко распространен в медицинской и финансовой сферах, особенно в области поиска и внедрения инновационных идей. Актуальной проблемой остается анализ отраслевых особенностей, определение путей повышения эффективности бизнес-процессов за счет новых возможностей *гигономики*.

«По данным *Smart Insights* компании глобально к 2020 г. потратили на цифровую трансформацию почти \$2 трлн» [7; 17]. Все большую роль в этих процессах занимают новые формы нестандартной занятости цифровой экономики, которые и являются проявлением *гигономики*. Представители поколения Z уже являются наиболее распространенной возрастной категорией в *гигономике* (50%), по оценкам специалистов, к 2025 г. она составит 75%⁸. Ключевым требованием для сохранения устойчивости и выживания компании в современных условиях является системный анализ поведенческих паттернов потребителей, трендов и вызовов цифровой экономики, переоценка ценностей и поиск путей повышения эффективности в условиях высокой турбулентности. Новые формы нестандартной занятости способствуют достижению стратегических целей компании с наибольшей эффективностью в сжатые сроки.

⁷ Absolute Markets Insights. <https://www.prnewswire.com/in/news-releases/global-crowdsourcing-market-was-valued-to-be-us-9-519-53-mn-in-2018-and-is-expected-to-reach-us-154-835-74-mn-by-2027-growing-at-a-cagr-of-36-5-over-the-forecast-period-owing-to-advancement-in-crowdsourcing-methods-says-absolute-markets-ins-826488722.html> (дата обращения: 25.08.2022).

⁸ Hlebowitsh N. 101+ Gig Economy Statistics Showing Ultra Growth. <https://siteezy.com/gig-economy-statistics> (дата обращения: 4.08.2022).

Рассматривая гигномику как новую возможность для цифровой трансформации бизнеса в современных условиях высокой турбулентности цифровой среды, авторы в данной статье сделали попытку решить следующие задачи исследования: произвести оценку развития гигномики в мире и России, в том числе под влиянием пандемии *Covid-19*; выявить ключевые тренды и перспективы развития гигномики; провести анализ возможностей и угроз гигномики для бизнеса через призму цифровой трансформации; предложить рекомендации по проведению трансформации бизнес-моделей на основе использования труда гиг-работников с учетом проявлений турбулентности среды.

Состояние гигномики в мире и в России

На начало 2019 г. мировой рынок гигномики оценивался в 248,3 млрд долл., около четверти работающего населения в 19 странах мира работали на постоянной основе в качестве гиг-работников. В 2021 г. на гигномику уже приходилась третья часть работающего населения в девятнадцати странах мира. По прогнозам, в течение следующих пяти лет гигномика преодолет отметку в 500 млрд долл. по валовому объему. Поскольку гигномика занимает второе место по количеству предлагаемых рабочих мест, данная модель остается для компаний наиболее привлекательной в эпоху цифровой трансформации экономики [2; 12]. Исследования *Rayoneer* позволили составить рейтинг топ-10 стран мира с наибольшей привлекательностью и ежегодным ростом гигномики: США (78%), Великобритания (59%), Бразилия (48%), Украина (36%), Филиппины (35%), Индия (28%), Бангладеш (27%), Россия (20%), Сербия (19%). Также отмечаются высокие темпы расширения и других мировых рынков. Так, в развивающихся странах использование онлайн платформ для гигномики увеличилось более чем на 30%. К 2019 г. гигномика в Австралии выросла в 9 раз по сравнению с 2015 г., а в Великобритании – в 2 раза по сравнению с 2016 г. Годовой рост количества рабочих мест в 2020 г. по сравнению с 2019 г. в Японии составил 513%, в Испании – 329%, в Великобритании – 300%.⁹

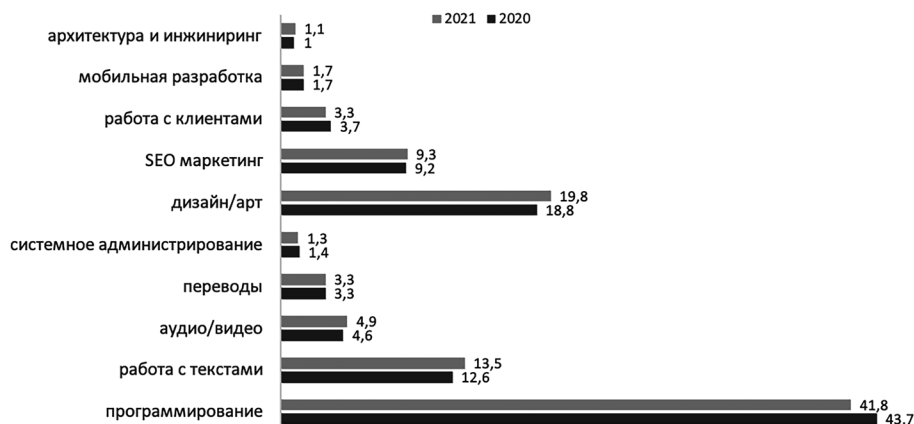
Рассматривая развитие гигномики в России в части фрилансинга, необходимо отметить, что спрос на данную форму занятости со стороны небольших компаний формируется с целью снижения издержек на фонд оплаты труда (ФОТ) и получения доступа к широкой экспертизе. Структура спроса со стороны различных сегментов экономики

⁹ Hlebowitsh N. 101+ Gig Economy Statistics Showing Ultra Growth. <https://siteefy.com/gig-economy-statistics> (дата обращения: 4.08.2022).

на фрилансинг распределяется следующим образом: финансы, тяжелая промышленность и потребительские товары – по 19%; страхование – 12%; технологии – 11%; легкая промышленность – 7%; здравоохранение – 5%; прочее – 9%.

Главными факторами, положительно влияющими на рост спроса на фрилансеров, согласно исследованию PWC «Gig – экономика (2021 г.)», являются: доступ к широкой экспертизе (решение бизнес-задач широким кругом высококвалифицированных кадров) (57%); снижение издержек ФОТ (51%); потребность в работе на отдельных проектах (27%); оптимизация прочих расходов (17%); простота устройства фрилансеров на работу (13%); скорость решения задач (13%); оптимизация рабочих процессов (13%); качество выполнения задач (10%); прочее (8%)¹⁰. В 2020 г. Россия вошла в десятку стран по размеру дохода фрилансеров с показателем 41 млрд долл. и в пятерку стран с наибольшим количеством фрилансеров. К концу 2020 г. данную форму занятости в России выбрало 14 млн человек против 3 млн человек в 2014 г.¹¹

На развитие фрилансинга влияет наличие специализированных виртуальных платформ, их количество и качество. В последние годы таких платформ в России стало больше. На рис. 1 представлена специализация проектов по видам деятельности, опубликованных на таких платформах в период 2020–2021 гг.

Источник: составлено авторами по: Freelancehunt (Итоги года 2021 на Freelancehunt: как изменился рынок фриланса. <https://freelancehunt.com/blog/itoghi-ghoda-v-bloghie-chiem-nas-udivil-2021-ghod> (дата обращения: 16.08.2022).

Рис. 1. Предлагаемые проекты на российских фриланс-платформах, 2020–2021 гг. (%).

¹⁰ Gig-экономика. Отчет PWC. https://www.pwc.ru/ru/publications/freelance-platform/pwc_freelance_market_research_final.pdf.

¹¹ Фриланс. <https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Фриланс> (дата обращения: 14.08.2022).

В 2021 г. наиболее востребованными специалистами стали программисты, что связано с ростом спроса на ИТ-персонал на мировом рынке труда и глобальной цифровизацией. Другими популярными категориями гиг-работников стали дизайнеры (они выполняли 19,8% всех проектов). Третье место заняли копирайтеры. Уровень заработка рассматриваемых специалистов растет, как и их количество: в 2021 г. их доходы составляли 6,9% от общего объема на бирже по сравнению с 5,4% в 2020 г.¹²

Гигономика как форма нестандартной занятости наиболее популярна среди представителей крупного бизнеса и в высокотехнологичных компаниях, которые отслеживают текущие тренды на рынке и ориентированы на усиление конкурентоспособности.

Нельзя не отметить, что многие компании, которые уже давно существуют на рынке, не готовы к проведению цифровой трансформации в области привлечения гиг-работников из-за ряда причин, среди которых: отсутствие необходимых компетенций по анализу бизнес-процессов, выявлению задач, выполнение которых возможно в удаленном формате, оценке кадров по переводу части сотрудников на дистанционный режим, оценке ресурсов, необходимых для технического оснащения удаленной работы и пр. Зачастую громоздкость организации и сложность проведения цифровой трансформации в данной области являются основными причинами затягивания процесса цифровизации. Однако начавшаяся в 2020 г. пандемия *Covid-19* положила начало масштабному переводу сотрудников на удаленный режим труда и в целом стала драйвером очередного витка в развитии гигономики. В 2021 г. компания «Инфосистемы Джет» совместно с *Citrix* провели исследование принципов организации удаленной работы российскими компаниями из списка ТОП-500 РБК в 2020 г. Оно показало, что у 99% исследуемых российских организаций в 2020 г. минимум 10% сотрудников находилось в режиме удаленного доступа; в 35% компаний дистанционно работало 90% персонала, в 54% – более 75% чел.

Многочисленные исследования, проведенные ведущими аналитическими компаниями и институтами, подтвердили, что пандемия *Covid-19* ускорила рост гигономики, в частности, это выразилось в увеличении количества новых участников рынка труда рассматриваемой области и в растущем спросе на гиг-работников. Так, согласно исследованиям *DaVinci Payments*, в 2020 г. в США пул гиг-работников пополнился на 23 млн человек. Рост численности гиг-работников объясняется не только объективными причинами, такими как пандемия *Covid-19*

¹² Рынок фриланса: итоги 2021 года. Что будет в 2022 году? <https://rusability.ru/articles/rinok-frilansa-itogi-2021-goda-chto-budet-v-2022-godu/6214052de4e24f001b25caad> (дата обращения: 21.08.2022).

или выгоды дистанционной занятости, но и тем, что уже в 2019 г. 20% фрилансеров в США стали высокооплачиваемыми работниками, то есть их заработная плата составила более 100 000 долл. в год¹³. В 2021 г. почасовая ставка гиг-работника колебалась от 31 до 115 долл.¹⁴ Примерно 75% респондентов начали заниматься фрилансом, чтобы поддержать свою финансовую стабильность во время пандемии Covid-19. Вместе с этим отмечается негативное влияние пандемии на уже существующих фрилансеров к моменту начала пандемии, а именно: 10% фрилансеров в США пришлось приостановить свою трудовую деятельность из-за пандемии, у 41% фрилансеров сократился объем работы в условиях пандемии¹⁵.

За период с 2019 г. по 2020 г. компании, которым удалось перестроить свои бизнес-модели согласно новым реалиям, обнаружили как положительные, так и негативные эффекты дистанционной занятости, в частности использования труда фрилансеров и краудсорсеров. В качестве примера можно привести опыт компании X5 Group в рамках проекта «X5 Home Office». В 2019 г. X5 Group осуществила попытку пилотирования удаленного режима работы для группы сотрудников, а в 2020 г. перевела на данный формат весь персонал компании. Кроме того, по результатам совместного исследования «Делойта» в СНГ и X5 Group даже после отмены всех ограничений 97% работодателей позволили своим сотрудникам работать удаленно или сохранить гибридный режим труда. Согласно исследованию, проведенному WeWork и brightspot strategy в сентябре 2020 года, опрос сотрудников в США, Канаде, Мексике и Великобритании показал, что креативность работников при выполнении работы в удаленном режиме из-за пандемии снизилась на 13–15%, а у работников, вернувшихся в офис после снятия ограничений, улучшилось психологическое состояние на 54%. По окончании пандемии 7% компаний планируют удаленный режим работы для всех сотрудников, 44% приняли решение о введении гибкого графика посещения офиса, в 41% компаний часть сотрудников будет осуществлять трудовую деятельность в удаленном режиме, 17% будут использовать дистанционную занятость только при наступлении очередной пандемии, 19% компаний не будут прибегать к удаленному труду или не приняли решение¹⁶.

¹³ daVinci Payments. (2021, January 26). DaVinci payments' study shows boom in the gig economy and how to attract gig workers and grow their loyalty. Business Wire. Retrieved. 2021. April 15.

¹⁴ Sbai, A. (2021, March 12). The gig-work platforms' market sheds its skin to face COVID's impact. Infomineo. Retrieved. 2021 April, 15.

¹⁵ Upwork. 2020, September 1. Freelance forward 2020 (дата обращения: 19.08.2022).

¹⁶ Удаленная работа в России. https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Удаленная_работа_в_России (дата обращения: 26.08.2022).

Таким образом, пандемия Covid-19 обострила проблему выбора модели трудовых отношений между работником и работодателем. Работники склонны в большей степени выбирать удаленную работу в пользу гибкости графика и контроля собственных условий труда, однако работодатели при этом могут нести потери в производительности труда, контроле рабочего времени и режима труда своих сотрудников. Но, несмотря на указанные риски, гигномика продолжает развиваться быстрыми темпами.

Ключевые тренды развития гигномики

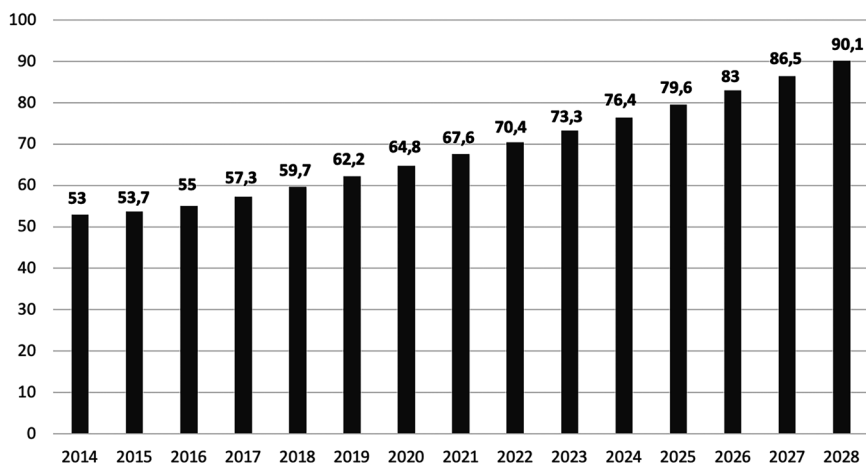
В настоящее время в отдельных странах мира прогнозируется рост численности гиг-работников. Несмотря на то, что Китай не вошел в рейтинг топ-10 стран мира с наибольшими привлекательностью и ежегодным ростом гигномики, прогнозируется, что 400 млн жителей могут стать ее участниками к 2036 г. На китайской платформе Zhiwork в настоящее время зарегистрировано 60 тыс. специалистов, в то время как 70% штатных сотрудников в Китае ищут дополнительную подработку на стороне^{17, 18}. По оценкам Statista, численность фрилансеров в США к 2028 г. достигнет 90,1 млн человек. На рис. 2 представлены данные о росте численности фрилансеров в США за период с 2014 по 2028 г. За 8 лет количество фрилансеров в США возросло на 6 млн человек¹⁹.

Для выявления основных тенденций в развитии гигномики необходимо проводить анализ состояния отраслей, секторов экономики, а также новых онлайн-профессий, которые появились на глобальном рынке труда в связи с мировым трендом трансформации бизнес-моделей компаний. В 2019 г. наиболее популярной отраслью для гигномики являлась ИТ – более 50% всей внештатной работы, вместе с тем 75% фрилансеров работали в сфере искусства и дизайна [10; 13]. В 2020 г. в строительной отрасли Великобритании 800 000 рабочих были самозанятыми. В 2021 г. 58% гигномики приходилось на транспортные услуги, такие как совместное использование поездок и совместное использование автомобилей. Финансовый сектор также развивается с учетом данного тренда: Раффайзенбанк в 2020 г. принял решение о постоянном переходе на гибридный режим труда для 5,5 тыс. сотрудников из 9 тыс. человек. Наиболее популярные сектора

¹⁷ Гигномика в цифрах и фактах. <https://rb.ru/story/gig-economy-facts>.

¹⁸ Рынок фриланса: итоги 2021 года. Что будет в 2022 году? <https://rusability.ru/articles/rinok-frilansa-itogi-2021-goda-chto-budet-v-2022-godu/6214052de4e24f001b25caad>.

¹⁹ Statista Research Department. 2021, January 20) Gig economy: Number of freelancers in the U.S. 2017–2028. Statista. Retrieved April 14, 2021.

Источник: составлено авторами по: Gig economy: Number of freelancers in the U.S. 2017–2028. Statista (Statista Research Department. 2021, January 20. Gig economy: Number of freelancers in the U.S. 2017–2028. Statista. Retrieved April 14, 2021).

Рис. 2. Количество фрилансеров в США, 2014–2028 гг. (млн человек).

экономики для использования труда гиг-работников стали: аренда и транспорт, например, Airbnb в 2020 г. была высокодоходной компанией со средним ежемесячным доходом арендаторов около 924 долл.²⁰

В гигономике можно выделить ряд наиболее востребованных должностей. Так, ИТ-аналитик является наиболее популярной вакансией в настоящее время (43%), среди других можно назвать инженеров по данным (31%), менеджеров ИТ / технологических проектов (23%), менеджеров по маркетингу (18%), клинических фармацевтов (18%), дизайнеров (9%)^{21,22}. Анализ рынка вакансий сферы здравоохранения показал, что в настоящее время работодатели предлагают следующие должности на основе фрилансинга: ассистент кардиохирурга, виртуальный фармацевт, клинический медицинский писатель, музыкальный терапевт, старший специалист по безопасности лекарств, терапевтический менеджер, супервайзер банка крови, художник-аниматор, руководитель фармаконадзора, инженер по производству вакцин. Проведенные исследования позволили выделить ключевые направления спроса на услуги фрилансеров в долгосрочной перспективе. Среди них: дизайн и мультимедиа (63%); ИТ и программирование (60%); контент и пере-

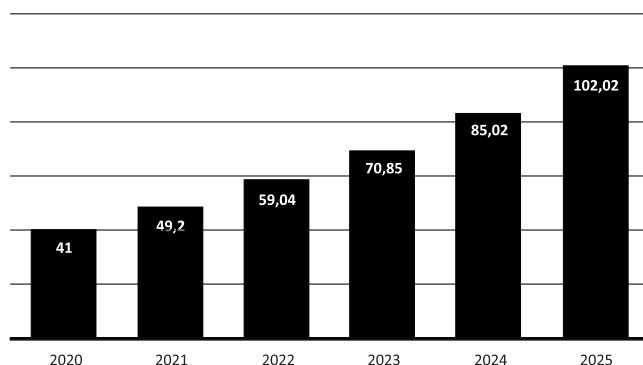
²⁰ Hlebowitsh N. 101+ Gig Economy Statistics Showing Ultra Growth. siteefy.com/gig-economy-statistics.

²¹ Haye, M., Chumney F., Wright C., Buckingham M. The global study of engagement: Technical report. ADP | Research Institute, 2019.

²² Sbai A. 2021, March 12. The gig-work platforms' market sheds its skin to face COVID's impact. Infomineo. Retrieved April 15, 2021.

воды (51%); финансы, управление и HR (43%); продажи и маркетинг (23%); клиентская поддержка (23%); проектирование и производство (20%); право (20%); другое (9%)²³. Кроме того, перевод на модель гиг-экономики лидирует в группе с участием женщин – 50%, административных должностей – 46%, должности, связанные с написанием контента, – 43%, из области поддержки клиентов – 43%, должностей по управлению проектами – 36%²⁴.

В ближайшие три года ожидается устойчивый рост рынка фрилансинга в России: за период с 2020 по 2025 г. данный рынок вырастет на 20% и составит 102,02 млрд долл. (см. рис. 3). При этом доля российского рынка фрилансинга в общей структуре глобального рынка составит 1,1% к 2025 г., 25% компаний планируют заменить 30% штатных сотрудников на фрилансеров, 50% спроса на фрилансеров формируют малые и средние компании с оборотом до 100 млн руб.²⁵

Источник: составлено авторами по: данные исследования рынка фриланса PWC (Gig-экономика. Отчет PWC. https://www.pwc.ru/ru/publications/freelance-platform/pwc_freelance_market_research_final.pdf (дата обращения: 6.08.2022)).

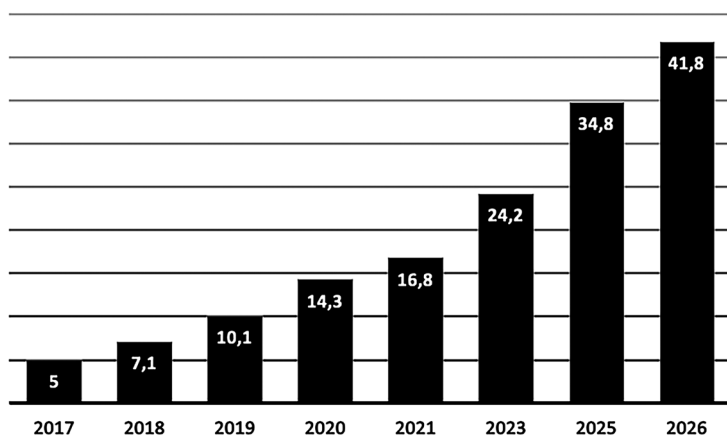
Рис. 3. Прогноз динамики российского рынка фрилансинга (млрд долл.).

С 2019 по 2020 г. численность фрилансеров в России возросла на 42% (см. рис. 4), что было связано с пандемией Covid-19, но в 2021 г. прирост занятых сократился и рынок стал развиваться более стабильно. Ожидается, что к 2026 г. к пулу гиг-работников будет относиться почти половина трудоспособного населения России.

²³ Gig-экономика. Отчет PWC. https://www.pwc.ru/ru/publications/freelance-platform/pwc_freelance_market_research_final.pdf (дата обращения: 6.08.2022).

²⁴ Hlebowitsh N. 101+ Gig Economy Statistics Showing Ultra Growth. <https://siteeify.com/gig-economy-statistics>.

²⁵ Gig-экономика. Отчет PWC. https://www.pwc.ru/ru/publications/freelance-platform/pwc_freelance_market_research_final.pdf (дата обращения: 6.08.2022).

Источник: составлено авторами по: *Freelancehunt* (Итоги года 2021 на *Freelancehunt*: как изменился рынок фриланса. <https://freelancehunt.com/blog/itoghi-ghoda-v-bloghie-chiem-nas-udivil-2021-ghod> (дата обращения: 16.08.2022).

Рис. 4. Количество фрилансеров в России, 2017–2026 гг. (млн человек).

Результаты опросов российских компаний, проведенных в 2021 г., демонстрируют повышение интереса к гиганомике как форме занятости и как к возможности получения дополнительной выгоды в развитии бизнеса. Во время пандемии российский бизнес был вынужден привлекать труд гиг-работников, но 71% компаний заявили, что намерены продолжить данную практику даже после снятия ограничений, связанных с *Covid-19*.

Одним из последствий перехода на удаленный режим работы в России из-за пандемии стало *увеличение продолжительности рабочего дня*. В 2020 г. лидером по росту продолжительности трудового дня, работы в выходные и увеличению количества онлайн-совещаний на «удаленке» стало производство: эти тренды у себя отметили 30% руководителей производственных компаний. На втором месте – сфера образования: в зависимости от тренда на них указали от 16 до 17% руководителей²⁶. По данным исследования НИУ «ВШЭ», в академической среде «продолжительность рабочей недели ученых в период пандемии увеличилась с 40 часов до 51 часа» [9]. На третьей строчке – финансовые организации (порядка 10% руководителей отметили увеличение продолжительности трудового дня). Самыми устойчивыми к переходу в онлайн-формат оказались руководители отрасли ИТ/Телеком. Длительность их рабочего дня почти не изменилась или же изменилась незначительно. Мессенджеры в рабочих коммуникациях в отрасли стали использовать чаще, но количество совещаний кри-

²⁶ Удаленная работа в России. https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Удаленная_работа_в_России.

тично не выросло (оно увеличилось лишь у отдельных респондентов). Заметного роста «выгораний» и последующих увольнений среди руководителей в связи с «удаленкой» в ИТ/Телекоме не наблюдалось²⁷.

Рост фрилансинга как части гигномики в мире и в России в ближайшие годы будет обеспечен высоким спросом и привлекательностью краткосрочных трудовых контрактов, с одной стороны, и широким спектром знаний и компетенций, которыми обладают гигработники, – с другой. Данная форма занятости становится все более привлекательной для бизнеса в условиях высокой турбулентности, однако сопряжена с определенными сложностями и рисками при внедрении в производственную деятельность организаций.

Анализ возможностей и угроз гигномики для бизнеса через призму трансформации бизнес-моделей

Бизнес-модели компаний заметно изменились в эпоху цифровой экономики. Применение цифровых технологий позволило повысить конкурентоспособность организаций, сократить издержки производства, улучшить качество товаров и услуг. Появились новые бизнес-модели, в корне отличающиеся от традиционных:

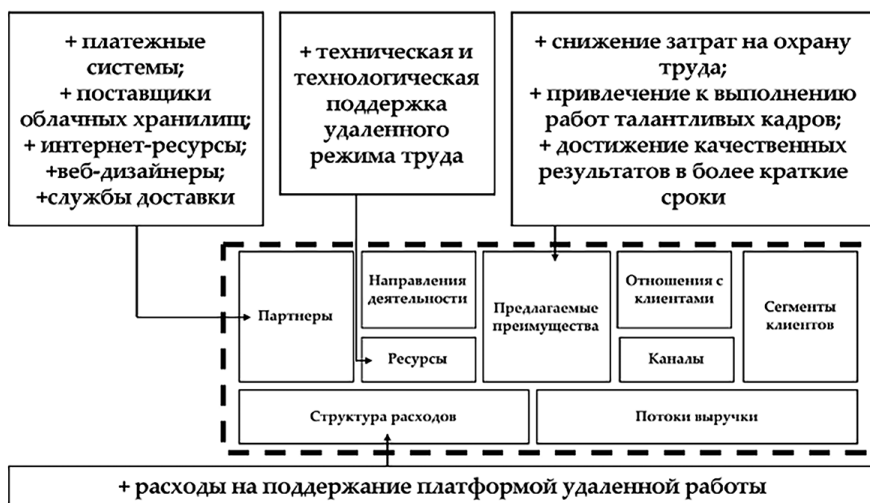
- 1) модель *Freemium* (товар или услуга предлагаются на бесплатной основе);
- 2) модель подписки (продукты и услуги по подписке с оплатой с одинаковой периодичностью);
- 3) экономика совместного потребления (товары сдаются в аренду на специализированных шеринговых платформах);
- 4) модель экосистемы (расширенный пакет продуктов и услуг, оказываемых потребителю, владеющему продуктом данной компании);
- 5) краудфандинг (сбор средств для реализации идеи на основе ресурсов «толпы»);
- 6) *Peer-to-Peer* / без посредников (взаимодействие отдельных лиц на виртуальной площадке для покупки/продажи товаров и услуг) и т. п. [8].

Разнообразие появившихся бизнес-моделей зачастую относится к новым высокотехнологичным компаниям, которые часто были законодателями их становления и развития в результате цифровой трансформации.

Большинство организаций малого и среднего бизнеса имеют в основе традиционную бизнес-модель в отношении организации

²⁷ Удаленная работа в России. https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Удаленная_работа_в_России.

труда, то есть определенное количество штатных сотрудников, которые трудятся на стандартных рабочих местах. Согласно А. Остервальдеру и И. Пинье, любую бизнес-модель можно представить в виде схемы из девяти взаимосвязанных блоков, описывающих различные бизнес-процессы организации: партнеры, направления деятельности, ресурсы, предлагаемые преимущества, отношения с клиентами, каналы, сегменты клиентов, структура расходов, потоки выручки. Однако при проведении цифровой трансформации с использованием труда гиг-работников целесообразно уделить внимание нескольким элементам, которые необходимо включить в блоки данной модели (см. рис. 5) [1; 3].

Источник: составлено авторами.

Рис. 5. Трансформация бизнес-модели компании с использованием режима труда гиг-работников.

Так, при использовании новых форм занятости гигномики бизнес-модель организации подвергается изменениям, например, для привлечения труда фрилансеров и краудсорсеров может потребоваться аренда интернет-ресурсов у сторонних организаций в целях предоставления виртуальной площадки для осуществления трудовой деятельности (возложенного функционала). Использование труда краудсорсеров потребует дополнительных расходов в части организации и контроля их труда на специализированных интернет-платформах (взаимодействие с краудсорсинговой платформой, оплата труда менеджера по управлению крауд-проектами, вознаграждение краудсорсеров и пр.). Большая нагрузка ляжет на службу по управлению персоналом в связи с высокой ротацией кадров и краткосрочными трудовыми контрактами с гиг-работниками.

Вместе с этим удаленный режим труда предоставляет возможность снижения затрат на охрану труда, так как рабочее место гиг-работник может выбирать самостоятельно и обустроить его в соответствии со своими индивидуальными потребностями. В данном случае работодатель вправе не нести ответственность за охрану труда гиг-работника, прописав соответствующий пункт в трудовом договоре. Кроме того, специфика рассматриваемой формы занятости дает возможность компаниям привлекать талантливые и высококвалифицированные кадры на выполнение краткосрочных трудовых контрактов, получая при этом высокие результаты в сжатые сроки.

В 2020 г. в США был проведен опрос компаний о привлекательности гигномики как новой социально-экономической модели трудовых отношений. Результаты показали значительный интерес работодателей к данной модели: 40% респондентов заявили, что хотят повысить долю гиг-работников в ближайшие годы, а 80% компаний уже начали использовать трудовые ресурсы гигномики в своих организациях. Кроме того, 75% компаний нуждаются в гиг-работниках для получения узкоспециализированных кадров, а 62% респондентов уверены, что данная рабочая сила способна улучшить их финансовое положение. Одной из ключевых характеристик гиг-работника является его повышенная вовлеченность в трудовую деятельность, которая выражается в более высокой производительности и качестве труда, амбициозности и скорости выполнения задач. По статистике, компании, обладающие такой рабочей силой, опережают своих конкурентов на 202%²⁸.

Другим современным трендом в управлении персоналом, связанным с гигномикой, становится релокация (переезд сотрудников/перемещение производства), что подтверждается результатами исследования международной рекрутинговой компании *Hays* «Релокация сотрудников», проведенного в России в 2021 г. По результатам опроса 1100 респондентов, 8% компаний уже осуществили перевод ряда должностей, отделов и функций на удаленную работу, а 3% планируют это сделать в ближайшее время, из которых 89% переместят сотрудников в российские регионы, а 11% – в другие страны. Из опрошенных 14% компаний утверждают, что в 2021 г. 10% сотрудников работали из других регионов и только у 5% компаний доля таких сотрудников составила 81%. Результаты опроса по готовности сотрудников к релокации таковы: 46% работников выступают за переезд в другие страны (67% – в Западную Европу, 41% – в США, 37% – в Канаду, 30% – в Австралию и Новую Зеландию, 14% – в Азию), при этом 37% респондентов зая-

²⁸ Hlebowitsh N. 101+ Gig Economy Statistics Showing Ultra Growth. <https://siteefy.com/gig-economy-statistics>.

вили, что главной мотивацией к переезду для них является интересный проект и возможность карьерного роста²⁹.

Однако дистанционная занятость характеризуется и проблемными зонами. Так, при переводе сотрудников на удаленную работу компании столкнулись с резким повышением нагрузки на ИТ-персонал (52%), недостатком технической инфраструктуры для «работы из дома» (35%), проблемами с информационной безопасностью (33%), недостаточной пропускной способностью каналов связи (26%), нехваткой серверных мощностей (15%). Только 16% опрошенных компаний не столкнулись с какими-либо проблемами. Другим недостатком гигономики считается отсутствие фиксированного дохода у гиг-работника, в частности, по данным исследования *daVinci Payments (2021)* средняя заработная плата работника составляет менее 100 или 1000 долл. в месяц в зависимости от специфики платформы и предоставляемых услуг в мире. Так, согласно исследованию *Earnest Loans*, 85% гиг-работников зарабатывают менее 500 долл. При этом годовой рост заработной платы в гигономике в 2020 г. составил 33%³⁰.

Увидеть полную картину возможностей и угроз внедрения гигономики в бизнес-модель организации позволяет матрица SWOT-анализа (см. табл.).

Таблица

SWOT-анализ цифровой трансформации в организации, основанный на привлечении труда гиг-работников

Сильные стороны гигономики	Слабые стороны гигономики
<ul style="list-style-type: none"> – доступ к талантливым кадрам; – привлечение высокоспециализированных специалистов; – краткосрочные трудовые контракты; – высокое качество и скорость выполнения работы; – снижение расходов на ФОТ и охрану труда. 	<ul style="list-style-type: none"> – увеличение расходов на ИТ-инфраструктуру (привлечение ИТ-специалистов, закупка/аренда ресурсов для осуществления дистанционной работы); – увеличение нагрузки на службу управления персоналом (поиск, отбор кандидатов и контроль выполнения условий договора); – риск невыполнения условий договора гиг-работником; – зависимость от сторонних организаций, предоставляющих ресурсы для удаленной работы.

²⁹ Удаленная работа в России. https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Удаленная_работа_в_России.

³⁰ daVinci Payments. (2021, January 26). DaVinci payments' study shows boom in the gig economy and how to attract gig workers and grow their loyalty. Business Wire. Retrieved. 2021. April 15.

Возможности для бизнеса	Угрозы для бизнеса
<ul style="list-style-type: none"> – снижение рисков при развитии и масштабировании бизнеса; – разработка и внедрение инновационных решений на основе коллективного разума; – повышение стратегической гибкости бизнеса. 	<ul style="list-style-type: none"> – нехватка ресурсов для поддержания бесперебойной работы дистанционной занятости (проблемы кибербезопасности, нехватка лицензий на ПО, нехватка серверных мощностей и т. п.); – риск срыва сроков выполнения работы из-за высокой ротации кадров.

Источник: составлено авторами.

Таким образом, при внедрении гигномики в бизнес-модель организации необходимо учитывать все вышеизложенные недостатки данной формы занятости, связанные с нехваткой ресурсов, которые необходимы для обеспечения бесперебойности удаленной работы, а также риски для бизнеса в целом с учетом нарастающей сложности структуры конкурентной среды, специфики отрасли и тенденций и трендов на мировом рынке.

Рекомендации для компаний по проведению цифровой трансформации с использованием новых форм занятости гигномики, исходя из выявленных проблем в условиях высокой цифровой турбулентности

В результате проведенных исследований авторами были выделены функциональные области, выступающие в роли условий, необходимых для успешной цифровой трансформации бизнеса с привлечением труда гиг-работников в условиях высокой цифровой турбулентности. Остановимся на основных из них.

1. Оценка потребности во внедрении гигномики в бизнес-модель организации (потребность определяется по типам решаемых задач, по функциональным зонам и по категориям сотрудников).
2. Оценка доступности ресурсов, необходимых для использования данной формы занятости.
3. Оценка наличия компетенций, опыта, знаний и навыков в области проведения цифровой трансформации с использованием нестандартных форм занятости.
4. Оценка стратегической гибкости (оценка возможности сохранения и усиления конкурентоспособности при цифровой транс-

формации бизнес-модели организации с привлечением труда гиг-работников в ответ на вызовы турбулентной цифровой среды).

5. Мониторинг состояния бизнес-процессов и оценка полученных результатов при запуске цифровой трансформации с привлечением труда гиг-работников.
6. Осуществление контроля за производительностью труда гиг-работников и условий их деятельности.
7. Принятие управленческих решений на основе результатов контроля процесса цифровой трансформации с учетом стратегических, оперативных и операционных целей и планов работы компании.

Проведенный анализ возможностей и рисков включения гиг-работников в рабочий процесс позволил сделать вывод о том, что он имеет сложную логическую структуру и может быть разбит на этапы с учетом предложенных принципов цифровой трансформации (см. рис. 6).

Источник: составлено авторами.

Рис. 6. Этапы проведения цифровой трансформации на предприятии с использованием труда гиг-работников.

Целесообразно осуществлять проведение цифровой трансформации с привлечением новых форм нестандартной занятости гигномики в три этапа: подготовительный; промежуточный; результирующий. Каждый этап состоит из ступеней с определенными мероприятиями, нацеленными на получение результатов, оформленных в виде

отчетов и документов, требующих анализа и перехода на следующую ступень. В начале процесса цифровой трансформации с использованием труда гиг-работников данной области необходимо проведение диагностики готовности предприятия к проведению мероприятий по цифровой трансформации, оценки состояния человеческих ресурсов предприятия с целью определения числа сотрудников, направлений деятельности и функционала каждой должности для возможности перевода на удаленный формат работы. Затем проводится анализ доступности ресурсов для привлечения труда гиг-работников, а именно: наличие собственного оборудования; серверных мощностей и узкоспециализированного персонала для обеспечения работоспособности данной формы труда, либо возможность привлечения сторонних организаций, покупки или аренды необходимых ресурсов. Завершается подготовительный этап проведением оценки рисков и возможностей внедрения гигномики в бизнес-модель конкретной организации с учетом специфики деятельности и отраслевой принадлежности.

Второй этап рассматриваемого процесса характеризуется запуском цифровой трансформации в тестовом режиме, по завершению которого происходит анализ состояния всех бизнес-процессов, связанных с организацией труда. Выявление и устранение проблемных зон (расшивка «узких мест») является важнейшим процессом данного промежуточного этапа.

На третьем этапе осуществляются завершающие мероприятия по включению гиг-работников в кадровый состав организации. В качестве мер по контролю результатов цифровой трансформации предлагается системное проведение мониторинга и аудита бизнес-процессов, положения компании. Предложенная модель цифровой трансформации на основе принципов ее осуществления позволит компаниям снизить вероятность возникновения угроз и рисков для бизнеса, связанных с турбулентностью цифровой среды.

В заключение стоит отметить, что гигномика как форма нестандартной занятости представляет особую важность для бизнеса в условиях высокой турбулентности и нестабильности внешней среды. Построение прогнозов ближайшего будущего осложнено ускоренным развитием цифровых технологий и изменчивостью рынков, в связи с чем гигномика и краткосрочные трудовые контракты становятся крайне привлекательной для современных организаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дашков А.А., Черникова Е.С.* Исследование влияния цифровых платформ на бизнес-модель организации // *E-Management*. 2021. Т. 4. №. 1. С. 48–57.
2. *Дементьев В.Е.* Конкуренция в условиях цифровой трансформации // *Эволюция иерархических структур в экономике и экономический рост: Сборник материалов XIII Международного Пушкинского симпозиума по эволюционной экономике* (г. Пушкино Московской обл., Россия, 6–7 сентября 2019 г.) / Под ред. В.И. Маевского, С.Г. Кирдиной-Чэндлер и У. Витта. М.: Институт экономики РАН, 2020.
3. *Комарчева О.С., Лысенко Е.А.* Оценка степени готовности предприятий торговли и сферы услуг к цифровой трансформации // *Вестник Кемеровского государственного университета*. Серия: Политические, социологические и кономические науки. 2020. № 5 (3). С. 375–385.
4. *Латидус Л.В.* Аномалии цифровой экономики и проблема оценки ожидаемых эффектов цифровой трансформации. Международная ежегодная научная конференция «Ломоносовские чтения – 2020». Секция экономических наук. «Экономическая повестка 2020-х годов». 2020. С. 172–176.
5. *Латидус Л.В., Полякова Ю.М.* Гиганомика как новая социально-экономическая модель: развитие фрилансинга и краудсорсинга // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2018. № 6. С. 73–89.
6. *Латидус Л.В.* Стратегии цифровой трансформации бизнеса в условиях нарастающей турбулентности цифровой среды. Четвертая международная конференция «Управление бизнесом в цифровой экономике»: сборник тезисов выступлений, Санкт-Петербург / Под общей ред. д.э н., профессора И.А. Аренкова и к.э.н., доцента М.К. Ценжарик. СПб.: ИПЦ СПбГУПТД, 2021. С. 20–25.
7. *Латидус Л.В.* Турбулентность цифровой среды как драйвер цифровой трансформации. Международная ежегодная научная конференция Ломоносовские чтения-2021. Секция экономических наук. «Поколения экономических идей»: Сборник лучших докладов. 2020. Гл. 4. С. 188–202.
8. *Латидус Л.В.* Цифровая экономика: управление электронным бизнесом и электронной коммерцией: монография. М.: ИНФРА-М, 2018.
9. *Мониторинг экономики образования: 2020. В 2 т. / Сост. Н.Б. Шугаль; Нац. исслед. ун-т. Высшая школа экономики Т. II. Высшее образование и рынок труда.* М.: НИУ ВШЭ, 2021.
10. *Подвойский Г.Л.* Будущее сферы труда: повестка дня // *Развитие сферы труда в России: истоки проблем, современные тренды и вызовы глобализации: Сборник / Под ред. И.В. Соболевой и А.П. Седлова.* М.: ИЭ РАН, 2019.
11. *Хэмел Г., Прахалад К., Томас Г., О'Нил Д.* Стратегическая гибкость / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2005.
12. *Akpolat C.K., Soliman F., Schweitzer J.* Understanding Perceived Environmental Uncertainty and its Impact on Innovation. Paper to be presented at the Global Business Conference Winter, France, 2013.
13. *Freel M.S.* Perceived Environmental Uncertainty and Innovation in small Firms, *Small Business Economics*. 2005. № 25. Pp. 49–64.
14. *Gibbons P.T., Chung L.H.* Defining Uncertainty: The Implications for Strategic Management, *Irish Business and Administrative Research*. 1995. № 16. Pp. 17–32.

15. *Hough J.R., White M.A.* Environmental Dynamism and Strategic Decision – Making Rationality: An Examination at the Decision Level, *Strategic Management Journal*. 2003. № 24(5). Pp. 481–489.
16. *Jauch L.R., K.L. Kraft.* Strategic Management of Uncertainty. *Academy of Management Review*. 1986. № 11. Pp. 777–790.
17. *Johnson D.* What is Innovation and Entrepreneurship? Lessons for larger Organizations, *Industrial and Commercial Training*. 2001. № 33(4). Pp. 135–140.
18. *Milliken F.J.* Three Types of Perceived Uncertainty About the Environment: State, Effect and Response Uncertainty, *Academy of Management Review*. 1987. № 12. Pp. 133–143.
19. *Song M., Montoya-Weiss M.M.* The Effect of Perceived Technological Uncertainty of Japanese New Product Development, *Academy of Management Journal*. 2001. No. 44(1). Pp. 61–80.

REFERENCES

1. *Dashkov A.A., Chernikova E.S.* Study of the impact of digital platforms on the business model of an organization // *E-Management*. 2021. Vol. 4. No 1. Pp. 48–57. (In Russ.).
2. *Dementiev V.E.* Competition in the context of digital transformation // *Evolution of hierarchical structures in the economy and economic growth: Proceedings of the XIII International Pushchino Symposium on Evolutionary Economics (Pushchino, Moscow Region, Russia, September 6–7, 2019)* / Ed. IN AND. S.G. Mayevsky, S.G. Kirdina-Chandler, W. Witt. M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2020. (In Russ.).
3. *Komarcheva O.S., Lysenko E.A.* Assessing the degree of readiness of trade and service enterprises for digital transformation. *Bulletin of the Kemerovo State University. Series: Political, sociological and economic sciences*. 2020. № 5(3). Pp. 375. (In Russ.).
4. *Lapidus L.V.* Anomalies of the digital economy and the problem of assessing the expected effects of digital transformation. *International annual scientific conference “Lomonosov Readings – 2020”*. Section of Economic Sciences. “Economic Agenda 2020”. 2020. P. 172–176. (In Russ.).
5. *Lapidus L.V., Polyakova Yu.M.* Gigonomics as a new socio-economic model: the development of freelancing and crowdsourcing // *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2018. No. 6. P. 73–89. (In Russ.).
6. *Lapidus L.V.* Strategies for digital transformation of business in the context of growing turbulence in the digital environment. *Fourth International Conference “Business Management in the Digital Economy”*: collection of abstracts, St. Petersburg / Ed. e. n., professor Arenkov I. A. and Ph.D. n., Associate Professor M.K. Tsenzharik. St.-Petersburg: IPTs SPbGUPTD, 2021. Pp. 20–25. (In Russ.).
7. *Lapidus L.V.* Turbulence of the digital environment as a driver of digital transformation. *International annual scientific conference Lomonosov Readings-2021*. Section of Economic Sciences. “Generations of Economic Ideas”: Collection of the best reports, Chapter 4., 2020. Pp. 188–202. (In Russ.).
8. *Lapidus L.V.* Digital economy: management of electronic business and electronic commerce: monograph. M.: INFRA-M, 2018. (In Russ.).
9. *Monitoring of the economics of education: 2020*. in 2 vol. / comp. N.B. Shugal; National research University “Higher School of Economics”. M.: NRU HSE, 2021. Vol. II. Higher education and the labor market. (In Russ.).

10. *Podvoisky G.L.* The Future of the Sphere of Labor: Agenda // Development of the Sphere of Labor in Russia: Origins of Problems, Modern Trends and Challenges of Globalization: Collection / Ed. I.V. Soboleva and A.P. Sedlov. M.: IE RAN, 2019. (In Russ.).
11. *Hamel G., Prahalad K., Thomas G., O'Neill D.* Strategic flexibility / Per. from English. St.-Petersburg: Peter, 2005. (In Russ.).
12. *Akpolat C.K., Soliman F., Schweitzer J.*, Understanding Perceived Environmental Uncertainty and its Impact on Innovation. Paper to be presented at the Global Business Conference Winter. France, 2013.
13. *Freel M.S.* Perceived Environmental Uncertainty and Innovation in small Firms, Small Business Economics. 2005. № 25. Pp. 49–64.
14. *Gibbons P. T., Chung L. H.* Defining Uncertainty: The Implications for Strategic Management, Irish Business and Administrative Research. 1995. № 16. Pp. 17–32.
15. *Hough J.R., White M.A.* Environmental Dynamism and Strategic Decision – Making Rationality: An Examination at the Decision Level, Strategic Management Journal. 2003. № 24(5). Pp. 481–489.
16. *Jauch L.R., Kraft K.L.* Strategic Management of Uncertainty. Academy of Management Review. 1986. № 11. Pp. 777–790.
17. *Johnson D.* What is Innovation and Entrepreneurship? Lessons for larger Organizations, Industrial and Commercial Training. 2001. № 33(4). Pp. 135–140.
18. *Milliken F. J.* Three Types of Perceived Uncertainty About the Environment: State, Effect and Response Uncertainty, Academy of Management Review. 1987. No. 12. Pp. 133–143.
19. *Song M., Montoya-Weiss M.M.* The Effect of Perceived Technological Uncertainty of Japanese New Product Development, Academy of Management Journal, 2001. No. 44(1). Pp. 61–80.

Дата поступления рукописи: 14.09.2022 г.

ABOUT THE AUTHORS

Lapidus Larisa Vladimirovna – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Professor at the Department of Innovation Economics, Head of the Laboratory for Applied Industry Analysis of the Economics Faculty of the M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
infodilemma@yandex.ru

Polyakova Yulia Mikhailovna – Cand. Sci. (Econ.), Master of Economics, Engineer at the Laboratory for Applied Industry Analysis of the Economics Faculty of the M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
flaeeee@gmail.com

GIG ECONOMY: THE NEW OPPORTUNITIES FOR BUSINESS DIGITAL TRANSFORMATION UNDER HIGH TURBULENT DIGITAL ENVIRONMENT

The article is devoted to the study of gigonomics as an important part of the new socio-economic model of the digital economy. Gigonomics is based on the transition to non-standard forms of employment that accompanies the digital transformation of business in the current conditions of high turbulence in the digital environment. It is substantiated that

the inclusion of gig workers in the workforce of an enterprise is already a popular practice. According to the authors, gignomics helps to reduce the negative impact of the turbulence of the digital environment for business through a neutralizing effect on the degree of uncertainty of the effect of digital transformation and the uncertainty of the result of business response to the challenges of the digital economy.

The growth in the volume of gignomics in Russia and the world is due to the advantages of this form of employment over traditional ones. Key reasons are the impact of the Covid-19 pandemic, which was a key driver of digital business transformation; economic benefits for employers. Particular attention is paid to the transformation of business models of organizations due to the transition to the remote format of work, taking into account the opportunities and threats of the gignomics for business. A model of digital transformation of an enterprise with the involvement of gig workers reducing both the degree of uncertainty, and the level of turbulence of the digital environment is proposed.

Keywords: *gignomics (gig-economy), digital economy, digital environment turbulence, digital transformation, digitalization, nonstandard forms of employment, freelancing, crowdsourcing, gig-worker, business-model.*

JEL: J01, J21, J3.

В.А. ГОЛОВИН

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и маркетинга
ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»,
доцент кафедры экономики, управления и бизнеса
АНО ВО «Межрегиональный открытый социальный институт»

ИДЕНТИФИКАЦИЯ И ОЦЕНКА РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КЛАСТЕРОВ

В статье предлагается алгоритм идентификации и оценки развития региональных экономических кластеров, который базируется на последовательном отсеивании видов экономической деятельности в экономике региона, и осуществляемом на основе как общепотребительных показателей, так и методик, предложенных ранее автором. Апробация данного алгоритма на материалах экономики Республики Марий Эл позволила идентифицировать и провести первичную оценку развития двух региональных экономических кластеров – агропромышленного и машиностроительного.

Ключевые слова: кластер, региональный кластер, экономический кластер, идентификация кластера, оценка развития кластера, коэффициент локализации, индекс интенсивности локализации.

JEL: O18, P25, R12.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_5_47_65.

Введение

Развитие региональных экономических кластеров в современной экономике претерпевает существенные изменения, обусловленные бурно протекающим процессом цифровизации всех сфер деятельности и использованием новых сквозных технологий, а также формированием шестого технологического уклада. Признавая важность исследования происходящих изменений, в данной работе мы отдельно выделим актуализирующуюся в связи с указанными тенденциями проблему разработки методических подходов к идентификации кластеров и оценке их развития. Такая оценка поможет определить результативность функционирующих региональных программ и проектов, а также создать аналитический фундамент для разработки новых проектов и организационно-экономических механизмов кластерного развития.

Наличие в современной литературе большого количества подходов и методик создает достаточно обширный инструментарий для исследователей. Однако при этом имеет место недостаточная разработанность вопроса о взаимосвязи и совместной применимости разрозненных методик идентификации и оценки развития региональных экономических кластеров, что и определяет актуальность настоящего исследования. Предлагаемый в рамках настоящей работы алгоритм отличается взаимной увязкой используемых показателей, четкой последовательностью аналитических мероприятий и точными критериальными значениями каждого используемого показателя, определяющими в совокупности переход от одного этапа анализа к следующему этапу.

В настоящее время традиционный анализ дефиниции «кластер» остается актуальным. Учеными, занимающимися проблемами развития кластеров, предлагается два основных критерия идентификации кластера – географический и отраслевой [1; 2], которые мы также будем использовать в предлагаемом ниже алгоритме.

В соответствии с принятыми практиками выделяется два подхода к анализу кластеров [2, с. 17; 3, с. 17-18]: 1) подход «сверху-вниз», предполагающий поиск пространственных локализаций производств, ориентированных на специфические виды экономической деятельности [4, с. 59; 5, с. 70–71; 5, с. 105], и 2) подход «снизу-вверх», согласно которому кластеры идентифицируются на конкретно выбранной территории, исходя из присутствия заранее известных предприятий и отраслей-лидеров [4, с. 59; 5, с. 70–71; 5, с. 105].

Х. Макрат, Р. Браун и А. Лагендийк приводят преимущества и недостатки обоих подходов, которые в целом сводятся к тому, что подход «сверху-вниз» более приемлем для первичного анализа, так как позволяет идентифицировать и оценить развитие кластеров [6; 7; 8]. В то же время подход «снизу-вверх» более конкретен, применяется для изучения межфирменного взаимодействия в рамках известных границ кластера [6, с. 70–71]. Соглашаясь с приведенными суждениями, будем основывать настоящее исследование на подходе «сверху-вниз», не исключая возможности дальнейшего исследования с применением подхода «снизу-вверх».

Методологическая база исследования

Исходными данными для проведения идентификации кластеров и оценки их развития выступают статистические показатели по экономике региона, в частности, показатели развития видов экономической деятельности. Такая логика обосновывается двумя аргументами. Во-первых, это продиктовано действующей системой статистического

учета и отчетности, применяемой Федеральной службой государственной статистики, а, во-вторых, широко применяется в науке с использованием термина «кластерный сектор», каждому из которых сопоставляется один или несколько взаимосвязанных видов деятельности или отраслей [9, с. 126–127].

На первом этапе анализа, используя базовые показатели $AХ$ (соотношение показателем со средним значениям по регионам страны), LQ (индекс, или коэффициент, локализации), ИПК (индекс потенциала кластеризации), применяемые на практике:

а) проведем сравнение исследуемого показателя со средним его значением по регионам страны [10]:

$$AX = \frac{X}{\bar{X}},$$

где X – исследуемый показатель по виду деятельности в регионе, \bar{X} – среднее значение исследуемого показателя по всем регионам страны;

б) определим индексы локализации [9; 10; 5 и др.]:

$$LQ_{ir} = \frac{X_{ir} / X_{iR}}{X_{r} / X_{rR}},$$

где X_{ir} – исследуемый параметр отрасли i в регионе r ; X_{iR} – исследуемый параметр для отрасли i по стране в целом; X_{r} – исследуемый параметр по всей экономике для региона r ; X_{rR} – исследуемый параметр по всей экономике страны в целом.

в) определим индекс потенциала кластеризации [9]:

$$\text{ИПК} = \frac{I_{\text{ТК}} \times I_{\text{Л}}}{K_{\text{Д}}},$$

где $I_{\text{ТК}}$ – индекс территориальной концентрации (соотношение оборота организаций на единицу площади региона и страны в целом); $I_{\text{Л}}$ – индекс локализации (по обороту организаций); $K_{\text{Д}}$ – коэффициент душевого производства (соотношение оборота организаций на душу населения в регионе и в стране в целом).

Критериальные уровни названных показателей также принимаются в их распространенной интерпретации: сравниваемый показатель должен быть больше среднего по регионам, индексы локализации и потенциала кластеризации выше единицы. Однако стоит отметить, что названные показатели в зависимости от ситуации могут быть несколько противоречивы. Так, например, значение индекса потенциала кластеризации находится в обратной зависимости от коэффициента

ента душевого производства. В результате развитые кластерные сектора могут демонстрировать количественно низкий потенциал кластеризации. В то же время кластерные сектора, входящие в жизненный цикл кластера на этапе агломерации [11] могут демонстрировать показатели ниже средних по регионам, но характеризоваться высоким потенциалом кластеризации. Для устранения подобных противоречий примем необходимость соответствия потенциального кластерного сектора двум критериям из трех, что позволит не исключить на первом этапе перспективные виды деятельности из исследования.

В соответствии с предлагаемой методикой по итогам первого этапа будет сформирован первичный перечень потенциальных кластерных секторов, соответствующих названным критериям. Последующий анализ построен по принципу постепенного отбора кластерных секторов из сформированного перечня.

Второй этап анализа заключается в оценке влияния факторов на развитие выявленных потенциальных кластерных секторов. Основным методом для оценки такого влияния – анализ структурных сдвигов. Базовый инструментарий позволяет выявить влияния трех факторов (драйверов): национального, отраслевого и регионального [11, с. 64–66; 12, с. 1069]:

$$SS = NS + IM + RS,$$

где NS – фактор (драйвер) национального экономического роста:

$$NS = X_{ir}^{t-1} \cdot \left(\frac{X_{IR}^t}{X_{IR}^{t-1}} - 1 \right),$$

где X_{ir}^{t-1} – показатель отрасли i по региону r в периоде $(t - 1)$; X_{IR}^t и X_{IR}^{t-1} – показатели всех отраслей по стране в целом в периодах, соответственно, t и $(t - 1)$; данный фактор (драйвер) отражает прирост анализируемого показателя, соответствующий индексу роста национальной экономики в целом;

IM – отраслевой фактор (драйвер):

$$IM = X_{ir}^{t-1} \cdot \left(\frac{X_{iR}^t}{X_{iR}^{t-1}} - \frac{X_{IR}^t}{X_{IR}^{t-1}} \right),$$

где X_{ir}^{t-1} – показатель отрасли i по региону r в периоде $(t - 1)$; X_{iR}^t и X_{iR}^{t-1} – показатели всех отраслей по стране в целом в периодах, соответственно, t и $(t - 1)$; X_{iR}^t и X_{iR}^{t-1} – показатели отрасли i по стране в целом в периодах, соответственно, t и $(t - 1)$; данный фактор (драйвер) отражает прирост анализируемого показателя, соответствующий

опережению индекса отраслевого роста в сравнении с индексом роста национальной экономики в целом;

RS – региональный фактор (драйвер):

$$RS = X_{ir}^{t-1} \cdot \left(\frac{X_{ir}^t}{X_{ir}^{t-1}} - \frac{X_{iR}^t}{X_{iR}^{t-1}} \right),$$

где X_{ir}^{t-1} – показатель отрасли i по региону r в периоде $(t-1)$; X_{ir}^{t-1} и X_{iR}^{t-1} – показатели отрасли i по стране в целом в периодах, соответственно, t и $(t-1)$; X_{ir}^t и X_{iR}^t – показатели отрасли i по региону r в периодах, соответственно, t и $(t-1)$; данный фактор (драйвер) отражает прирост анализируемого показателя, соответствующий опережению индекса роста региональной экономики в сравнении с индексом отраслевого роста.

Кроме того, распространенный инструментальный анализ структурных сдвигов дополняется анализом структурных сдвигов по показателю эффективности, одним из наиболее универсальных показателей которого выступает производительность труда [12, с. 1069–1070]. Формулы расчета отдельных факторов и совокупного их влияния в таком случае остаются неизменными, лишь в качестве анализируемого показателя X будет использован показатель производительности труда (оборот организаций на одного среднесписочного работника). В результате анализа структурных сдвигов по базовым показателям и по показателю эффективности алгоритм позволяет получить сокращенный перечень видов деятельности в соответствии с тем, что лидирующие кластерные сектора должны характеризоваться повышенным влиянием факторов регионального фактора. В этом смысле все выявленные ранее потенциальные кластерные сектора следует по итогам анализа подразделить на две группы: 1) лидирующие, с положительным влиянием регионального фактора; 2) пассивные, с отрицательным влиянием регионального фактора по результатам хотя бы одного структурного сдвига. В соответствии с предлагаемой методикой дальнейшему исследованию следует подвергать лишь лидирующие сектора, потенциально представляющие собой региональные экономические кластеры. Пассивные же сектора, в свою очередь, рассматриваются как зависимые от национальных и отраслевых факторов и не могут быть признаны региональными кластерами.

Третий этап предлагаемого алгоритма основан на разработанном автором индексе интенсивности локализации [2, с. 19–20; 13, с. 144–145]:

$$LIQ_{ir} = \frac{LQ_{ir}^V}{LQ_{ir}^E},$$

где LIQ_{ir} – коэффициент интенсивности локализации (location intensity coefficient) отрасли i в регионе r ; LQ_{ir}^V – коэффициент (индекс) локали-

зации отрасли i в регионе r (по обороту); LQ_{ir}^E – коэффициент (индекс) локализации отрасли i в регионе r (по численности занятых).

Описанный коэффициент отражает необходимость опережающего роста локализации по обороту организаций в сравнении с локализацией по численности занятых. Такая тенденция является ключевой при рассмотрении именно формирования региональных экономических кластеров, характеризующихся не только и не столько концентрацией собственно производства (производственных ресурсов) на территории региона, сколько результатами деятельности организаций и совокупным ростом эффективности хозяйствования. При этом, применяя формулы коэффициентов локализации, можно получить детерминированную факторную модель, отражающую влияние эффективности использования трудовых ресурсов на интенсивность локализации:

$$\begin{aligned} LIQ_{ir} &= \frac{V_{ir} / V_{iR}}{V_{ir} / V_{IR}} \div \frac{E_{ir} / E_{iR}}{E_{ir} / E_{IR}} = \frac{V_{ir} / E_{ir}}{V_{ir} / E_{IR}} \div \frac{V_{iR} / E_{iR}}{V_{IR} / E_{IR}} = \\ &= \frac{P_{ir}}{P_{iR}} \div \frac{P_{iR}}{P_{IR}} = \frac{P_{ir} / P_{iR}}{P_{ir} / P_{IR}} = \frac{P_{ir}}{P_{iR}} \times \frac{P_{IR}}{P_{iR}}, \end{aligned}$$

где V_{ir} , E_{ir} – соответственно, оборот предприятий и численность занятых по отрасли i в регионе r ; V_{iR} , E_{iR} – соответственно, оборот предприятий и численность занятых по отрасли i в экономике страны; V_{ir} , E_{ir} – соответственно, оборот предприятий и численность занятых по всем отраслям в регионе r ; V_{IR} , E_{IR} – соответственно, оборот предприятий и численность занятых по всем отраслям в экономике страны; P_{ir} , P_{iR} – производительность труда (выручка на одного работника) по отрасли i в регионе r и по стране в целом соответственно; P_{ir} , P_{IR} – производительность труда (выручка на одного работника) по всем отраслям в регионе r и по стране в целом соответственно.

Таким образом, необходимость опережающего роста производительности в ключевых отраслях экономики региона по отношению к региональной производительности и национальной отраслевой производительности [13, с. 144–145].

Способом визуализации и дополнением к приведенному индексу интенсивности локализации послужит описанная в предшествующих исследованиях матрица оценки эффективности кластеров (см. рис. 1–2) [2, с. 20–21; 13, с. 145–147].

Зоны, выделяемые в представленной матрице исходя из значений коэффициентов локализации, описываются следующим образом:

- 1) зона низкой локализации – низкая эффективность локализации такой отрасли и низкая вероятность вхождения в потенциальное кластерное образование [13, с. 146];

- 2) зона недостаточной локализации ресурсов (результатов) – локализация по одному из рассматриваемых параметров; включение в кластерный сектор возможно в качестве поддерживающих или периферийных отраслей кластера [2, с. 77];
- 3) зона повышенной локализации – «лидеры» локализации в изучаемом регионе и потенциальные элементы кластерного образования [13, с. 146].

Для углубления анализа следует также применить динамический вариант матрицы, фокусирующийся на изменении положения видов деятельности в зоне повышенной локализации (см. рис. 2).

Данный этап алгоритма представляет собой одновременно завершающую стадию идентификации кластера и способ оценки эффективности его развития. В зависимости от значений индекса интенсивности локализации (больше единицы) и позиционирования кластер-

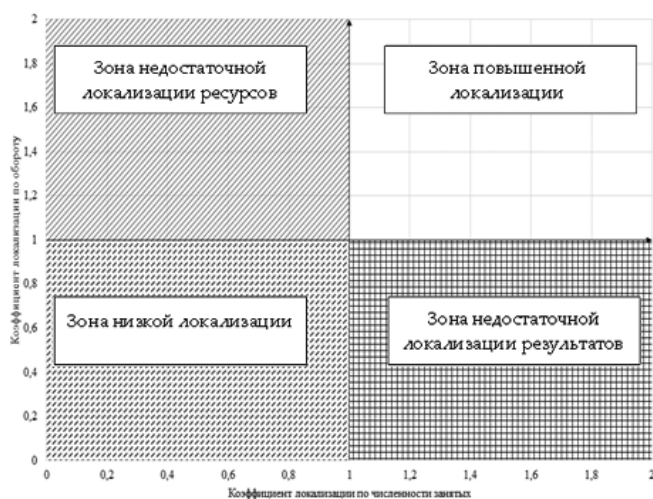

Рис. 1. Матрица оценки эффективности кластеров

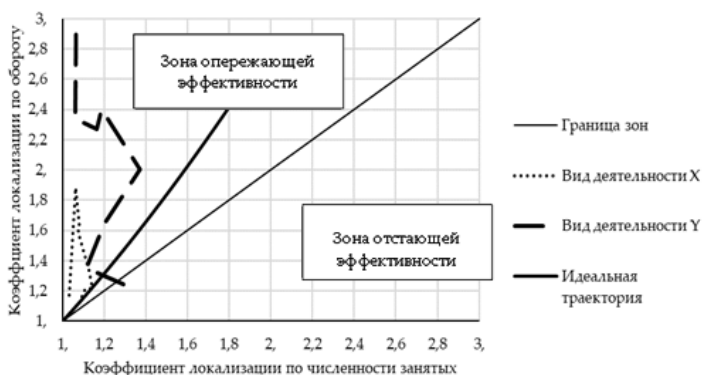

Рис. 2. Динамический вариант матрицы оценки эффективности кластеров

ного сектора в координатах матрицы (зона повышенной эффективности) сектор признается в качестве идентифицированного эффективного кластера.

В случае отрицательных результатов кластерный сектор либо признается неэффективным кластером (индекс интенсивности локализации выше единицы, но нет стабильного позиционирования в зоне опережающей эффективности), либо не признается кластером (индекс интенсивности локализации меньше единицы).

Таким образом, идентификация эффективного кластера возможна лишь при удовлетворении обоим критериям – как по индексу интенсивности локализации, так и по его позиционированию в зоне опережающей эффективности матрицы.

Использование описанного последовательного алгоритма позволит достичь нескольких целей одновременно:

- а) провести оценку эффективности развития экономического кластера региона на основе системы взаимосвязанных показателей;
- б) выявить факторы, оказывающие воздействие на уровень и динамику соответствующих показателей;
- в) разработать направления и (или) конкретные рекомендации для органов государственной власти по повышению эффективности локализации и по формированию экономического кластера региона, а также по повышению эффективности его развития.

Результаты исследования

Дальнейшее исследование проведено на основе данных экономики Республики Марий Эл как одного из регионов Российской Федерации. Источниками информации послужили данные Федеральной службы государственной статистики, а также профильных министерств и ведомств.

Проведем сравнение показателей численности работников и оборота организаций по видам экономической деятельности со средними значениями соответствующих показателей по субъектам Российской Федерации (см. табл. 1).

По результатам первого этапа анализа следует предварительно обозначить три интересующих нас в контексте исследования вида деятельности: обработка древесины, целлюлозно-бумажное производство и производство электрооборудования. Следуя логике применяемого алгоритма, в рамках первого этапа также проведем анализ индексов локализации по численности занятых ($LQ(E)$) и обороту организаций ($LQ(V)$), а также индекса потенциала кластеризации (ИПК) (см. табл. 2). В связи с ограничением объема и формата исследования для краткости ограничимся представлением расчетных значений только за 2019–2020 гг.

Таблица 1

**Доля численности работников и оборота организаций Республики
Марий Эл по видам деятельности в сравнении со средними
значениями по субъектам РФ, %**

Вид деятельности	Доля от средней численности работников				Доля от среднего оборота организаций			
	2017	2018	2019	2020	2017	2018	2019	2020
Сельское хозяйство	17,0	21,2	16,8	17,7	78,3	78,3	78,3	78,3
Добыча полезных ископаемых	2,9	2,2	2,2	2,9	0,3	0,3	0,2	0,2
Обрабатывающие производства всего, в том числе:	34,8	38,0	38,7	39,8	28,2	28,6	24,4	23,7
производство пищевых продуктов	54,4	67,6	60,8	62,9	29,9	31,0	32,3	32,1
текстильное и швейное производство	49,9	66,1	41,8	41,6	22,6	23,2	18,1	16,1
обработка древесины	129,7	119,1	121,2	131,6	56,8	52,9	44,7	37,4
целлюлозно-бумажное производство	169,6	160,2	120,8	124,6	63,5	73,3	71,8	76,2
химическое производство	9,9	13,2	13,1	13,1	8,1	6,1	7,1	5,6
производство резины и пластмасс	28,3	33,9	34,0	34,6	18,4	15,3	16,0	21,4
прочее неметаллическое производство	35,2	29,0	30,1	31,4	21,9	18,6	14,6	15,7
металлургическое производство	30,3	45,0	46,0	46,6	12,2	9,2	13,3	13,2
производство машин и оборудования	93,5	83,4	85,9	87,3	49,7	75,9	70,5	80,3
производство электрооборудования	148,7	156,1	153,5	158,2	118,0	119,6	80,4	106,9
производство транспортных средств	10,9	12,9	9,0	9,2	11,6	10,9	8,9	7,1
Производство электроэнергии, газа и воды	36,6	33,6	33,4	34,7	24,7	25,9	25,7	25,5
Строительство	8,9	6,9	6,3	5,9	19,7	15,7	12,8	13,5
Оптовая и розничная торговля	9,8	9,6	9,1	9,4	19,3	18,9	14,8	13,2
Гостиницы и рестораны	16,0	16,4	16,0	14,4	29,3	25,8	23,7	26,5
Транспорт и связь	12,9	13,9	13,7	13,4	7,7	9,8	10,7	10,3

Окончание табл. 1

Вид деятельности	Доля от средней численности работников				Доля от среднего оборота организаций			
	2017	2018	2019	2020	2017	2018	2019	2020
Операции с недвижимым имуществом	19,7	20,7	16,8	16,3	11,0	24,2	19,1	18,1
Гос. управление	43,3	38,4	38,7	38,0	34,7	35,0	35,8	12,1
Образование	34,0	34,8	36,6	36,7	27,3	25,6	26,8	31,4
Здравоохранение и социальные услуги	35,4	35,2	35,1	34,4	30,3	29,4	29,1	28,2
Прочие коммунальные, социальные и перс. услуги	15,9	15,7	15,6	24,1	28,3	17,1	13,5	11,5

Источник: рассчитано, составлено и дополнено автором по материалам собственных исследований [2; 12; 13].

Таблица 2

**Расчетные значения индексов локализации
и индекса потенциала кластеризации**

ВЭД	LQ(E)		LQ(V)		ИПК	
	2019	2020	2019	2020	2019	2020
Сельское хозяйство	0,853	0,871	4,987	5,877	2,574	7,661
Добыча полезных ископаемых	0,104	0,139	0,014	0,014	0,001	0,024
Обрабатывающие производства всего, в том числе:	1,866	1,902	1,403	1,444	0,040	1,858
производство пищевых продуктов	2,928	3,007	1,488	1,562	0,385	2,782
текстильное и швейное производ- ство	2,012	1,986	1,127	1,169	2,596	1,464
обработка древесины	5,838	6,286	2,826	2,670	4,728	3,669
целлюлозно-бумажное производ- ство	5,820	5,955	3,161	3,698	4,578	5,918
химическое производство	0,629	0,625	0,402	0,309	0,124	0,614
производство резины и пластмасс	1,638	1,653	0,915	0,773	1,560	1,427
прочее неметаллическое производство	1,450	1,502	1,091	0,939	0,775	1,306
металлургическое производство	2,217	2,224	0,608	0,464	0,115	1,315
производство машин и оборудова- ния	4,139	4,172	2,475	3,830	4,660	6,628
производство электрооборудования	7,395	7,557	5,877	6,032	3,431	7,003

ВЭД	LQ(E)		LQ(V)		ИПК	
	2019	2020	2019	2020	2019	2020
производство транспортных средств	0,435	0,441	0,578	0,550	0,117	0,773
Производство электроэнергии, газа и воды	1,611	1,656	1,228	1,306	0,187	2,315
Строительство	0,305	0,283	0,979	0,792	0,146	1,151
Оптовая и розничная торговля	0,439	0,447	0,959	0,955	0,014	1,164
Гостиницы и рестораны	0,771	0,686	1,458	1,300	1,588	1,868
Транспорт и связь	0,660	0,640	0,382	0,495	0,063	1,057
Операции с недвижимым имуществом	0,811	0,780	0,546	1,221	0,482	1,234
Государственное управление	1,863	1,817	1,728	1,766	7,508	1,043
Образование	1,765	1,755	1,359	1,293	4,208	2,482
Здравоохранение и социальные услуги	1,691	1,642	1,507	1,485	0,777	2,396
Прочие коммунальные, социальные и перс. услуги	0,752	1,151	1,407	0,862	1,270	1,006

Источник: рассчитано, составлено и дополнено автором по материалам собственных исследований [2; 12; 13].

Таким образом, на основе представленного ранее алгоритма и с учетом данных табл. 1 и табл. 2 по результатам первичного отбора можно сформировать первоначальный перечень видов деятельности экономики Республики Марий Эл, признаваемых потенциальными кластерными секторами:

- 1) сельское хозяйство;
- 2) производство пищевых продуктов;
- 3) текстильное и швейное производство;
- 4) обработка древесины;
- 5) целлюлозно-бумажное производство;
- 6) производство резины и пластмасс;
- 7) производство машин и оборудования;
- 8) производство электрооборудования;
- 9) производство электроэнергии, газа и воды;
- 10) гостиницы и рестораны;
- 11) образование.

При этом стоит отметить два вида деятельности (государственное управление; здравоохранение и социальные услуги), показавшие высокие результаты по показателям локализации и потенциала кластеризации. Данные виды деятельности, в соответствии с классификацией М. Портера, следует отнести к категории так называемых неком-

мерческих видов деятельности (в нашем случае – локальных), что не позволяет отнести их к потенциальным кластерным секторам.

Дальнейшая оценка в соответствии с алгоритмом (см. рис. 3) строится на анализе структурных сдвигов по абсолютным показателям (численность занятых, оборот организаций) и по относительному показателю эффективности, в качестве которого примем показатель выручки на одного работника (занятого).

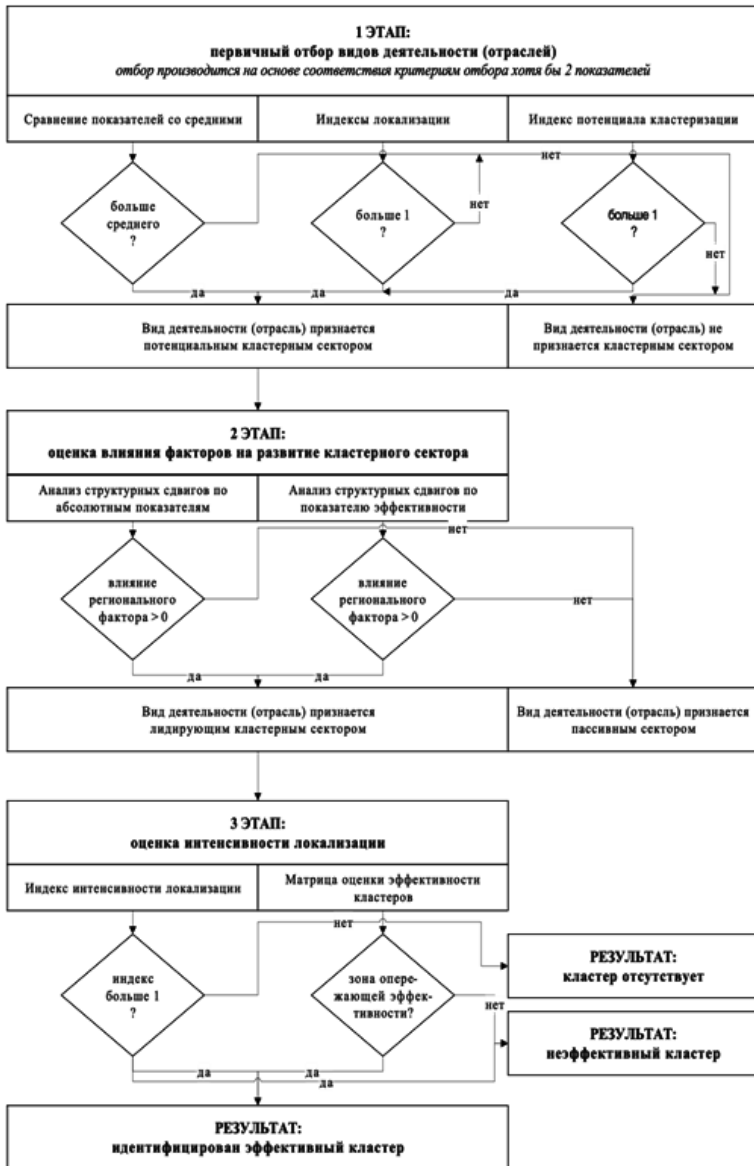

Рис. 3. Комплексный алгоритм оценки идентификации и оценки развития региональных экономических кластеров

Ввиду ограниченности объема представления результатов исследования отобразим результаты проведенного анализа в сокращенном виде. Приведем на диаграммах (см. рис. 4–6) значения регионального фактора (Regional Shift, RS) по обозначенным выше одиннадцати потенциальным кластерным секторам совокупно за период с 2017 по 2020 гг. Признавая ограниченность такого представления результатов, отметим, что оно позволит в соответствии с используемым алгоритмом сфокусировать внимание на основном факторе формирования регионального экономического кластера – региональном [11, с. 64–69].

Рис. 4. Значения регионального фактора (сдвига) по численности занятых, тыс. человек.

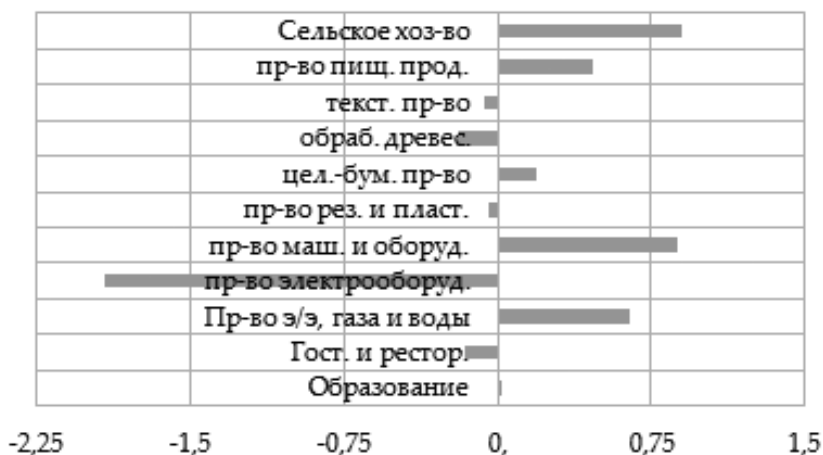

Рис. 5. Значения регионального фактора (сдвига) по обороту организаций, млрд руб.

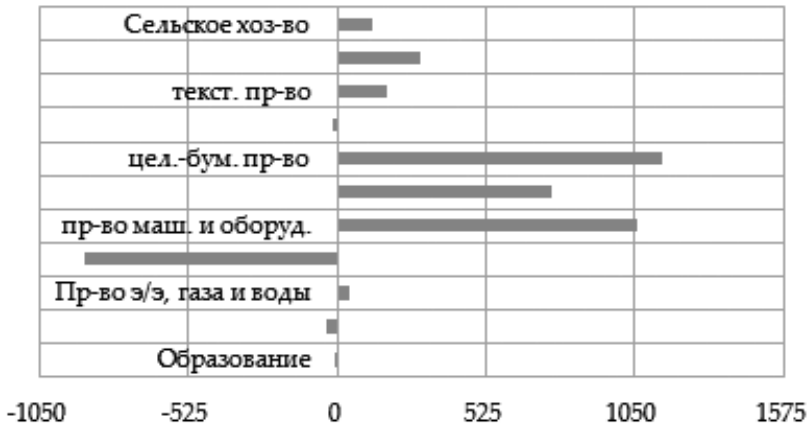

Рис. 6. Значения регионального фактора (сдвига) по показателю эффективности (производительности труда), тыс. руб./ человек

Таким образом, в результате проведенного анализа структурных сдвигов можно отметить неоднородную динамику рассматриваемых показателей. Более того, одни и те же виды деятельности демонстрируют разнонаправленные тренды в зависимости от анализируемых аспектов их деятельности. Не вдаваясь в рамки настоящего исследования в причины выявленной динамики, отметим принципиальную важность их понимания для оценки направлений развития экономики региона.

В соответствии с используемым алгоритмом среди изученных видов деятельности выделим те, которые продемонстрировали положительное значение регионального сдвига по производительности труда и как минимум по одному из абсолютных показателей (оборот организаций и (или) численности занятых). В результате получим пять лидирующих кластерных секторов:

- 1) сельское хозяйство (составная часть АПК);
- 2) производство пищевых продуктов (составная часть АПК);
- 3) целлюлозно-бумажное производство (целлюлозно-бумажный сектор);
- 4) производство машин и оборудования (машиностроительный сектор);
- 5) производство электроэнергии, газа и воды (энергетический сектор).

Следует обратить внимание на то, что сельское хозяйство и производство пищевых продуктов представляют собой составные части агропромышленного комплекса Республики Марий Эл. В этой связи считаем обоснованным рассматривать их совместно. Таким образом, при проведении дальнейшего анализа будем рассматривать эти виды

деятельности совместно, приняв в рамках данного исследования наименование «агропромышленный сектор».

Далее, следуя этапам применяемого алгоритма, проведем оценку интенсивности локализации на основе индекса интенсивности локализации и с использованием матрицы оценки эффективности кластеров. В табл. 3 представим значения индекса интенсивности локализации для четырех рассматриваемых секторов за период с 2017 по 2020 г.

Таблица 3

Расчетные значения индекса интенсивности локализации по лидирующим кластерным секторам за 2017–2020 гг.

Кластерный сектор	Значения индекса интенсивности локализации по годам			
	2017	2018	2019	2020
Агропромышленный	2,029	2,594	2,517	2,400
Целлюлозно-бумажный	0,458	0,552	0,806	0,715
Машиностроительный	0,944	1,231	1,195	1,143
Энергетический	0,748	0,941	0,974	1,006

Источник: рассчитано, составлено и дополнено автором по материалам собственных исследований [2; 12; 13].

Далее определим местоположение и динамику лидирующих секторов в координатах матрицы оценки эффективности кластеров. Напомним, что ключевым параметром выступает нахождение кластерного сектора в зоне опережающей эффективности, которая графически подтверждает эффективное развитие потенциального кластерного образования. Представим на рис. 7 результаты анализа.

Проведенная оценка эффективности развития кластерных секторов позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, по результатам проведенного анализа выявлено два эффективных региональных экономических кластера в экономике Республике Марий Эл – агропромышленный и машиностроительный. Во-вторых, следует выделить один неэффективный кластер – энергетический. Однако обращаем внимание на то, что динамика этого кластера весьма интересна: он демонстрирует стабильный рост индекса интенсивности локализации, а также поступательное движение в сторону зоны опережающей эффективности. Интересен также и тот факт, что производство электроэнергии в экономике Республики Марий Эл является, скорее, инфраструктурным сектором, так как представлена в основном ТЭЦ различных форм собственности. Электростанции на территории рассматриваемого региона отсутствуют. В-третьих, целлюлозно-бумажный сектор в соответствии с используемой методикой не следует

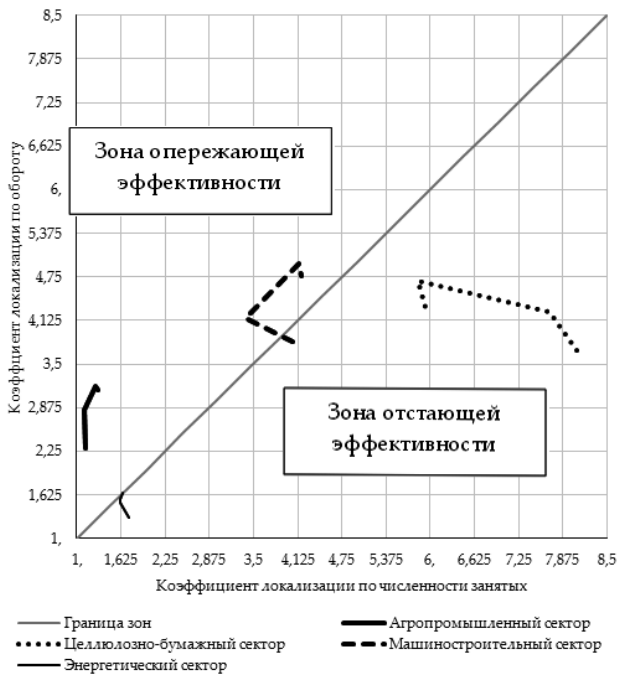

Рис. 7. Матрица оценки эффективности кластеров с указанием динамики и местоположения анализируемых секторов за 2017–2020 гг.

рассматривать как кластер, поскольку, несмотря на достаточно неплохие показатели, полученные на более ранних этапах анализа, данный сектор не демонстрирует сколько-нибудь существенной эффективности, оставаясь в зоне отстающей эффективности.

Заключение

Таким образом, настоящее исследование позволило идентифицировать два эффективных кластера в экономике Республики Марий Эл – агропромышленный и машиностроительный. Стоит отметить, что данные выводы полностью согласуются с традиционно постулируемой «направленностью» экономики региона. Данная направленность находит отражение как в официальных документах, например в Стратегии социально-экономического развития Республики Марий Эл¹, так и в трудах ученых-исследователей [14]. Факт идентификации и положительной оценки развития агропромышленного и машино-

¹ Стратегия социально-экономического развития Республики Марий Эл на период до 2030 года, утв. постановлением Правительства Республики Марий Эл от 17 января 2018 г. № 12 (в ред. постановлений Правительства Республики Марий Эл от 05.11.2019 № 339, от 14.11.2019 № 351), с. 8–10, с. 22–23.

строительного кластера Республики Марий Эл впоследствии может послужить основной причиной для корректировок Стратегии социально-экономического развития региона, а также для разработки специальных программ и проектов развития региональных кластеров.

На настоящем этапе можно констатировать, что предложенный и апробированный в настоящем исследовании алгоритм, предполагающий последовательные действия с достаточно четкими критериями, позволяет идентифицировать и оценивать развитие региональных экономических кластеров, и, следовательно, может выступать основой, первой ступенью анализа при разработке углубленных моделей функционирования каждого идентифицированного кластера. То есть, следуя логике, описанной в начале исследования, появится возможность переходить от анализа «сверху-вниз» к анализу «снизу-вверх». Необходимо отметить, что именно последовательное применение обоих подходов, по нашему мнению, позволит полностью и всеобъемлюще оценить развитие кластера и определить его место и зависимость от экономики рассматриваемого региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шилова Н.Н., Люфт С.А. Теоретический анализ дефиниции «кластер» // Общество: Политика, Экономика, Право. 2016. № 2. С. 75–78.
2. Головин В.А. Идентификация и оценка эффективности развития экономических кластеров региона: дис. ... канд. экон. наук. Екатеринбург, 2021.
3. Головин В.А. Методические подходы к количественной оценке региональных экономических кластеров // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 4 (44). С. 17–26.
4. Марков Л.С., Маркова В.М., Петухова М.В. Идентификация многообразия многоотраслевых кластеров Сибири // Федерализм. 2012. № 3. С. 55–70.
5. Марков Л.С. Теоретико-методологические основы кластерного подхода. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2015.
6. McGrath H. Industrial Clusters in Local and Regional Economies: A Post Porter Approach to the Identification and Evaluation of Clusters in North Dublin. Dublin: Glasnevin Publishing, 2008.
7. Brown R. Cluster Dynamics in Theory and Practice with Application to Scotland: Regional and Industrial Policy Research Paper. Glasgow: European Policies Research Centre, 2000.
8. Legendijk A. Good practices in SME cluster initiatives: Lessons from the «core» regions and beyond. Newcastle: Centre for Urban and Regional Development Studies, 1999.
9. Шмидт А.Н., Банников А.Ю. Подходы к идентификации региональных кластеров // Региональное развитие: электронный научно-практический журнал. 2016. № 1 (13). <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-identifikatsii-regionalnyh-klasterov> (дата обращения: 16.10.2022).
10. Handbook of Research on Innovation and Clusters / Edited by C. Karlsson. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar, 2008.

11. Головин В.А. Стадии жизненного цикла регионального экономического кластера и факторы его эффективного развития // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 2. С. 61–71. DOI: 10.24411/2073-6487-2019-10017.
12. Головин В.А. Анализ факторов и потенциала развития экономических кластеров в республике Марий Эл по видам экономической деятельности // Экономика региона. 2017. Т. 13. Вып. 4. С. 1068–1079. DOI: 10.17059/2017-4-8.
13. Головин В.А. Графическая модель динамической оценки эффективности регионального экономического кластера // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 2. С. 141–158.
14. Смирнов А.А. Эффективность малого и среднего бизнеса в регионе // Экономика и предпринимательство. 2019. № 3 (104). С. 642–649.

REFERENCES

1. *Shilova N.N., Luft S.A.* The theoretical analysis of the definition of “cluster” // *Society: Politics, Economics, Law*. 2016. No 2. Pp. 75–78. (In Russ.)
2. *Golovin V.A.* Identification and valuation of the effectiveness of regional clusters development: dis. ... cand. econ. sciences. Ekaterinburg, 2021. (In Russ.)
3. *Golovin V.A.* Methodical approaches to quantitative evaluation of regional economic clusters. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*, No. 4(44). Pp. 17–26. (Series: Social Sciences). (In Russ.)
4. *Markov L.S., Markova V.M., Petukhova M.V.* Identification of the diversity of diversified clusters of Siberia // *Federalism*. 2012. No 3. Pp. 55–70. (In Russ.)
5. *Markov L.S.* Theoretical and methodological foundations of the cluster approach. Novosibirsk: IEOPP SB RAS, 2015. (In Russ.)
6. *McGrath H.* *Industrial Clusters in Local and Regional Economies: A Post Porter Approach to the Identification and Evaluation of Clusters in North Dublin*. Dublin: Glasnevin Publishing, 2008.
7. *Brown R.* *Cluster Dynamics in Theory and Practice with Application to Scotland: Regional and Industrial Policy Research Paper*. Glasgow: European Policies Research Centre, 2000.
8. *Lagendijk A.* *Good practices in SME cluster initiatives: Lessons from the «core» regions and beyond*. Newcastle: Centre for Urban and Regional Development Studies, 1999.
9. *Shmidt A.N., Bannikov A.Yu.* The approaches to the identification of regional clusters // *Regional development*. 2016. No. 1 (13). <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-identifikatsii-regionalnyh-klasterov> (accessed: 16.10.2022). (In Russ.)
10. *Handbook of Research on Innovation and Clusters / Edited by C. Karlsson*. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar, 2008.
11. *Golovin V.A.* Stages of the life cycle of the regional economic cluster and the factors of its effective development // *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2019. No. 2. Pp. 61–71. DOI: 10.24411/2073-6487-2019-10017. (In Russ.)
12. *Golovin V.A.* Analysis of Factors and Development Potential of Economic Clusters by Economic Activities in Mari El Republic // *Economy of Region*. No. 13 (4). Pp. 1068–1079. DOI: 10.17059/2017-4-8. (In Russ.)

13. *Golovin V.A.* Graphic model of dynamic assessment of the effectiveness of regional economic cluster // The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2018. No. 2. Pp. 141–158. (In Russ.)
14. *Smirnov A.A.* Efficiency of small and medium-sized businesses in the region // Economics and Entrepreneurship. 2019. No. 3 (104). Pp. 642–649. (In Russ.)

Дата поступления рукописи: 26.09.2022 г.

ABOUT THE AUTHOR

Golovin Victor Alexandrovich – Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor at Mari State University; Associate Professor at Interregional Open Social Institute, Yoshkar-Ola, Russia. vicgolovin@gmail.com

IDENTIFICATION AND EVALUATION OF THE DEVELOPMENT OF REGIONAL ECONOMIC CLUSTERS

The article proposes an algorithm for identifying and evaluating the development of regional economic clusters, which is based on the sequential elimination of economic activities of the region and calculated using both commonly used indicators and author methods. The algorithm was tested on the data of the Mari El Republic, a primary assessment of the development of two regional economic clusters (agro-industrial and machine-building ones) were identified.

Keywords: *cluster, regional cluster, economic cluster, cluster identification, cluster development assessment, localization coefficient, localization intensity index.*

JEL: O18, P25, R12.

Е.Н. КОРЕПАНОВ

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики РАН

ИМПОРТОЗАВИСИМОСТЬ И ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ В МАШИНОСТРОЕНИИ

В статье представлены результаты анализа взаимозависимости импорта и внутреннего производства в машиностроении РФ. Показано, что наибольшей импортозависимостью отличается группа инвестиционных отраслей, проявляющая наименьшую инвестиционную и инновационную активность. Проведено сопоставление наукоемкости машиностроительных производств России и США. Рассмотрены практика и результаты импортозамещения в РФ. Обоснована необходимость переключения с решения отдельных проблем в этой области к политике восстановления технологического суверенитета.

Ключевые слова: импорт, экспорт, внутреннее производство, импортозависимость, импортозамещение, машиностроение, наукоемкость.

JEL: L50, L52, L60, O20.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_5_66_76.

Импортозависимость – явление не новое. И в дореформенный период экономика России восполняла дефицит отечественных товаров закупками за рубежом оборудования, комплектующих изделий и продуктов потребления. Дефицит же определялся сравнительно низким качеством российских товаров, в свою очередь обусловленным технологическим отставанием нашей промышленности. Тем не менее она удовлетворяла в количественном отношении спрос на большинство видов продукции, а в отечественной промышленности лишь небольшая доля оборудования имела иностранное происхождение.

Реформы экономики в корне изменили ситуацию. В психологических мотивах новых собственников, естественно, первенствовала установка на получение максимальной прибыли в кратчайшие сроки. При отсутствии сколько-нибудь определенных обязательств по владению и распоряжению приватизированными объектами возобладал рентный подход или от малорентабельных предприятий просто извлекались. В результате экспортно ориентированные отрасли сохранили объемы производства, в том числе и за счет временного «затягива-

ния поясов», как это было в металлургии. Машиностроение же даже в 2020 г. не достигло дореформенного уровня.

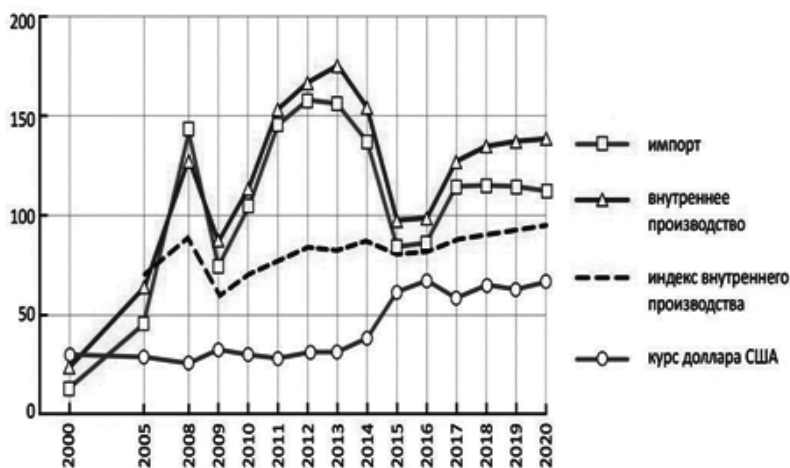
В международном разделении труда за Россией закрепились роль экспортера сырья и материалов и импортера продукции машиностроения и потребительских товаров. Отношение объемов импорта машин, оборудования и транспортных средств к объемам их внутреннего производства за 2000–2008 гг. увеличилось с 45,7 до 101,1%. К 2021 г. этот показатель упал до 79,5%. Тем самым проявляется неоднозначная взаимозависимость импорта и внутреннего производства.

Анализ взаимосвязей импорта и внутреннего производства представляется актуальной исследовательской задачей, особенно в условиях существенного ограничения поставок в Россию промышленного оборудования. Для ее решения в статье рассматриваются структурные, количественные и качественные аспекты импортозависимости и импортозамещения. Анализ проведен на основе официальных статистических материалов Росстата и программных документов российских федеральных ведомств, касающихся вопросов развития промышленности, стимулирования инноваций и импортозамещения. Основное внимание уделено машиностроительному комплексу как средоточию инвестиционных отраслей. Нематериальная составляющая импорта (объекты интеллектуальной собственности, сервисные услуги и пр.) в статье не рассматривается.

Импорт, экспорт и внутреннее производство

Уже простое сопоставление обнаруживает синхронность изменений во времени общих объемов экспорта, импорта российских товаров и сальдо торгового баланса. Причина здесь очевидна - купить можно только на средства от продаж, как и получить избыток средств. Взаимозависимость объемов импорта машиностроительной продукции и общих объемов экспорта и импорта также достаточно прозрачна, если учесть высокий удельный вес этой продукции в товарной структуре импорта. Труднее объяснить синхронность изменений объемов импорта машиностроительной продукции и объемов ее внутреннего производства (см. рис. 1), поскольку взаимозависимость этих величин многопланова.

С одной стороны, объемы импорта определяются спросом на товары производственного и личного потребления (рабочие машины и оборудование, комплектующие изделия, бытовая техника). С другой – объемы импорта определяют (расширяют или ограничивают) возможности внутреннего производства. Наконец, значимым фактором, определяющим спрос на импорт, является курс рубля. А. Кнобель и А. Фиранчук считают его даже важнейшим фактором, поскольку

Источник: рассчитано и составлено автором по данным статистических сборников Росстата: Российский статистический ежегодник. 2013; 2016; 2018; 2020; 2021; Россия в цифрах. 2011; 2017; Промышленное производство в России, 2021.

Рис. 1. Динамика импорта, внутреннего производства машин, оборудования и транспортных средств (\$ млрд), индекса внутреннего производства машин, оборудования и транспортных средств (%), 1991 г. = 100%) и курса доллара США (руб./долл.)

«... коэффициент корреляции между индексом стоимостных объемов импорта... и индексом реального курса рубля к доллару (в % к 2013 г.) в 2014–2017 гг. составил 0,93» [3, с. 7–8]. Но этот результат получен по данным за короткий промежуток времени. На большем интервале он не подтверждается, что наглядно показано на рис. 1. Так, в 2000–2013 гг. курс доллара изменялся в пределах 24,9–31,9 руб./долл., а объем импорта продукции машиностроения – в диапазоне 10,7–152,8 млрд долл. Очевидно, стоимостной объем производства в долл. США определялся в 2000–2013 гг. прежде всего его физическим объемом. Напротив, падение стоимостных объемов производства в 2014–2017 гг. на 45% обусловлено обвалом курса рубля, тогда как физический объем производства сократился только в 2015 г. и лишь на 7%¹. Таким образом, синхронность изменений объемов импорта и внутреннего производства продукции машиностроения в долларовом исчислении очевидна лишь на первый взгляд.

¹ Не оценивая правомерность использования в международных расчетах курса доллара, устанавливаемого Банком России, или паритета покупательной его способности, отметим лишь два обстоятельства. Во-первых, девальвация национальной валюты выгодна не только отечественным экспортерам, но и зарубежным импортерам, что не принимается в расчет. Во-вторых, курс доллара не демонстрирует жесткой связи с ценой на нефть: для 2000–2012 гг. в целом характерен быстрый рост этой цены, тогда как курс доллара оставался относительно стабильным.

Нестабильность объемов импорта машиностроительной продукции, однако, имеет место при сравнительно постоянной его доле в общем объеме импорта: в 2010–2020 гг. она находилась в диапазоне 44,4–50,2%. Синхронность изменений объемов импорта и внутреннего производства даже в кризисные 2009 г. и 2015 г. обусловила плавное изменение или устойчивость показателей зависимости от импорта (см. табл. 1).

Таблица 1

Показатели зависимости машиностроения России от импорта, %

	2000	2008	2009	2012	2014	2016	2017	2020
Отношение импорта к объему внутреннего производства	45,7	101,1	87,2	95,6	90,3	88,1	85,8	79,5
Импортозависимость (отношение импорта к объему внутреннего рынка)	42,6	51,7	52,6	53,2	52,3	54,0	52,4	49,5

Источник: рассчитано и составлено автором по данным статистических сборников Росстата: Российский статистический ежегодник. 2013; 2016; 2018; 2020; 2021; Россия в цифрах. 2011; 2017; Промышленное производство в России. 2021.

Снижение зависимости от импорта в 2017–2020 гг. вызвано стабилизацией его объемов и некоторым ростом внутреннего производства. Примечательно, что изменение этих показателей сопровождалось устойчивостью экспорта машиностроительной продукции. Его объем в 2011–2020 гг. составлял от 24,6 до 29,2 млрд долл. в год, т. е. лишь 5–7% от общего объема экспорта, тогда как импорт такой продукции – от 44,4 до 50,2% от общего объема импорта. По существу, можно говорить о стабильно слабой позиции российского машиностроения в мировой экономике, об устойчивом и неблагоприятном соотношении технологического уровня отечественного и мирового машиностроения, о невысоком уровне конкурентоспособности российской промышленности.

Импортозависимость отечественного машиностроения существенно выше, чем промышленности в целом (49,5 и 40,0% соответственно). По доле иностранной добавленной стоимости в конечном потреблении четыре из пяти группировок машиностроительных производств, выделяемых в ОКВЭД-2², «лидируют» среди всех отраслей, уступая лишь легкой промышленности (см. табл. 2). При этом наиболее зависимыми из

² Общероссийский классификатор видов экономической деятельности ОК-029-2014 (КДЕС Ред. 2). Утвержден приказом Росстандарта №14-ст. от 31.01.2014. (ред. от 26.07.2022). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163320/?ysclid=19n46jtaml776193797.

машиностроительных производств являются не высокотехнологичные отрасли (электронная и аэрокосмическая промышленность), а производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки, то есть большинство инвестиционных отраслей – от станкостроения до машиностроения для легкой и пищевой промышленности, которые можно определить как традиционное машиностроение.

Таблица 2

Доля иностранной добавленной стоимости в конечном потреблении отраслей, 2018 г.

Отрасли	Доля иностранной добавленной стоимости, %
Производство текстиля, текстильных изделий, кожи и обуви	75
Традиционное машиностроение	72
Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	68
Производство электрооборудования	57
Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	56
Производство прочих транспортных средств и оборудования (включая летательные аппараты)	45

Источник: составлено автором по: [5, с. 47].

Его высокая импортозависимость является одним из проявлений общего упадка базовых инвестиционных отраслей. Низкая рентабельность делает их непривлекательными для частного капитала, а поддержка государства несущественна по сравнению, например, с субсидиями на развитие автомобильной промышленности. В результате традиционное машиностроение занимает наихудшие позиции среди других машиностроительных производств по вложениям в основной капитал, затратам на инновационную деятельность, состоянию производственного персонала. По первым двум показателям здесь спад наблюдался, начиная с 2014 г. и вплоть до 2018 г., а сокращение численности занятых происходило непрерывно с 1992 по 2020 г. включительно.

Наукоёмкость и импортозависимость

Конкурентоспособность и, соответственно, импортозависимость промышленности во многом определяются уровнем расходов на инновационную деятельность и в их составе – затратами на научные исследования и разработки (ИР). В отечественной практике значимые позитивные изменения в этой области обозначились только после 2018 г.,

так что сегодняшний уровень импортозависимости задан затратами на ИР в предыдущие годы. Поэтому сопоставление затрат на ИР и наукоемкости продукции промышленности России в целом и машиностроения и, например, в США за 2017 г. представляется корректным и показательным (см. табл. 3). В качестве затрат на ИР в табл. 3 использованы для РФ расходы на ИР в составе инновационных затрат, для США – внутренние затраты промышленных корпораций на ИР (включая собственные расходы, средства бюджетов и др.). Показатель наукоемкости (интенсивности ИР по терминологии, принятой в США) рассчитан как соотношение затрат на ИР и выручки от продаж.

Российская промышленность, как видно по данным табл. 3, многократно уступает промышленности США по наукоемкости и особенно по абсолютным объемам расходов на ИР, что в целом было ожидаемо. Интересно другое – распределение затрат на ИР по видам деятельности в машиностроении и соотношение соответствующих показателей наукоемкости.

Таблица 3

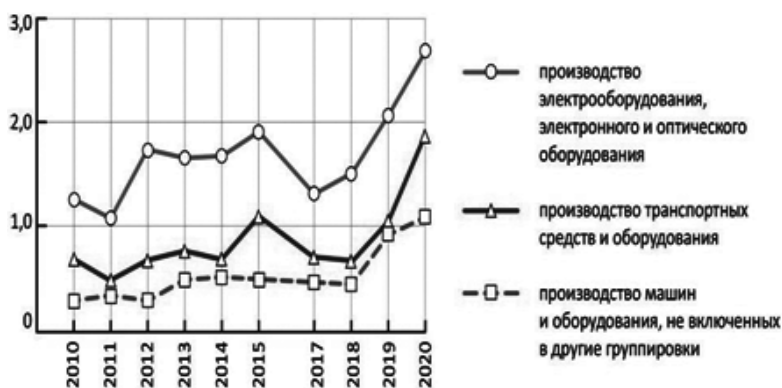
Затраты на ИР и наукоемкость продукции, 2017 г.

	Российская Федерация		США		Затраты на ИР в США по отношению к затратам на ИР в РФ (раз)	Наукоемкость продукции в США по отношению к наукоемкости продукции в РФ (раз)
	затраты на ИР, \$ млрд (по ППС)	наукоемкость продукции, %	затраты на ИР, \$ млрд	наукоемкость продукции, %		
Промышленное производство, всего	7,595	0,30	257,2	4,74	33,9	15,8
Машиностроение, всего, в т. ч.:	2,596	0,84	149,35	6,45	57,5	7,7
1. Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	1,114	1,33	82,86	10,2	74,4	7,7
2. Производство транспортных средств и оборудования	1,279	0,72	53,29	4,54	42,2	6,3
3. Традиционное машиностроение	0,204	0,45	13,2	4,08	64,7	9,1

Источник: рассчитано автором по: Индикаторы инновационной деятельности: 2019: стат. сб. М.: НИУ ВШЭ. 2019; Промышленное производство в России. 2021: Стат. сб. / Росстат; Science and Engineering Indicators. NSF. 2018.

Если принять показатели традиционного машиностроения за единицу, то соотношение затрат на ИР между группировками 1, 2 и 3 будет таково: РФ – 5,5:6,3:1,0 и США – 6,3:4,0:1,0. В свою очередь соотношение величин наукоемкости имеет следующий вид: РФ – 3,0:1,6:1,0 и США – 2,5:1,1:1,0. Полученные относительные показатели, в отличие от абсолютных, достаточно близки. Лишь транспортному машиностроению в РФ уделяется сравнительно большее внимание, чем в США, что отражает присутствие космической отрасли РФ в составе приоритетных научных направлений.

Рост затрат на ИР в машиностроении РФ (см. рис. 2) после 2018 г. изменил соотношение показателей наукоемкости в пользу транспортного и традиционного машиностроения. В 2020 г. соотношение величин наукоемкости имело вид – 2,5:1,7:1, т. е. приблизилось к таковому в США. Более чем вдвое сократился разрыв в абсолютных величинах наукоемкости, что, на наш взгляд, является одним из главных достижений в реализации государственной программы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности», именуемой также программой импортозамещения.

Источник: рассчитано и составлено автором по данным статистических сборников Росстата «Промышленное производство в России» (2016; 2021); статистических сборников НИУ ВШЭ «Индикаторы инновационной деятельности» (2013; 2022).
Рис. 2. Доля затрат на ИР в выручке от продаж продукции машиностроения, %

Практика и результаты импортозамещения

Руководящими документами в области импортозамещения являются паспорта подпрограмм упомянутой госпрограммы, а также отраслевые планы мероприятий по импортозамещению на 2014–2020 гг. и на 2021–2024 гг. К сожалению, статистические материалы, как правило, не позволяют оценить степень достижения соответствующих плановых индексов ввиду несопоставимости структурных

и стоимостных показателей импорта и внутреннего производства. Не позволяют это сделать и материалы названных подпрограмм и планов, поскольку, во-первых, в них отсутствуют общепромышленные показатели доли отечественной продукции на внутреннем рынке (или доли импорта в потреблении), а, во-вторых, номенклатура отдельных видов продукции по большей части не совпадает. Однако косвенные оценки свидетельствуют, что по многим позициям целевые показатели 2020 г. не достигнуты. При этом планы на 2021–2024 гг. не содержат данных о выполнении планов на 2014–2020 гг. «Обнуление», как известно, не лучший способ преодоления трудностей и исправления ошибок.

Вместе с тем нужно обратить внимание на то, что в 2014–2020 гг. произошло снижение импортозависимости в целом по промышленным товарам с 49,0 до 40,0%³, что не дает оснований говорить о полном провале программы импортозамещения⁴. Также отметим, что целевые установки планов мероприятий стали менее амбициозными, а объекты импортозамещения – более конкурентными. Если в 2014–2020 гг. они зачастую относились к крупным комплексам и группам продукции, то в 2021–2024 гг. к комплексным или специализированным технологиям, специальным комплектам оборудования, отдельным машинам и комплектующим.

Сократилось количество видов продукции, подлежащих замещению. Если в планах 2014–2020 гг. их было около 2000, то в планах на 2020–2024 гг. только 969 (не считая измерительного и метеорологического оборудования и продукции экологического машиностроения). В Минпромторге РФ сформулирован перечень критических (не производимых в России) комплектующих изделий, включающий 303 позиции. На разработку части из них уже объявлен конкурс, определены исполнители и производители. Министерство разработало и адаптировало механизмы поддержки импортозамещения. В частности, предполагается увеличить соотношение объема субсидирования к объему реализации инновационной продукции с 1 к 5 до 1 к 2. Доля государственного финансирования в грантах на разработку конструкторской документации на критические комплектующие увеличена с 80% до 100% (на создание отечественных аналогов комплектующих для различных отраслей промышленности)⁵. Кроме того, запущены новые

³ См.: Сводная стратегия развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2024 года и на период до 2035 года (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 6 июня 2020 г. № 1512-р).

⁴ Сенатор Клишас: программа импортозамещения в России полностью провалена / РБК. 19.05.2022. <https://www.rbc.ru/politics/19/05/2022/6285f0c79a7947c127bab983?ysclid=19o9e7ct27238677544>.

⁵ Постановление Правительства РФ от 31.03.2022 № 522 (ред. от 14.04.2022) «О внесении изменений в Правила предоставления субсидии из федерального бюджета

льготные программы Фонда развития промышленности «Комплекующие изделия» и «Формирование компонентной базы»⁶. Принят также ряд законодательных актов, ограничивающих покупки зарубежных товаров при наличии отечественных аналогов.

Основным документом стратегического планирования в промышленности является «Сводная стратегия развития промышленности Российской Федерации до 2024 года и на период до 2035 год». Участие государства в ее реализации основывается на 20 отраслевых стратегиях. Не ставя себе целью их анализ, отметим лишь, что установленные ими целевые ориентиры не направлены на скорое решение проблемы импортозависимости. Так, по базовому сценарию развития станкоинструментальной промышленности доля импорта в потреблении ее продукции за 2020–2035 гг. снизится с 76 до 62%, а в электронной промышленности доля российской продукции на внутреннем рынке возрастет за 2020–2030 гг. с 52,6 до 59,1%. В сегодняшней критической ситуации столь незначительные позитивные сдвиги за 10–15-летний срок неприемлемы, особенно в области микроэлектроники, где доля отечественной продукции на внутреннем рынке составляет, по заявлению вице-премьера Д. Чернышенко, не более 10%⁷.

Развивая импортозамещение, следует учитывать сокращение производственных мощностей машиностроительных предприятий. По нашим расчетам, они уступают уровню 1990 г., например, в подшипниковой промышленности в 4 раза, в тракторостроении и станкостроении – в 5 раз, в производстве кузнечно-прессовых машин – в 1,5 раза, в производстве экскаваторов – в 1,9 раза. Очевидно также, что технологический уровень резервных мощностей далек от современных требований. Опросы показывают, что второй по значимости причиной (после отсутствия российских аналогов) использования импортных изделий является более низкое качество отечественных аналогов [4, с. 36].

Дополнительную проблему создает утрата многих научных компетенций, обусловленная стихийной приватизацией в науке. Она началась с ликвидации ядра прикладных ИП – межотраслевых научно-технических комплексов. За ними последовали отраслевые институты

автономной некоммерческой организации «Агентство по технологическому развитию» на поддержку проектов, предусматривающих разработку конструкторской документации на комплектующие изделия, необходимые для отраслей промышленности». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_413684/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/?ysclid=19nud4x0dj957507341.

⁶ Батенева Т. Платформа надежна / Российская газета. Лента новостей. 15.06.2022. <https://rg.ru/2022/06/15/platforma-nadezhna.html?ysclid=19nvqkwkiv868573759>.

⁷ Чернышенко Д. Выступление на XIX отраслевой научно-технической конференции радиоэлектронной промышленности. Ялта. Сентябрь 2020 г. <https://tass.ru/ekonomika/9576695?ysclid=19nux7b1fc160740237>.

и конструкторские бюро, а к 2020 г. практически перестали существовать и головные отраслевые НИИ (ЭНИМС, ВИСХОМ, ВНИИМЕТ-МАШ и т. д.).

Нуждается в коррективах и практика стимулирования развития промышленности, поскольку, например, щедрое субсидирование автопрома и сельхозмашиностроения не принесло однозначного успеха. Производство легковых автомобилей в 2015–2020 гг. было убыточным или низкорентабельным [1, с. 14], а рост стоимостных объемов производства сельхозтехники происходил в основном за счет увеличения ее себестоимости [2, с. 18–20].

Подводя итоги, следует отметить, что политике импортозамещения присущ фрагментарный и догоняющий характер, она «... как правило, связана с попыткой восстановления, модернизации, построения недостающих элементов...», то есть носит преимущественно вертикальный характер. Однако в отсутствие связи с горизонтальными мерами развития отдельных критических технологий, воссоздания недостающих научных компетенций она... будет систематически запаздывать... необходима политика упреждающего импортозамещения, ориентированная на зарождающиеся новые рынки» [4, с. 44]. Уже в ближайшей перспективе эта политика должна стать комплексной и рассматриваться как неотъемлемая часть восстановления технологического суверенитета отечественной экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бутов А.М. Рынок новых легковых автомобилей. М.: НИУ ВШЭ, 2020. https://dcenter.hse.ru/godovye_obzory_po_otraslyam_i_rynkam.
2. Бутов А.М. Рынок сельскохозяйственных машин. М.: НИУ ВШЭ, 2019. https://dcenter.hse.ru/godovye_obzory_po_otraslyam_i_rynkam.
3. Кнобель А., Фиранчук А. Внешняя торговля России в 2017 г. // Экономическое развитие России. 2018. Т. 25. № 3. Март-апрель. С. 6–13.
4. Симачев Ю., Кузык М., Зудин Н. Импортозависимость и импортозамещение в российской обрабатывающей промышленности: взгляд бизнеса // Форсайт. 2016. Т. 10, № 4. С. 25–45.
5. Симачев Ю.В., Федюнина А.А., Кузык М.Г. Новые контуры промышленной политики. Доклад НИУ ВШЭ. М.: НИУ ВШЭ, 2022.

REFERENCES

1. Butov A.M. The market of new passenger cars. M.: HSE, 2020. (In Russ.). https://dcenter.hse.ru/godovye_obzory_po_otraslyam_i_rynkam.
2. Butov A.M. Market of agricultural machines. M.: HSE, 2019. (In Russ.). https://dcenter.hse.ru/godovye_obzory_po_otraslyam_i_rynkam.
3. Knobel A., Firanchuk A. Foreign trade of Russia in 2017 // Economic development of Russia. 2018. Vol. 25. No. 3. March-April. Pp. 6–13. (In Russ.).

4. *Simachev Y., Kuzyk M., Zudin N.* Import dependence and import substitution in the Russian manufacturing industry: a business view // *Foresight*. 2016. Vol. 10. No. 4. Pp. 25–45. (In Russ.).
5. *Simachev Y.V., Fedyunina A.A., Kuzyk M.G.* New contours of industrial policy. Report of the Higher School of Economics. M.: Higher School of Economics, 2022. (In Russ.).

Дата поступления рукописи: 01.10.2022 г.

ABOUT THE AUTHOR

Korepanov Evgeny Nikolaevich – Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

e.n.korepanov@mail.ru

IMPORT DEPENDENCE AND IMPORT SUBSTITUTION IN MECHANICAL ENGINEERING

The article presents the results of the analysis of the interdependence of imports and domestic production in the mechanical engineering of the Russian Federation. It is shown that the group of investment industries with the least investment and innovation activity is characterized by the greatest import dependence. The science intensity in mechanical engineering industries in Russia and the USA is compared. The practice and results of import substitution in the Russian Federation are considered. The necessity to switch from solving individual problems to the policy of restoring technological sovereignty is substantiated.

Keywords: *import, export, domestic production, import dependence, import substitution, mechanical engineering, science intensity.*

JEL: L50, L52, L60, O20.

ВОПРОСЫ ДЕМОГРАФИИ

И.Е. КАЛАБИХИНА

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой народонаселения
экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

К.Ю. БАШКИРОВА

студентка магистратуры экономического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова

Я.А. БОРИСЕНКО

студентка магистратуры, лаборант кафедры народонаселения
экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ПОМОГАЕТ ЛИ ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО В БЛАГОПОЛУЧИИ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ?

Многодетные семьи являются уязвимой группой с точки зрения риска бедности и дефицита времени. Целью данного исследования является типологизация российских многодетных семей с акцентом на типе распределения времени между супругами. Основной нашей гипотезой является то, что эгалитарное распределение времени в домашнем хозяйстве с большим гендерным равенством, чем при традиционном распределении времени, сочетается с более высокими доходами на члена домохозяйства. В статье на российских микроданных впервые представлены профили многодетных семей традиционного и эгалитарного типов, рассматриваемые в контексте распределения времени между родителями. Проведенный кластерный анализ позволяет выделить два основных типа семей. При этом две трети многодетных пар характеризуются в большей степени патриархатным типом отношений с традиционной гендерной специализацией труда, а пятая часть семей имеет характеристики эгалитарного типа взаимоотношений без гендерной специализации труда в браке. Уровень дохода на члена домохозяйства в эгалитарных семьях выше, чем в традиционных, даже при несколько большем объеме времени, затрачиваемого на уход за детьми.

Ключевые слова: *бюджеты времени, распределение времени, многодетные семьи, гендерная специализация труда, российские домохозяйства.*

JEL: J16, J20, J12.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_5_77_96.

Введение

Многодетные семьи являются уязвимой группой как с точки зрения риска бедности, так и с точки зрения дефицита свободного времени и времени, затрачиваемого на уход и воспитание детей. В связи с большим количеством детей, то есть с высокой иждивенческой нагрузкой, в многодетных семьях чаще реализуется традиционная модель в распределении ролей – «хранительница очага» и «кормилец». Альтернативной моделью является эгалитарная модель с более сбалансированным участием супругов в ведении домашнего хозяйства и воспитании детей. По нашему предположению именно традиционная модель ассоциируется с дефицитом времени и дефицитом денежных ресурсов в многодетных семьях.

Целью данного исследования является типологизация российских многодетных семей по типу распределения времени в домашнем хозяйстве (традиционном и эгалитарном), позволяющая всесторонне оценить профили разных типов семей.

Основная рассматриваемая нами гипотеза состоит в том, что эгалитарное распределение времени в домашнем хозяйстве сочетается с более высокими доходами на члена домохозяйства.

Объект исследования – многодетные семьи. Предмет исследования – профили разных типов российских многодетных семей, отличающиеся по распределению времени между родителями, которое они затрачивают на ведение домашнего хозяйства и уход за детьми.

Дети, растущие в бедных семьях, испытывают долгосрочные негативные последствия от недостатка материальных благ. В разных странах мира многодетные семьи являются уязвимой группой по размерам доходов на членов домохозяйства [1]. В частности, в США на протяжении пяти десятилетий уровень глубокой бедности остается постоянным в целом для семей с детьми [2].

В Великобритании также в число наименее обеспеченных людей входят члены многодетных семей [3]. Исследователи приходили к подобному выводу разными способами: путем сравнения общих расходов домохозяйств в неделю со ставкой национальной помощи [3], а также путем сравнения фактических расходов семей на продовольствие с социально приемлемой диетой [4].

Российские семьи не являются исключением: многодетные семьи в 10 раз сильнее подвержены риску бедности, чем семьи с двумя родителями с одним ребенком [5]. По сравнению с европейскими многодетными семьями степень материальных лишений российских семей значительно выше [6].

Не только материальное благополучие, но и другие аспекты благополучия детей и развития их человеческого капитала в многодетных

семьях труднее достижимы. Успеваемость детей из многодетных семей хуже, чем у детей из малодетных семей. Значимое влияние оказывает также порядок рождения: образовательные показатели первенцев превышают показатели детей, находящихся выше по порядку рождения [7; 8]. Увеличение семьи, то есть рождение еще одного ребенка, отрицательно сказывается на объеме домашнего труда уже рожденных детей [9], на их грамотности, посещаемости учебных заведений и успеваемости. Наиболее уязвимыми оказываются старшие дети женского пола: на них переносится бремя по уходу за младшими членами семьи и ведению домашнего хозяйства. Как следствие, накопление человеческого капитала замедляется [10; 11].

Рождение ребенка неизбежно приводит к смене приоритетов и перераспределению времени родителей. Время, которое родители уделяют своим детям, является важным с точки зрения социального и психоэмоционального развития младших членов семьи [11]. Как правило, родители сталкиваются с необходимостью поиска наиболее эффективного способа распределения обязанностей по уходу за детьми. Укоренившиеся общественные установки определяют необходимость большего участия женщин в воспитании детей. По результатам проведенных обследований, две трети респондентов отмечают, что в первые годы жизни ребенок в большей степени нуждается в материнском времени, чем во времени, уделяемом со стороны отцов [12].

Выделяют несколько направлений изучения времени, которое человек затрачивает внутри домохозяйства: институциональное (интеграция индивидуального расписания во внешнюю среду), гендерное (распределение времени между мужчиной и женщиной в семье) и межличностное (общение, соблюдение социальных норм) [13]. В контексте исследования семей с детьми распределение времени между родителями приобретает особое значение.

В традиционных патриархальных семьях и обществах бремя по финансовому обеспечению домохозяйства ложится в основном на мужчину. Рождение детей оказывает отрицательное влияние на предложение рабочей силы у женщин. Матери с маленькими детьми, как правило, сталкиваются с дискриминацией на рынке труда и со стороны спроса [13]. Часто именно в семьях с детьми можно одновременно наблюдать двойной дефицит – нехватку денежных средств и времени [14]. Исследователи, изучающие данную проблематику, показали, что время оплачиваемой занятости увеличивается преимущественно за счет сокращения родительского времени [16]. Однако перераспределение времени мужчины в результате увеличения семьи не столь существенное: время, расходуемое на оплачиваемую занятость, не изменяется, а свободное время сокращается в пользу ухода за детьми [15].

Однако, как и любая категория населения, многодетные семьи характеризуются неоднородностью. Мы предполагаем, что не все многодетные семьи реализуют традиционное распределение ролей и времени между родителями. В данной работе, впервые на российских данных, мы покажем профили многодетных семей традиционного и эгалитарного типа с точки зрения распределения времени между родителями, отвечая на основной исследовательский вопрос о том, совместимы ли такие характеристики многодетных семей, как эгалитарное распределение времени между родителями и материальное благополучие семьи.

Данные и методология

Методология нашего исследования заключается в следующем. Первый шаг – выбор взрослых членов домохозяйств, в которых живет трое и более детей. На первом этапе мы рассматриваем индивидов. На втором шаге выполняем кластеризацию этих индивидов по выбранным признакам и описываем профили каждого кластера. На третьем шаге мы формируем супружеские пары из индивидов на основе кодировки индивидов по семейному составу, то есть объединяем индивидов в пары. На основе такого объединения выделяем типы многодетных семей в соответствии с полученными сочетаниями, используя полученные профили индивидов.

Мы используем данные Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением, проведенного в 2019 г. Росстатом. Выбранные для анализа переменные представлены в табл. 1, описательная статистика – в табл. 2. Корреляционный анализ не выявил сильных связей между переменными (см. Приложение 1). Таким образом, размер выборки после исключения наблюдений с пропусками составляет 870 человек. Распределение индивидов по числу детей следующее: 85,7% человек имеют троих детей, 9,8% – четверых детей, 3,9% – пятерых, менее одного процента имеют шесть и более детей.

Для выявления различий между многодетными семьями мы используем кластерный анализ, так как алгоритм кластеризации позволяет сформировать группы объектов, наиболее похожих друг на друга и отличающихся от других групп [17]. Выбор алгоритма k -средних обусловлен его высокой производительностью и простотой его реализации. Также данный метод позволяет четко соотносить наблюдение с кластером и работать с многомерными объектами, давая при этом более точные результаты, чем, например, иерархический метод кластеризации [17].

Методически наша работа выглядит следующим образом. Так как для кластеризации используется метод k -средних (k -means), важно

Описание переменных

Название переменной	Описание переменной
City	Бинарная переменная, равная 1 для городского населения и 0 для сельского населения
Age	Количественная переменная. Возраст индивида, лет
Male	Бинарная переменная пола, равная 1 для мужчин и 0 для женщин
Marriage	Бинарная переменная брачного статуса, равная 1 для индивидов, состоящих в браке (как зарегистрированном, так и незарегистрированном), и 0 для всех остальных
Income	Количественная переменная. Денежный доход в среднем на члена домохозяйства, руб. в месяц
Health	Порядковая переменная. Шкала оценки состояния здоровья индивида по самоопределению, где 1 – «очень хорошее», 2 – «хорошее», 3 – «удовлетворительное», 4 – «плохое», 5 – «очень плохое»
Educ	Порядковая переменная. Уровень образования индивида: оценивается по шкале, где 1 – кадры высшей квалификации (аспирантура, докторантура), 2 – высшее (специалитет, магистратура) и так по убыванию до 8 (общее среднее образование) и 9 (не имеет основного общего)
Children	Количественная переменная. Число детей, человек
Dishwasher	Бинарная переменная, равная 1, если в домохозяйстве есть посудомоечная машина, и 0, если нет
Auto	Бинарная переменная, равная 1, если в домохозяйстве есть легковой и/или грузовой автомобиль, и/или микроавтобус, и 0, если нет
Dil_food	Бинарная переменная, равная 1, если члены домохозяйства пользуются доставкой продуктов и товаров для дома, и 0, если нет
Dil_clothes	Бинарная переменная, равная 1, если члены домохозяйства пользуются доставкой при покупке одежды и обуви, и 0, если нет
Dil_tech	Бинарная переменная, равная 1, если члены домохозяйства пользуются доставкой при покупке бытовой техники, радиоэлектроники и т. д., и 0, если нет
Sq_house	Количественная переменная. Общая площадь занимаемых помещений, кв. метров
HomeTime	Количественная переменная. Время, затрачиваемое на ведение домашнего хозяйства, часов в неделю
WorkTime	Количественная переменная. Время, затрачиваемое на оплачиваемую занятость, часов в неделю
ChildTime	Количественная переменная. Время, затрачиваемое на уход за детьми, часов в неделю

Источник: составлено авторами.

Описательная статистика выбранных переменных

Название переменной	Минимальное значение	Медиана	Среднее значение	Максимальное значение
City			0,5241	
Male			0,5057	
Age	18	37	37,3	70
Marriage			0,8678	
WorkTime	4	40	40,11	91
ChildTime	1	20	26,12	140
Educ			4,606	
Health	1	2	2,286	4
HomeTime	0	14	16,67	63
Income	500	8750	9580	75000
Children	3	3	3,195	8
Sq_house	11	64	72,05	223
Dishwasher			0,1207	
Auto			0,7253	
Dil_food			0,1402	
Dil_clothes			0,2	
Dil_tech			0,2046	

Источник: составлено авторами.

правильно определить количество кластеров. На первом этапе с помощью пакета NbClust в среде R мы определяем оптимальное количество кластеров для представителей многодетных семей, под которыми мы будем понимать индивидов, являющихся родителями или другими совершеннолетними членами такого домохозяйства. Расчеты показывают, что оптимальным числом кластеров может быть как два, так и три кластера. Мы выбираем три кластера, так как при таком разбиении получаются группы с явными различиями в затратах времени.

На втором этапе проводится нормировка данных, так как переменные имеют разные единицы измерения, и с помощью метода k -средних (k -means) строятся кластеры для представителей многодетных семей. Для кластеризации использовался пакет factorextra. На третьем этапе выделяются характеристики среднего представителя кластера для дальнейшего анализа и каждому индивиду при-

сваивается номер кластера, к которому он принадлежит. Бинарные переменные мы интерпретировали следующим образом: если полученное значение принадлежит промежутку от 0 до 0,4, мы трактуем значение рассматриваемой переменной как 0. Значение, лежащее в промежутке от 0,7 до 1, мы считаем единицей. Значение из промежутка от 0,4 до 0,7 принимаем как неинтерпретируемое, то есть мы не можем однозначно сказать, какой характеристикой обладает типичный представитель. Так, если значение переменной «City» равно 0,8, мы считаем, что типичный представитель живет в городе. При интерпретации порядковых переменных ход рассуждений аналогичен. Значение переменной округляется по правилам математики. Далее на основе кодов, показывающих родство внутри домохозяйства, мы из нашей выборки индивидов формируем выборку из супружеских пар и объединяем их в типы в зависимости от того, в какой кластер попали супруги.

Типы кластеров определяются в зависимости от распределения времени супругов (партнеров) на оплачиваемую занятость, ведение домашнего хозяйства и уход за детьми. В классической традиционной (или патриархальной) модели использования времени и распределения ролей между родителями обычно наблюдаются роли «хранительница очага» и «кормилец». Мы видим жесткую специализацию труда в браке. В эгалитарной модели женщина и мужчина значительно более равномерно распределяют роли, трудясь и на рынке труда, и в домохозяйстве; и уровень вовлеченности отцов в уход за детьми и ведение домашнего хозяйства высок. При этом жесткая специализация труда в браке исчезает.

В России традиционно высокий уровень женской занятости. По данным Росстата, за период с 2000 г. данный показатель варьировался от 52,1 до 58,5%. Даже в многодетных семьях с несовершеннолетними детьми уровень занятости женщин в России несколько выше средне-европейского. Сравнение занятости женщин с тремя и более детьми по странам представлено в Приложении 3. Поэтому мы определяем традиционный или эгалитарный тип распределения времени не по маргинальным полюсам (или «хранительница очага» и «кормилец», или «равный объем времени на все виды деятельности у матери и отца»), а по относительно большему или меньшему уровню участия женщин/мужчин в том или ином виде деятельности. Если у индивида эти характеристики отклоняются от среднего значения использования времени по нашей выборке, то он или она реализуют традиционный тип распределения времени. Индивидов со средними затратами времени (с затратами времени ближе к средним значениям) мы будем считать придерживающимися эгалитарной модели распределения времени.

Результаты

Профили типичных представителей кластеров представлены в Приложении 2 (результаты с переменными до интерпретации по нашей схеме). Для определения индивидов с традиционным или эгалитарным распределением ролей мы сравниваем затраты типичного представителя кластера со средним значением по выборке (отклонения от среднего значения см. в табл. 4).

К первому кластеру относятся достаточно молодые замужние женщины с тремя детьми, которые много времени тратят на ведение домашнего хозяйства и уход за детьми и относительно мало времени на оплачиваемую занятость. Ко второму кластеру относятся женатые мужчины с тремя детьми, которые много времени тратят на оплачиваемую занятость, но значительно меньше на работу по дому и уход за детьми. Третий кластер представлен взрослыми членами домохозяйства, которые сбалансированно расходуют время на оплачиваемую занятость, ведение домашнего хозяйства и уход за детьми. В нем явно не выделен пол типичного представителя, что говорит о значительном представительстве мужчин и женщин в данном кластере. Затраты времени на разные виды деятельности у представителя третьего кластера незначительно отличаются от среднего. Это эгалитарный кластер. Обратим внимание, что представители этого кластера обладают более высокими доходами и уровнем образования по сравнению с представителями двух других кластеров.

Полученные результаты показывают наличие разных типов распределения времени среди взрослых членов домохозяйства и подтверждают нашу гипотезу о различиях в гендерном распределении времени внутри многодетных семей.

Как мы видим, кластеры имеют гендерные различия: первый кластер представлен замужними женщинами, которые посвящают свое время домашним заботам, а второй – женатыми мужчинами, которые больше времени проводят на рабочем месте.

Если в супружеской паре женщина является представительницей первого кластера и мужчина представителем второго кластера, то в данном домохозяйстве наблюдается гендерная специализация труда. При этом у представителей таких кластеров мы наблюдаем относительно низкие уровни дохода и образования. Если супружескую пару образуют индивиды из третьего кластера, то такую пару мы считаем эгалитарной, так как в данном кластере женщины и мужчины более сбалансированно распределяют время между оплачиваемой занятостью, ведением домашнего хозяйства и уходом за детьми. Для подтверждения гипотезы о том, что эгалитарное распределение времени в домашнем хозяйстве сочетается с более высокими доходами на члена

домохозяйства у супругов (партнеров), формируем супружеские пары на основе кодировки по семейному положению индивидов. Напомним, что первоначально в нашей выборке состоят все взрослые члены многодетных домохозяйств.

Таблица 3

Профиль типичных представителей кластера: описание кластеров

Номер кластера	1	2	3
Пол	Женщина	Мужчина	Может быть и мужчина, и женщина
Возраст	36,3 лет	37,8 лет	38,5 лет
Состоит в браке	Да	Да	Да
Средний доход на члена д/х	8666,87 руб. в месяц	8386,30 руб. в месяц	14084,02 руб. в месяц
Место проживания	Не определено	Не определено	Проживает в городе
Образование	Среднее профессиональное (специалист) или неоконченное высшее	Среднее профессиональное (специалист)	Высшее (бакалавриат) или незаконченное высшее
Оценка здоровья	Хорошее (2,32)	Хорошее (2,28)	Хорошее (2,23)
Размер помещения	70,4 м ²	73,4 м ²	72,7 м ²
Количество детей	3,20 ребенка	3,22 ребенка	3,13 ребенка
Уход за детьми	36,3 часа в неделю	15,8 часа в неделю	26,6 часа в неделю
Ведение домашнего хозяйства	24,9 часа в неделю	10,3 часа в неделю	12,9 часа в неделю
Оплачиваемая работа	37,2 часа в неделю	42,8 часа в неделю	40,7 часа в неделю
Услуги доставки	Не пользуется доставкой	Не пользуется доставкой	Пользуется доставкой одежды и часто продуктов и техники
Наличие машины и посудомоечной машины	Нет посудомоечной машины	Нет посудомоечной машины, есть автомобиль	Есть автомобиль
Число наблюдений	352 человека	353 человека	165 человек

Источник: составлено авторами.

Отклонение затрат времени на различные виды деятельности от среднего значения для многодетных семей (часов в неделю)

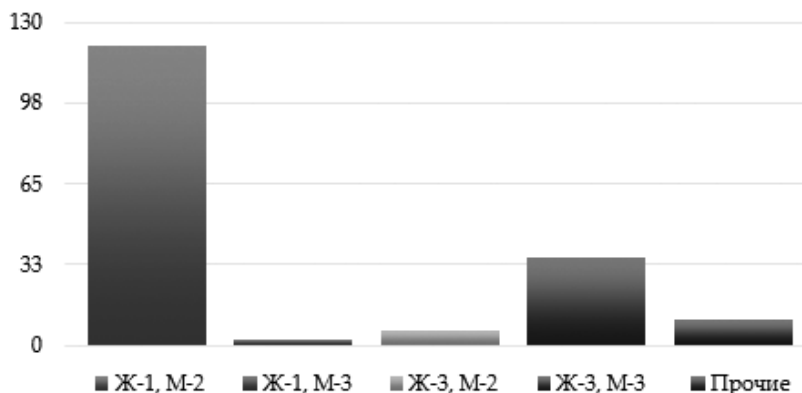
	Время на ведение домашнего хозяйства	Отклонение от среднего	Время на уход за детьми	Отклонение от среднего	Время на оплачиваемую работу	Отклонение от среднего
Кластер 1	24,85	8,18	36,28	10,16	37,19	-2,92
Кластер 2	10,20	-6,47	15,79	-10,33	42,76	2,65
Кластер 3	12,90	-3,77	26,55	0,43	40,67	0,56
<i>Среднее по выборке</i>	16,67		26,12		40,11	

Источник: составлено авторами

На данном этапе исследования мы выделяем и оставляем только супружеские пары в зарегистрированном и незарегистрированном браке. В нашей выборке 348 индивидов, о которых есть полная информация по рассматриваемым переменным как для них, так и для их партнеров, то есть мы получили 174 пары. Такое существенное сокращение выборки обусловлено рядом факторов. Во-первых, в выборке из индивидов присутствуют не только люди, состоящие в браке, но и одинокие люди. Во-вторых, не все респонденты указывали информацию о своих супругах.

Распределение партнеров между кластерами внутри пар представлено на рис. Наибольшее число пар (121 пара) состоит из женщин, принадлежащих первому кластеру, то есть тех, которые много времени тратят на ведение домашнего хозяйства и уход за детьми, и мужчин, принадлежащих второму кластеру, которые мало занимаются домом и детьми, но при этом заняты на оплачиваемой работе. В таких парах наблюдается гендерная специализация в распределении труда. Женщины тратят в 2,3 раза больше времени на уход за детьми (на 20,5 часов в неделю больше), чем мужчины, и в 2,4 раза больше времени на ведение домашнего хозяйства (на 14,6 часов в неделю больше). В то время как мужчины работают на рынке труда в 1,2 раза больше женщин (на 5,6 часов в неделю больше). Обратим внимание на то, что такие семьи имеют сравнительно низкий месячный доход на одного члена домашнего хозяйства.

Второй тип семей (35 пар) состоит из мужчин и женщин, которые относятся к третьему кластеру. В таких парах нет в явном виде гендерной специализации. Эти семьи имеют более высокий уровень образования и уровень доходов в расчете на одного члена домохозяйства, пользуются доставкой продуктов, одежды и бытовой техники.

Источник: составлено авторами.

Рис. Распределение семейных пар по кластерам.

Примечание: По вертикальной оси отмечено количество пар, по горизонтальной – варианты соотношения индивидов в паре. Названия столбцов расшифровываются следующим образом: ж – женщина, м – мужчина (партнер), цифра соответствует номеру кластера, которому принадлежит индивид. Например, Ж-1 М-2 означает, что женщина принадлежит первому кластеру, а ее партнер – второму.

Гендерная специализация труда в домохозяйстве (традиционный тип распределения времени в домашнем хозяйстве и на рынке труда) является одной из основных детерминант различий в использовании времени в многодетных семьях и тип распределения времени сочетается с материальным благополучием домохозяйства.

Выделяются также менее многочисленные семейные пары, состоящие из мужчин, принадлежащих третьему кластеру и женщин, принадлежащих первому кластеру (2 пары). В данной категории супружеских пар мужчины имеют более высокий уровень образования и доходов, которые, вероятно, позволяют им рационально распределять свое время между оплачиваемой работой, помощью с ведением домашнего хозяйства и воспитанием детей (придерживаются эгалитарных ценностей). Женщины, в свою очередь, менее образованы, много времени тратят на уход за детьми и ведение домашнего хозяйства, придерживаясь традиционных гендерных ролей.

Противоположная по своим характеристикам группа – мужчины, принадлежащие второму кластеру, и женщины, принадлежащие третьему кластеру, где более образованная женщина уделяет время оплачиваемой работе, заботе о детях и дому, а менее образованный мужчина много времени уделяет оплачиваемой работе и мало времени уделяет воспитанию детей и помощи с ведением домашнего хозяйства (6 пар).

Типы семей с остальными сочетаниями (например, мужчина из первого кластера и женщины из второго) в нашем анализе входят в группу «Прочие» (таких пар 10).

Таким образом, получается, что многодетные семьи делятся на два основных типа. Первый тип характеризуется традиционным типом распределения времени между родителями, относительно меньшим уровнем дохода на члена семьи, низким уровнем использования времясберегающих услуг (доставка), наличием у родителей среднего профессионального образования. Второй тип семей характеризуется эгалитарным распределением времени, что приводит к более сбалансированному распределению времени не только между родителями, но и в индивидуальном балансе «семья-работа». Этот тип семей более благополучный с точки зрения материальной обеспеченности. Представители этих семей пользуются доставкой, проживают в городе и имеют высшее образование.

Выводы и обсуждение

Проведенный кластерный анализ позволяет выделить несколько типов семей. Две трети анализируемых многодетных пар (почти 70%) характеризуются классическим, более патриархатным типом отношений с традиционной гендерной специализацией труда: женщина много времени тратит на ведение домашнего хозяйства и уход за детьми, продолжая при этом работать (помним о высоком уровне женской занятости в России), а мужчина много работает, значительно меньше времени уделяя семье. Пятая часть семей имеет характеристики эгалитарного типа взаимоотношений без явной гендерной специализации труда в браке. Женщины и мужчины тратят время на ведение домашнего хозяйства, уход за детьми и оплачиваемую занятость, но эти виды деятельности более сбалансированы как между собой, так и между супругами. Среднее количество детей у обоих типов семей в среднем одинаковое (три ребенка).

Можно предположить, что дети представителей кластера, где преобладает гендерное равенство, находятся в более выигрышном положении в сравнении с детьми из семей с гендерной специализацией. Мы видим, что доход в таких семьях выше. При этом время, потраченное на детей, даже немного больше. В эгалитарных семьях суммарно на детей супруги в среднем тратят 53,2 часа в неделю, в семьях с классической традиционной моделью распределения времени – 52,1 час. Как мы видели, более высокий доход (и более высокий уровень образования) позволяет домохозяйствам использовать времясберегающие технологии, которые высвобождают временные ресурсы (на воспитание и развитие детей, на другие виды деятельности). В научной литературе также есть свидетельства того, что в семьях, состоящих из образованных родителей, у детей формируется грамотный распорядок дня, способствующий их всестороннему развитию [18].

Предпринятое нами исследование не позволяет установить причинно-следственную связь: то ли относительно большие материальные возможности помогли установить эгалитарное распределение времени, то ли наоборот, гендерное равенство приводит к увеличению семейных ресурсов (и денег, и времени на детей). Традиционная модель, видимо, не позволяет многодетным семьям выйти из круга двойного дефицита – дефицита времени и дефицита денежных средств. Вероятнее даже, что высокий уровень образования способствует как достатку, так и эгалитарным ценностям. Но ясно одно, что эти две характеристики – гендерное равенство и материальное благополучие – в настоящее время сочетаются в российских многодетных семьях.

Полученные выводы относительно профилей многодетных семей разного типа, как и анализ опыта других стран в улучшении благополучия многодетных семей, позволяет нам задуматься над мерами семейной политики в отношении многодетных семей, в частности, о поддержке эгалитарных семей. Тем более что в рамках демографической политики в России в настоящее время поддерживается рост числа многодетных семей. И при реализации государственной политики, нацеленной на стимулирование рождаемости третьих и следующих детей, необходимо принимать во внимание существование негативных эффектов для уже проживающих в домохозяйстве детей [19] и предпринимать превентивные меры против таких эффектов. Представляется, что гендерное равенство в распределении времени и совершенствование индивидуальных балансов «семья – работа» для многодетных родителей может привести к улучшению благополучия многодетных семей и детей в таких семьях.

Дискуссия о том, поддерживать ли занятость многодетной матери, продолжается. С одной стороны, европейские страны стремятся преодолеть бедность многодетных семей не только с помощью «активной» социальной политики (например, выплаты пособий), но и посредством «пассивных» мер, направленных на перераспределение доходов и содействие занятости. Мы видим, что во многих европейских странах уровень занятости женщин с тремя и более детьми высокий (см. Приложение 3). В США также выявили, что нереализованная потребность матерей в заработке для обеспечения семьи необходимыми ресурсами становится причиной стресса, который, в свою очередь, снижает качество времени, проведенного с детьми [2]. Но, с другой стороны, несмотря на рост занятости женщин в последние годы, относительная бедность семей с несколькими детьми в европейских странах не снижается [20]. При этом отказ женщин от оплачиваемой работы с целью воспитания детей, как правило, не компенсируется увеличением доходов мужчин [15]. И даже увеличение количества времени, затрачиваемого

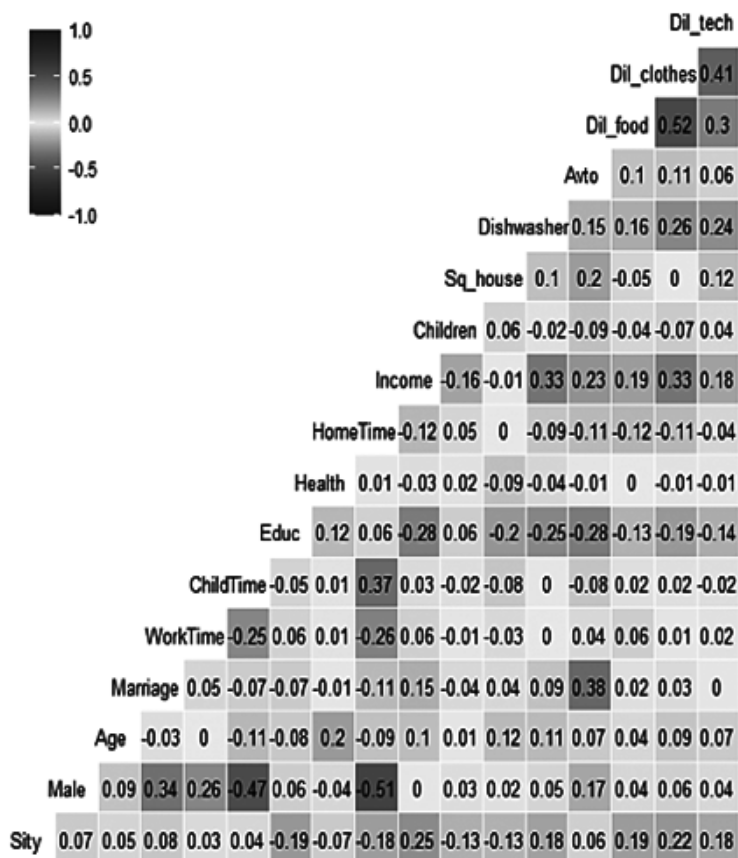
мужчинами на оплачиваемую занятость, зачастую не становится причиной пропорционального увеличения доходов домохозяйства [14].

Возможно, что политика улучшения баланса «семья – работа» и поддержка эгалитарного распределения времени между родителями могут улучшить благополучие детей в многодетных семьях. Заметим, что для этого важна не только поддержка женской занятости, но и развитие всей системы социальной поддержки в области управления временем – гибкие отпуска по уходу за ребенком, передаваемые отцовские отпуска, гибкие режимы работы и формы работы дошкольных учреждений, дистанционные и гибкие формы занятости.

Еще один вопрос, требующий изучения, – зависимость распределения времени родителей не только от числа детей, но и от возраста (младшего) ребенка. В перспективе в наших исследованиях мы планируем проанализировать, как распределяется время между родителями в зависимости от возраста детей (в нашей базе данных для многодетных семей это пока невозможно сделать по причине небольшой выборки многодетных супружеских пар). По мере взросления детей объем временных затрат обоих родителей снижается, а денежные расходы на повзрослевших детей увеличиваются [19]. Как следствие, в зависимости от стадии взросления ребенка, модели распределения родительского времени изменяются. Правда, при этом неравенство между мужчинами и женщинами все еще сохраняется [21]. Изучение кластеров в распределении времени между супругами с детьми разного возраста в разных типах семей в России представляется нам перспективным, поскольку, опираясь на наше исследование, мы можем сделать вывод о существовании эгалитарного распределения времени даже в многодетных семьях, более склонных к традиционному распределению времени между супругами. А доказательство того, что эгалитарный тип распределения времени сочетается с более высоким уровнем благополучия в таких домохозяйствах для разных типов семей, будет служить обоснованием для разработки политики, содействующей более благоприятному балансу времени, затрачиваемого родителями на семью и работу.

Приложения

Приложение 1. Корреляционная матрица рассматриваемых переменных

Источник: составлено авторами.

Приложение 2. Описание кластеров

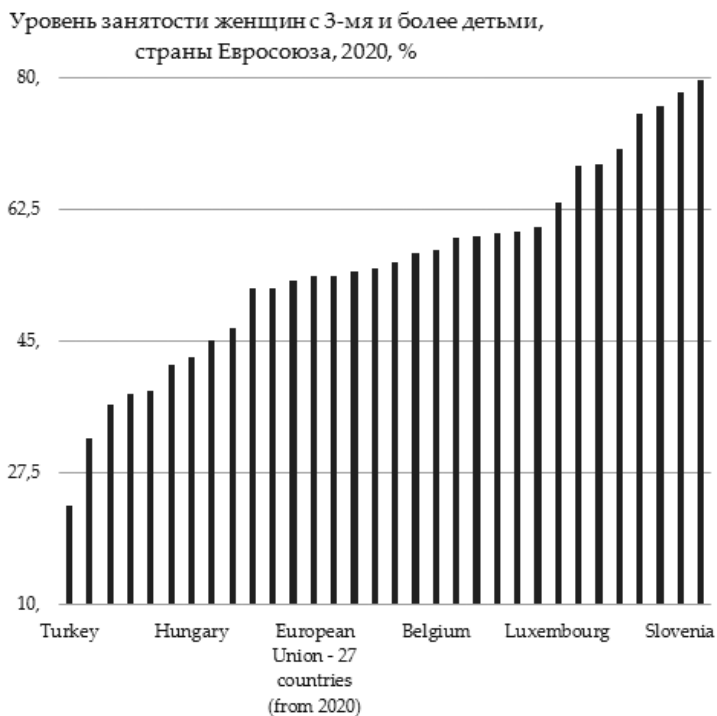
Номер кластера / Средние значения переменных, размерность	1	2	3
Пол (male), %	0,03	0,95	0,58
Время на ведение домашнего хозяйства (HomeTime), часов в неделю	24,85	10,28	12,90
Время на оплачиваемую работу (WorkTime), часов в неделю	37,19	42,76	40,67
Время на уход за детьми (ChildTime), часов в неделю	36,28	15,79	26,55
Возраст (Age), лет	36,30	37,75	38,45
Состоит в браке (Marriage), %	0,72	0,99	0,93
Проживает в городе (City), %	0,42	0,49	0,81
Образование (Educ), средний ранг	4,73	4,94	3,62
Состояние здоровья (Health), средний ранг	2,32	2,28	2,23
Ежемесячный доход на члена домохозяйства (Income), руб.	8 667	8 386	14 084
Количество детей (Children), человек	3,20	3,22	3,13
Площадь дома (Sq_house), кв. м	70,40	73,41	72,69
Есть посудомоечная машина (Dishwasher), %	0,05	0,07	0,37
Есть автомобиль (Avto), %	0,59	0,79	0,86
Пользуется доставкой продуктов (Dil_food), %	0,02	0,03	0,63
Пользуется доставкой одежды (Dil_clothes), %	0,05	0,04	0,87
Пользуется доставкой техники (Dil_tech), %	0,11	0,10	0,63
Размер кластера	352	353	165

Примечание: При интерпретации бинарных переменных используется следующая логика: если значение больше 0,7, то для типичного представителя кластера значение данной переменной трактуется как 1, а если меньше 0,4, то как 0 (например, если значение бинарной переменной «пол (Male)» 0,03, т. е. доля мужчин в этом кластере 3%, то мы считаем, что типичный представитель кластера – женщина).

Источник: составлено авторами.

Приложение 3. Занятость женщин с тремя и более детьми

В России, по данным Обследования рабочей силы Росстата, в 2021 г. уровень занятости женщин в возрасте 20–49 лет, имеющих трех и более детей в возрасте до 18 лет, составил 59,7%. В европейских странах уровень занятости женщин в возрасте 18–64 года с тремя и более детьми варьирует от 23% в Турции до 80% в Дании. В среднем по Евросоюзу – 53,7%, в 9 странах из 31 – ниже 50%, в 9 странах – выше 60% (см. рис.).

Источник: Евростат. online data code: LFST_HHEREDCH.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Sainsbury D., Morissens A.* Poverty in Europe in the mid-1990s: the effectiveness of means-tested benefits // *Journal of European Social Policy*. 2002. No. 12(4). Pp. 307–327.
2. *Fox L., et al.* Trends in Deep Poverty from 1968 to 2011: The Influence of Family Structure, Employment Patterns, and the Safety Net // *The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences*. 2015. No. 1(1). Pp. 14–34.
3. *Townsend P.* The Meaning of Poverty // *The British Journal of Sociology*. 1962. Vol. 13. No. 3. Pp. 210–27.
4. *O'Connell R., Owen C., Padley M., Simon A., Brannen J.* Which Types of Family are at Risk of Food Poverty in the UK? A Relative Deprivation Approach // *Social Policy and Society*. 2019. No. 18(1). Pp. 1–18.
5. *Баскакова М.Е., Соболева И.В., Токсанбаева М.С.* Бедность среди семей с детьми в Москве: зоны уязвимости и приоритеты городской социальной политики» // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2013. № 2(18). С. 164–171.
6. *Гришина Е.Е.* Депривационный подход к оценке бедности семей с детьми в России и странах Европы // *Финансовый журнал*. 2017. № 4 (38). С. 47–55.
7. *Iacovou M.* Family composition and children's educational outcomes//*ISER Working Paper Series, Institute for Social and Economic Research*. 2001. No. 2001-12.
8. *Hanushek E.A.* The Trade-off between Child Quantity and Quality//*Journal of Political Economy*. 1992. Vol. 100. No. 1. Pp. 84–117.
9. *Суменко Л.В., Саенко Л.А., Бобрышов С.В.* Особенности распределения семейных обязанностей и семейных ролей в современных многодетных семьях // *Kant*. 2016. № 2 (19).
10. *Ponczek V., Souza A.* New Evidence of the Causal Effect of Family Size on Child Quality in a Developing Country // *The Journal of Human Resources*. 2012. Vol. 47. No. 1. Pp. 64–106.
11. *Del Boca D., Flinn C., Wiswall M.* Household Choices and Child Development // *Review of Economic Studies*. 2014. Vol. 81. No. 1. Pp. 137–185.
12. *Щербина Н.* Как рождение ребенка меняет поведение родителей на рынке труда // *Дискуссионный материал DP/20/01, Исследовательский центр ИПМ*, 2020.
13. *Голева М.А.* Социальное значение времени в семье с детьми (на примере многодетных семей) // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. № 3 (151). С. 239–260.
14. *Калабихина И.Е., Шамсутдинова В.Ш.* Дважды бедные: кто испытывает дефицит времени и дефицит денег // *Журнал исследований социальной политики*. (В печати). 2022.
15. *Angrist J.D., Evans W.N.* Children and Their Parents' Labor Supply: Evidence from Exogenous Variation in Family Size // *The American Economic Review*. 1998. Vol. 88. No. 3. Pp. 450–77.
16. *Rapoport B., Bourdais C.* Parental Time and Working Schedules // *Journal of Population Economics*. 2008. Vol. 21. No. 4. Pp. 903–32.
17. *Rodriguez M.Z. et al.* Clustering algorithms: A comparative approach // *PloS one*. 2019. Vol. 14. No. 1. С. e0210236.
18. *Hertog E., Muzhi Z.* Japanese Adolescents' Time Use: The Role of Household Income and Parental Education // *Demographic Research*. 2021. Vol. 44. Pp. 225–238.

19. *Mogstad M., Wiswall M.* Testing the quantity–quality model of fertility: Estimation using unrestricted family size models // *Quantitative Economics*. 2016. Vol. 7. No. 1. Pp. 157–192.
20. *Bradshaw J., Rense N.* Poverty and the family in Europe // *Research Handbook on the Sociology of the Family*, 2021.
21. *Drago R.* The Parenting of Infants: A Time-Use Study // *Monthly Labor Review*. 2009. Pp. 33–43.

REFERENCES

1. *Sainsbury D., Morissens A.* Poverty in Europe in the mid-1990s: the effectiveness of means-tested benefits // *Journal of European Social Policy*. 2002. No. 12(4). Pp. 307–327.
2. *Fox L., et al.* Trends in Deep Poverty from 1968 to 2011: The Influence of Family Structure, Employment Patterns, and the Safety Net // *The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences*. 2015. No. 1(1). Pp. 14–34.
3. *Townsend P.* The Meaning of Poverty // *The British Journal of Sociology*. 1962. Vol. 13. No. 3. Pp. 210–27.
4. *O’Connell R., Owen C., Padley M., Simon A., Brannen J.* Which Types of Family are at Risk of Food Poverty in the UK? A Relative Deprivation Approach // *Social Policy and Society*. 2019. No. 18(1). Pp. 1–18.
5. *Baskakova M.E., Soboleva I.V., Toksanbaeva M.S.* Poverty among Moscow families with children: vulnerable zones and priorities of city’s social policy // *Journal of the New economic association*. 2013. No. 2(18). Pp. 164–171. (In Russ.).
6. *Grishina E.E.* The Material Deprivation Rate for Households with Children in Russia and European Countries // *Financial Journal*. 2017. No. 4 (38). Pp. 47–55. (In Russ.).
7. *Iacovou M.* Family composition and children’s educational outcomes // *ISER Working Paper Series*, Institute for Social and Economic Research. 2001. No. 2001-12.
8. *Hanushek E.A.* The Trade-off between Child Quantity and Quality // *Journal of Political Economy*. 1992. Vol. 100. No. 1. Pp. 84–117. (In Russ.).
9. *Sumenko L.V., Saenko L.A., Bobryshov S.V.* The distribution of family responsibilities and family roles in modern families with many children // *Kant*. 2016. No. 2 (19).
10. *Ponczek V., Souza A.* New Evidence of the Causal Effect of Family Size on Child Quality in a Developing Country // *The Journal of Human Resources*. 2012. Vol. 47. No. 1. Pp. 64–106.
11. *Del Boca D., Flinn C., Wiswall M.* Household Choices and Child Development // *Review of Economic Studies*. 2014. Vol. 81. No. 1. Pp. 137–185. (In Russ.).
12. *Shcherbina N.* How the birth of a child changes the behavior of parents in the labor market // *Discussion material DP/20/01*, IPM Research Center, 2020. (In Russ.).
13. *Goleva M.A.* Social Meaning of Time in a Family with Children (a Case Study of Large Families) // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019. No. 3(151). Pp. 239–260. (In Russ.).
14. *Kalabikhina I.E., Shamsutdinova V.Sh.* Twice Poor: Who is in Time and Money Shortage // *Journal of Social Policy Studies*, 2022. (In print) (In Russ.).
15. *Angrist J.D., Evans W.N.* Children and Their Parents’ Labor Supply: Evidence from Exogenous Variation in Family Size // *The American Economic Review*. 1998. Vol. 88. No. 3. Pp. 450–477.
16. *Rapoport B., Bourdais C.* Parental Time and Working Schedules // *Journal of Population Economics*. 2008. Vol. 21. No. 4. Pp. 903–932.

17. *Rodriguez M.Z. et al.* Clustering algorithms: A comparative approach // *PloS one*. 2019. Vol. 14. No. 1. С. e0210236.
18. *Hertog E., Muzhi Z.* Japanese Adolescents' Time Use: The Role of Household Income and Parental Education // *Demographic Research*. 2021. Vol. 44. Pp. 225–38.
19. *Mogstad M., Wiswall M.* Testing the quantity–quality model of fertility: Estimation using unrestricted family size models // *Quantitative Economics*. 2016. Vol. 7. No. 1. Pp. 157–192.
20. *Bradshaw J., Rense N.* Poverty and the family in Europe // *Research Handbook on the Sociology of the Family*, 2021.
21. *Drago R.* The Parenting of Infants: A Time-Use Study // *Monthly Labor Review*. 2009. Pp. 33–43.

Дата поступления рукописи: 06.09.2022 г.

ABOUT THE AUTHORS

Kalabikhina Irina Evgenievna – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of Population of the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
ikalabikhina@yandex.ru

Bashkirova Ksenia Yurievna – graduate student of the Economics Faculty of the M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Borisenko Yana Aleksandrovna – graduate student, laboratory assistant at the Department of Population of the Economics Faculty of the M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

DOES GENDER EQUALITY HELP IN THE WELL-BEING OF LARGE FAMILIES?

Families with three and more children are a vulnerable group in terms of the risk of poverty and lack of time. The aim of the study is to typify Russian large families with an emphasis on the type of time distribution between spouses. The main hypothesis is that an egalitarian time distribution in a household with greater gender equality is associated with higher incomes per person than with the traditional one. For the first time the profiles of large families of the traditional and egalitarian type in terms of the gendered time distribution are shown on Russian microdata. We distinguished two main types of families using cluster analysis. Two-thirds of couples with many children are characterized by a patriarchal type of relationship with traditional gender division of labor. One fifth of families have the characteristics of an egalitarian type of relationship without gender division of labor in household. The level of income per person in egalitarian families is higher than in traditional families, even with slightly more time spent on childcare.

Keywords: *time use, time distribution, families with 3 and more children, gender division of labor, Russian household.*

JEL: J16, J20, J12.

ФИНАНСЫ

Т.Н. ПОЛЯКОВА

кандидат экономических наук,
доцент ФГАОУ ВО «Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского»

РОССИЙСКИЙ РЫНОК БИРЖЕВЫХ ОБЛИГАЦИЙ: АНАЛИЗ РАЗМЕЩЕНИЯ

В статье анализируется практика размещения биржевых облигаций российскими компаниями. В исследовании приводится оценка объемов и сроков заимствования, а также состава эмитентов, масштаба их деятельности, отраслевой и региональной принадлежности. Как показывает анализ, несмотря на неблагоприятные внешние условия, за временным падением рынка следует его восстановление. Сделан вывод, что проводимые экономические реформы содействуют развитию российского рынка биржевых облигаций.

Ключевые слова: биржевые облигации, размещение облигаций, эмитенты, Московская биржа, российская экономика, санкции.

JEL: G10, G14.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_5_97_118.

Введение

На сегодняшний день облигации стали востребованным инструментом привлечения средств для компаний на российском фондовом рынке. Регистрируемые через Московскую биржу биржевые облигации занимают заметное место среди публичных обязательств российских компаний [1; 2], и это неслучайно. К основным факторам можно отнести следующие. Для эмитентов и инвесторов просматривается ряд преимуществ биржевых облигаций. Через биржу упрощаются облигационные заимствования. Биржа при выборе эмитента устанавливает определенные требования относительно надежности компании. За некоторым исключением биржевые облигации размещаются по открытой подписке неограниченному кругу инвесторов.

В последние годы складывается неблагоприятный внешний фон для российской экономики. Нарастающий поток западных санкций

с середины 2014 г. и его безудержность в 2022 г. ставит целью развалить экономическую ситуацию внутри России. Пандемия коронавируса спровоцировала кризис мировой экономической кооперации, оказала влияние на экономику России. Погружение в кризис не всегда означает трагический исход. Экономика России отстраивается: активизируются внутренние источники, оцениваются новые возможности.

Состояние экономики одновременно оказывает воздействие и на финансовые рынки в целом, и на долговой рынок в частности. Исследование рынка биржевых облигаций в условиях, когда экономика испытывает внешние вызовы и угрозы, представляется весьма актуальным.

Характеристика биржевых облигаций без особых условий выпуска

В исследуемую группу облигационных выпусков компаний включены размещаемые на Московской бирже биржевые облигации (со сроком обращения от одного года) без особых условий выпуска, подходящие под параметры, указанные в табл. 1.

Таблица 1

Параметры биржевых облигаций без особых условий выпуска

Показатель	Параметры
Способ размещения	Открытая подписка
Валюта номинала и купона	Рубль
Бумаги для квалифицированных инвесторов	Нет
Тип купона	Постоянный; переменный; плавающий
Структурированность	Неструктурные
Субординированность	Несубординированные
Амортизируемость	Неамортизируемые
Конвертация	Неконвертируемые
Индексируемость	Неиндексируемые
Вид обеспечения	Необеспеченные

Источник: составлено автором.

Особые условия выпуска биржевых облигаций вносят ограничения на обращение бумаг.

Инвестиции неквалифицированных инвесторов в облигации с особыми условиями выпуска (структурные; субординированные; амортизируемые; конвертируемые) связаны с определенными рисками. Отдельные виды облигаций (структурные; субординированные) эми-

тируют только финансовые институты. Выпуск индексируемых облигаций не является характерным случаем для компаний. Выпуск облигаций в валюте представляет такой же риск, как и для инвестора.

Основной класс облигаций на рынке – это купонные облигации. При этом размер купона известен до конца срока погашения облигации или определен на купонные периоды. Выбор облигации по типу купона обусловлен стратегией инвестора и ожиданиями эмитента в отношении положительного экономического эффекта от использования ставки купона.

Необеспеченные облигации выпускаются без предоставления обеспечения. Обслуживание долга обеспечивается активами, денежными потоками, инвестиционными проектами эмитента.

Биржевые облигации без особых условий выпуска являются удобным и выгодным рыночным инструментом для компаний-эмитентов и инвесторов. Статистика размещения подтверждает данный вывод. В корпоративном секторе Московской биржи объем размещения биржевых облигаций без особых условий выпуска (срок обращения от одного года) с 2015 по 2021 г. составил 10,9 трлн руб.

Объемы размещения

С учетом объемов и сроков размещения и погашения облигаций можно зафиксировать в каждый момент времени сложившийся размер заимствования. На конец 2021 г. в обращении находилось 760 выпусков биржевых облигаций без особых условий выпуска (срок обращения от одного года) от 189 компаний-эмитентов; их объем превысил 8,88 трлн руб., что составило 6,78% ВВП. В структуре обращения наибольшая доля приходилась на размещение с 2015 по 2021 г. – 712 выпусков от 183 эмитентов – 8,35 трлн руб. (см. табл. 2).

В период с 2015 по 2021 г. ежегодное размещение исследуемых видов облигаций превысило 1,0 трлн руб. В результате обороты первичного рынка существенно увеличивали капитализацию текущего обращения.

С началом специальной военной операции на Донбассе усилилась негативная внешнеполитическая повестка западных стран в отношении России, ужесточилось санкционное давление на национальную экономику. Российское руководство делает решительные шаги, реагируя на внешние угрозы. В частности, резкий подъем ключевой ставки с 9,5 до 20% с 28.02.2022 г. позволил поддержать финансовую и ценовую стабильность.

В период роста ставок замедляется активность на первичном рынке облигаций. Эмитенты проявляют осторожность. Инвесторы ищут пути альтернативного вложения средств. Облигационный рынок с обеих сторон воспринимается как рискованный.

Объем биржевых облигаций без особых условий выпуска в обращении на конец 2021 г.

Показатели	До 2015		2015–2021		Итого	
	А*	В	А	В	А	В
Банковский сектор	20 (11)	160	174 (27)	1720	194 (30)	1880
Финансовый сектор	6 (4)	9	163 (30)	1284	169 (30)	1294
Нефть и газ	17 (3)	340	65 (10)	3213	82 (10)	3553
Электроэнергетика	0 (0)	0	37 (13)	222	37 (13)	222
Металлы и добыча	1 (1)	1	27 (9)	228	28 (10)	229
Машиностроение	2 (2)	10	24 (14)	84	26 (15)	94
Транспорт	0 (0)	0	41 (7)	500	41 (7)	500
Химия и минеральные удобрения	0 (0)	0	14 (5)	123	14 (5)	123
Строительство и недвижимость	0 (0)	0	38 (20)	221	38 (20)	221
Телекоммуникации и связь	1 (1)	10	52 (9)	472	53 (9)	482
Потребительский сектор	0 (0)	0	28 (11)	147	28 (11)	147
Прочие	1 (1)	2	49 (28)	138	50 (29)	140
Итого	48 (23)	532	712 (183)	8353	760 (189)	8885

*А – количество выпусков (эмитентов); В – облигационный объем, млрд руб.

Источник: рассчитано и составлено автором по: ПАО «Московская биржа». <https://www.moex.com>.

Наблюдаемое снижение объемов размещения биржевых облигаций без особых условий выпуска в 2021 г. получило продолжение в 2022 г. В первые два месяца текущего года объем размещения от 7 эмитентов составил 57 млрд руб. В марте и апреле не зафиксировано ни одного размещения на рассматриваемом рынке. Последовательное снижение ключевой ставки с 20 до 9,5% определило умеренный рост рынка – во втором квартале размещено 17 выпусков от 10 эмитентов на 153 млрд рублей (см. табл. 3).

Российский рынок переживает нелегкие времена на фоне ужесточения экономических санкций. Испытания на воздействие внешних факторов рынок проходил и в предыдущие годы, но, однако, он восстанавливался.

Первые санкции США и ЕС в отношении России введены в 2014 г. Падение рынка преодолено в 2015 г., по итогам 2017 г. обороты первичного рынка выросли вдвое. После 2014 г. санкции только расши-

рялись. Новый скачок геополитического противостояния произошел в 2018 г., рынок отреагировал резким снижением. Далее наблюдался рост рынка и его восстановление в 2020 г. до уровней, аналогичных 2017 г. Более сдержанно рынок отреагировал на эскалацию геополитической напряженности в 2021 г.

Таблица 3

Объем размещения биржевых облигаций без особых условий выпуска в 2022 г. (срок обращения облигаций от одного года)

Показатели	1 кв. 2022 г.		2 кв. 2022 г.		Итого	
	А*	В	А	В	А	В
Банковский сектор	2 (2)	5	2 (1)	7	4 (2)	12
Финансовый сектор	2 (2)	18	1 (1)	9	3 (2)	27
Нефть и газ	0 (0)	0	1 (1)	10	1 (1)	10
Машиностроение	0 (0)	0	1 (1)	4	1 (1)	4
Транспорт	0 (0)	0	2 (1)	25	2 (1)	25
Строительство и недвижимость	2 (2)	25	1 (1)	10	3 (3)	35
Телекоммуникации и связь	0 (0)	0	8 (3)	80	8 (3)	80
Лесопромышленная отрасль	1 (1)	9	1 (1)	8	2 (1)	17
Итого	7 (7)	57	17 (10)	153	24 (14)	210

*А – количество выпусков (эмитентов); В – облигационный объем, млрд руб.

Источник: рассчитано и составлено автором по: ПАО «Московская биржа». <https://www.moex.com>.

Таким образом, исторические примеры на рубеже 2015–2021 гг. свидетельствуют, что негативные внешние события провоцируют временное падение рынка, за которым следует его восстановление.

Экономика России противостоит внешним вызовам и угрозам. Кризис на фоне пандемии коронавируса не приобрел системного характера в силу принятия своевременных антикризисных мер в области здравоохранения, в экономике в целом и в сфере нефтедобычи, в том числе. Последствия пандемии не идут в сравнение с политикой регулярного ввода санкций в отношении России, направленных на возникновение фундаментальных негативных последствий для всей российской экономики.

Страна поступательно решает появляющиеся экономические проблемы, стремясь не допустить их одновременного и кумулятивного воздействия [3, с. 151]. С другой стороны, негативная внешняя среда способна сформировать и обратный эффект.

Так, ограничения присутствия российских компаний на международном финансовом рынке привели к переориентации долгового финансирования на внутренний финансовый рынок [4, с. 167]. В усло-

виях пандемии коронавируса, на фоне падения формируемых денежных потоков и рекордно низких ставок, рынок рос за счет потребности компаний в ликвидности¹.

Кроме того, начиная с 2016–2017 гг. происходит перераспределение денежных сбережений граждан в пользу инструментов фондового рынка [5, с. 68]. В пандемийный 2020 г. ускорилась тенденция к переходу в альтернативные традиционным банковским депозитам финансовые инструменты². Массовый приход розничных инвесторов на рынок обусловлен стимулирующими налоговыми льготами, мерами монетарной политики, развитием телекоммуникационных и финансовых технологий.

Таким образом, рынок осваивает новые экономические реалии: достигается финансовый суверенитет, формируется ликвидность рынка и спрос на заемные средства.

Ликвидность рынка можно оценить по количеству новых эмитентов. С начала 2016 г. на рынок биржевых облигаций вышло более 160 новых (относительно 2015 г.) компаний. Максимальное количество новых эмитентов фиксируется в 2019 г. В то же время, даже в годы наибольшего объема размещения, не отмечается существенного увеличения количества эмитентов.

Часть эмитентов выпускает новые облигации, чтобы мобилизовать средства для погашения обращающихся выпусков. Так, при размещении новых выпусков с 2015 по 2021 г. у 43 компаний наблюдается временной разрыв между датой начала размещения и погашения обращающихся активов в пределах трех месяцев. Из них 50% приходится на некредитные финансовые организации. Вместе с тем привлечение средств, поддерживающее текущий объем облигаций в обращении, формирует кредитную историю компании.

Выпуск облигаций может быть разовым, если решается однократная потребность в финансировании. Для эмитентов, имеющих потребность в регулярном финансировании и планы по размещению облигаций в течение нескольких лет, становится актуальной регистрация программ биржевых облигаций: сначала регистрируется общий объем потенциального выпуска, затем размещаются отдельные транши [4, с. 168]. За счет эмиссии облигаций в рамках программ достигается высокий эффект привлечения долгового финансирования

¹ Российский рынок корпоративных облигаций: преодолеть нестабильность. <https://www.raexpert.ru/docbank/804/304/9a1/b6c6cf48add84b022b4906e.pdf>.

² Морозов А., Азарина В., Ахметов А., Гамова Н., Камальдинова Т., Кузьмина Т., Петренева Е., Поршаков А., Чернядьев Д. Обзор российского финансового сектора и финансовых инструментов. Банк России. http://www.cbr.ru/collection/collection/file/32168/overview_2020.pdf.

[6, с. 78]. Эмитент имеет возможность «конструировать» отдельные выпуски с нужными параметрами, соответствующими своим текущим потребностям и запросам инвестора³. Так, в 2021 г. выпуски облигаций 64 из 74 компаний проходят в рамках зарегистрированных программ биржевых облигаций. Для сравнения: в 2015 г. только 12 эмитентов из 69 воспользовались возможностью регистрации программ биржевых облигаций.

Сроки обращения

Статистика размещения с 2015 по 2021 г. показывает, что рынок биржевых облигаций без особых условий выпуска поддерживает высокий уровень средне- и долгосрочного заимствования (срок обращения облигаций от 3 лет) – 75% от общего объема размещения, что говорит об инвестиционной привлекательности данных инструментов.

Рекордные объемы долгосрочного заимствования (срок обращения облигаций от 7 лет) фиксируются в 2017 и 2020 г. (периоды пикового роста рынка).

Объемы займов на длительный срок принимают максимальные значения в 2017 г. (1,4 трлн руб.). Резкое снижение инфляции и последующее смягчение денежно-кредитной политики, а также ввод налоговых льгот для частных инвесторов и повышение требований Банка России к минимальному уровню кредитного рейтинга выпуска (эмитента) ряда категорий облигаций – это основные события, которые дали импульс развитию рынка рублевых облигаций в 2017 г.⁴

Низкие процентные ставки и высокий уровень спроса позволили компаниям удлинить сроки заимствования в 2020 г. Объем размещения долгосрочных облигаций составил 1,2 трлн руб.

В 2021 г. на фоне всплеска инфляционных рисков ужесточается денежно-кредитная политика государства. Рост ключевой ставки Банка России сопровождается увеличением ставок доходностей на облигационном рынке. В этот период нестабильных процентных ставок эмитенты резко снизили активность на долгосрочном облигационном рынке⁵. Рынок практически вернулся к показателям 2015 г. (0,2 трлн руб.).

³ Программа биржевых облигаций (ПБО). <https://bondguide.moex.com/terms/85>.

⁴ БК Регион: Рынок рублевых облигаций: заоблачный спрос 2017 года. <https://bonds.finam.ru/news/item/bk-region-rynok-rublevykh-obligaciy-zaoblachnyiy-spros-2017-goda>.

⁵ Российский рынок корпоративных облигаций: преодолеть нестабильность. <https://www.raexpert.ru/docbank/804/304/9a1/b6c6cf48add84b022b4906e.pdf>.

В первой половине 2022 г. заимствования от 7 лет в стоимостном выражении значительно уступают показателям предыдущих лет и реализуются в моменты снижения ключевой ставки.

Как видно, динамика рынка «длинных» облигаций определяется условиями рыночной конъюнктуры. Рынок растет на избыточной ликвидности и низких уровнях доходности и, как следствие, становится для предприятий источником инвестиционных ресурсов. Размещения на длительный срок откладываются в случае неустойчивой ситуации на рынке.

Активными заемщиками на рынке краткосрочных обязательств (срок обращения от 1 года до 3 лет) являются кредитные организации – 50% от общего объема заимствования в 2015–2021 гг. Выпуск краткосрочных облигаций позволяет банкам достигать цели – пополнения ликвидности, что соответствует профилю их деятельности (в отличие от компаний реального сектора, которые имеют потребности в долгосрочном финансировании).

Отраслевая структура размещения

Согласно данным по отраслевой активности, на рынке можно выделить несколько периодов в его развитии (см. табл. 4).

В 2015–2017 гг. активный рост объема рынка происходил в первую очередь за счет компаний нефтегазового сектора. В этот период объемы заимствования компаний кредитно-финансовой сферы постепенно стабилизировались, облигационные займы становились все более привлекательными для представителей других отраслей.

В 2018 г. заметное ослабление позиций нефтяников, газовиков, энергетиков (с учетом их крупных займов в 2015–2017 гг.) привело к значительному, практически двукратному (на 49%) сокращению рынка. Лидеры рынка уступили первенство банкам. Кроме того, усилили свое присутствие на рынке транспортные компании, представители химической отрасли.

В 2019–2020 гг. активность рынка заметно повысилась. Суммы займов компаний топливно-энергетического комплекса превысили размеры обязательств кредитно-финансовых организаций. Масштабы заимствования компаний связи и телекоммуникаций стали сравнимы с отраслевыми объемами размещения в предыдущие годы. За ресурсы рынка начали конкурировать металлурги и ритейлеры. В этот период наблюдался также возрастающий интерес представителей других отраслей к размещению бумаг.

Снижение объемов размещения в 2021 г. обусловлено резким ростом процентных ставок и закономерным последующим сниже-

Таблица 4

Объем размещения и отраслевая структура биржевых облигаций без особых условий выпуска в 2015–2021 гг. (срок обращения облигаций от одного года)

Показатели	2015–2021		2015		2016		2017		
	A*	B	%B	A	B	A	B	A	B
Банковский сектор	320(42)	2720	25,0	58(24)	250	31(9+6*)	180	35(10+4*)	276
Финансовый сектор	218(43)	1555	14,3	34(14)	146	24(8+5*)	131	27(6+6*)	233
Нефть и газ	84(10)	3770	34,6	12(3)	425	21(3+1*)	849	19(4+0*)	1233
Электроэнергетика	70(17)	440	4,0	23(11)	118	12(7+2*)	94	6(4+0*)	51
Металлы и добыча	34(10)	283	2,6	3(2)	20	6(1+3*)	45	5(2+0*)	35
Машиностроение	39(16)	144	1,3	6(4)	20	6(2+1*)	32	6(2+3*)	25
Транспорт	44(7)	539	5,0	3(1)	50	3(1+0*)	45	8(1+2*)	86
Химия и минеральные удобрения	18(5)	158	1,4	2(1)	10	1(1+0*)	5	2(1+1*)	20
Строительство и недвижимость	67(24)	318	2,9	3(1)	15	9(1+4*)	44	11(3+4*)	58
Телекоммуникации и связь	63(10)	572	5,2	3(2)	40	9(1+5*)	67	11(5+0*)	98
Потребительский сектор	44(14)	248	2,3	7(4)	42	4(1+1*)	30	2(1+1*)	8
Прочие	67(35)	154	1,4	2(2)	7	0(0+0*)	0	3(0+2*)	6
Итого	1068 (233)	10900	100	156 (69)	1143	126 (35+28*)	1522	135 (39+23*)	2129

Окончание табл. 4

Показатели	2018		2019		2020		2021	
	А	В	А	В	А	В	А	В
Банковский сектор	33(9+2*)	409	58(13+3*)	546	44(14+2*)	426	61(15+1*)	633
Финансовый сектор	30(9+8*)	182	36(13+5*)	245	30(13+2*)	242	37(10+3*)	376
Нефть и газ	8(3+2*)	165	12(4+1*)	205	7(3+1*)	859	5(1+2*)	34
Электроэнергетика	4(3+1*)	21	11(4+3*)	48	13(8+0*)	98	1(1+0*)	10
Металлы и добыча	1(0+1*)	5	7(1+4*)	88	10(3+0*)	70	2(1+0*)	20
Машиностроение	1(1+0*)	5	9(2+5*)	20	6(5+0*)	17	5(2+3*)	26
Транспорт	11(3+0*)	114	9(2+1*)	120	4(1+1*)	40	6(2+2*)	85
Химия и минеральные удобрения	3(1+1*)	40	3(1+1*)	10	4(2+1*)	45	3(3+0*)	28
Строительство и недвижимость	15(7+5*)	68	10(5+2*)	36	7(3+4*)	29	12(6+4*)	67
Телекоммуникации и связь	6(4+0*)	60	16(4+0*)	153	13(4+1*)	115	5(2+2*)	40
Потребительский сектор	4(1+3*)	1	12(4+2*)	82	8(6+0*)	58	7(3+3*)	26
Прочие	12(3+6*)	17	24(5+13*)	50	17(3+9*)	52	9(5+3*)	22
Итого	128 (43+29*)	1086	207 (58+40*)	1602	163 (65+21*)	2052	153 (51+23*)	1367

А – количество выпусков (эмитентов); В – облигационный объем, млрд руб. (%); * – количество новых (относительно 2015 г.) эмитентов.
 Источник: рассчитано и составлено автором по: ПАО «Московская биржа». <https://www.moex.com>.

нием активности эмитентов, особенно реального сектора⁶. 70% от совокупного объема размещения пришлось на долю заимствования компаний кредитно-финансовой сферы.

Статистика размещения в 2015–2021 гг. свидетельствует о том, что российский рынок биржевых облигаций является высококонцентрированным. Отраслевое распределение на рынке облигаций в целом отражает место отраслей в экономике страны.

Отрасль нефти и газа имеет стратегическое значение для страны. Из суммарного объема облигационного размещения 34,6% приходится на нефтегазовую отрасль. Высокие долговые обязательства нефтегазовой отрасли традиционно связаны с высокой инвестиционной деятельностью.

Государство имеет весомую долю в финансовом секторе экономики. Ощутимые объемы заимствования показывают банковский сектор (25,0%) и некредитные финансовые институты (14,3%). Банковский сектор использует облигационные займы для своей основной деятельности – кредитования компаний и физических лиц. На долговом рынке широко представлены финансовые компании, испытывающие потребности в привлечении ресурсов, – инвестиционные, лизинговые.

Для экономики страны системно значимыми являются компании транспортной, электроэнергетической и строительной отраслей. Однако доли их участия в накопленном объеме размещения незначительны и составляют для транспорта – 5%, электроэнергетики – 4%, строительства – 2,9%.

Структурные диспропорции в национальной экономике оказывают сдерживающее воздействие на реализацию ее внутреннего экономического потенциала [7, с. 106]. В настоящее время в России динамично развивается сектор телекоммуникаций и связи. Как следствие, на рынке облигаций компании данного сектора начинают играть заметную роль.

В 2022 г. оттесняется на второй план облигационное предложение со стороны экспортно-сырьевых компаний и кредитно-финансовых организаций. Обнаруживается их серьезная уязвимость перед внешними угрозами. Санкции ограничивают свободное движение экспортных товаров и участие представителей финансовой сферы в мировом рынке капитала. Компании сырьевого сектора перестраивают потоки своей продукции на новые рынки⁷. Финансовая сфера в своей работе большее внимание уделяет решению задач внутренней экономики⁸.

⁶ Регион Группа компаний. Долговой рынок. Специальный обзор. <https://region.ru/upload/iblock/771/7713c2ffcade56b224f0f63f8ce8d587.pdf>.

⁷ Санкции-2022. Первые итоги: российский сырьевой сектор. <https://journal.openbroker.ru/analitika/sankcii-2022-pervye-itogi-rossijskij-syrevoy-sektor>.

⁸ Набиуллина заявила о необходимости структурной перестройки экономики. https://1prime.ru/state_regulation/20220421/836719801.html.

В текущем году стремительно развивается ситуация по преодолению экономических последствий санкций. Планируются и реализуются меры государственной поддержки по инфраструктурным сферам деятельности, в частности, строительства, телекоммуникаций, информационных технологий.

Рынок облигаций в 2022 г. становится источником финансирования развития ряда крупных компаний, ориентированных на внутренний рынок и технологии, – АО «Почта России», ПАО «Ростелеком», ПАО «МТС», ГК «Автодор», ОАО «РЖД», ГК «Инград». Деятельность национального почтового оператора АО «Почта России» нацелена на всестороннюю трансформацию в современную цифровую компанию⁹. ПАО «Ростелеком» делает акцент на развитии собственных высокотехнологичных направлений бизнеса¹⁰. ПАО «МТС» успешно продвигает дополнительные услуги среди абонентов. Деятельность ГК «Автодор» направлена на развитие национальной сети автомобильных дорог. ОАО «РЖД» выполняет задачи национального железнодорожного перевозчика и владельца железнодорожной инфраструктуры общего пользования.

Отрасль жилищного строительства чувствительна к кризису. Драйвером роста строительной отрасли станет дальнейшее снижение ключевой ставки в течение текущего года, что приведет к снижению ипотечных ставок. Ипотечный рынок уже показывает признаки восстановления после спада в апреле 2022 г.¹¹ В мае 2022 г. крупная девелоперская компания «Инград» разместила на бирже облигационный заем на 10,0 млрд руб.

Меры государственной поддержки субъектов хозяйствования и смена лидерства в отраслях экономики могут поменять вектор развития всей экономики России и обеспечить достижение национальных целей.

Крупные эмитенты

Активность крупных компаний-эмитентов и инвестиционная привлекательность их бумаг оказывают значительное влияние на рынок биржевых облигаций.

⁹ Почта России Обзор стратегии развития 2020–2030. <https://www.pochta.ru/documents/10231/6764792782/Стратегия+развития+АО+«Почта+Россия»+2020-2030гг..pdf/84a52d4e-78d1-448a-bdcd-c6b087b420ca>.

¹⁰ Что обещает акционерам новая стратегия и дивидендная политика «Ростелекома». <https://journal.open-broker.ru/radar/novaya-strategiya-rostelecoma>.

¹¹ Обзор строительной отрасли в России 2020–2022: прошлые успехи и новые вызовы. <https://journal.open-broker.ru/analitika/obzor-stroitelnoj-otrasli-v-rossii>.

Займы госкомпании «Роснефть» представляют собой отдельную историю с впечатляющими динамикой и результатами. Объем облигаций НК «Роснефть», находящихся в обращении на конец 2021 г., составляет 30% от общего объема обращающихся активов, а в стоимостном выражении равен 2 666, млрд руб. Лидер нефтяной отрасли своими выпусками заметно изменяет структуру облигационного предложения. Так, размер выпусков компанией в 2017 г. соответствует почти 50% капитализации всего рынка (см. табл. 5).

Таблица 5

Облигации НК «Роснефть» (сроком обращения от одного года)

Период размещения	Объем размещения, млрд руб./ количество выпусков	Доля в размещении, %		Объем в обращении на 31.12.2021 г., млрд руб./ количество выпусков
		отрасли	рынка	
2015	400/ 8	94,1	35,0	0/ 0
2016	650/ 3	76,6	42,7	650/ 3
2017	1051/ 8	85,2	49,4	1051/ 8
2018	70/ 2	42,4	6,4	70/ 2
2019	80/ 4	39,0	5,0	80/ 4
2020	815/ 3	94,9	39,7	815/ 3
Итого	3066/ 28	82,1	32,2	2666/ 20

Источник: рассчитано и составлено автором по: ПАО «Московская биржа». <https://www.moex.com>.

За НК «Роснефть» следуют другие крупные заемщики, хорошо известные рынку государственные компании: ПАО «Сбербанк», ВЭБ.РФ, ОАО «РЖД».

Выпуск облигаций успешно реализуется крупными публичными компаниями [8, с. 56]. Крупные компании отличаются устойчивым финансовым положением, высоким уровнем информационной прозрачности и хорошей кредитной историей [2, с.57]. Их платежеспособность и способность своевременно обслуживать свой долг не вызывает сомнений у других участников финансового рынка¹².

Для крупных заемщиков рынок обеспечивает долгосрочные и крупные суммы заимствования. На долю выпусков от 30 крупных эмитентов приходится 80% от общего объема размещения и 86% от долгосрочного объема размещения (см. табл. 6).

¹² Необеспеченные облигации / необеспеченные обязательства. <https://bondguide.moex.com/terms/63>.

Крупные эмитенты на рынке биржевых облигаций без особых условий выпуска (срок обращения облигаций от одного года)

№	Отрасль экономики/ Эмитент (накопленный объем заимствования с 2015 по 2021 г. от 60 млрд руб.)	В размещении с 2015 по 2021 г.			
		объемы всего, млрд руб.	объемы от 7 лет, млрд руб.	выпуски всего	выпуски от 7 лет
	<i>Нефть и газ</i>	3647	2805	71	33
1	Роснефть*	3066	2666	28	20
2	Транснефть*	286	59	17	3
3	Газпромнефть*	220	30	15	2
4	Башнефть*	75	50	11	8
	<i>Банковский сектор</i>	2272	247	215	28
5	Сбербанк*	781	0	37	0
6	Банк ГПБ	332	78	35	5
7	Банк ВТБ*	316	0	41	0
8	Альфа-Банк	215	45	26	7
9	РСХБ*	195	45	22	4
10	Росбанк	145	45	17	8
11	Банк ФК Открытие	130	2	20	1
12	Промсвязьбанк	94	0	9	0
13	Совкомбанк	65	32	8	3
	<i>Финансовый сектор</i>	1355	682	116	67
14	ВЭБ. РФ*	581	20	33	1
15	Система АФК	240	220	24	22
16	ДОМ.РФ*	205	155	17	12
17	ГТЛК*	144	144	19	19
18	Концерн Россиум	120	120	7	7
19	РЕСО-лизинг	66	24	16	6
	<i>Телекоммуникации и связь</i>	495	135	50	18
20	МТС	185	10	18	1
21	Ростелеком*	135	60	11	5
22	Мегафон	110	0	9	0
23	Почта России*	65	65	12	12
	<i>Транспорт</i>	446	261	30	18
24	РЖД*	446	261	30	18
	<i>Строительство и недви- жимость</i>	149	87	17	6
25	ПИК СЗ	79	22	12	2
26	ГК «Инград»	70	65	5	4

№	Отрасль экономики/ Эмитент (накопленный объем заимствования с 2015 по 2021 г. от 60 млрд руб.)	В размещении с 2015 по 2021 г.			
		объемы всего, млрд руб.	объемы от 7 лет, млрд руб.	выпуски всего	выпуски от 7 лет
	<i>Потребительский сектор</i>	170	0	16	0
27	Магнит	170	0	16	0
	<i>Электроэнергетика</i>	144	81	17	9
28	ФСК ЕЭС*	76	66	8	7
29	Россети Московский регион*	68	15	9	2
	<i>Химия и минеральные удобрения</i>	70	0	4	0
30	Уралкалий	70	0	4	0
	Итого	8747	4298	536	179
	<i>Прочие</i>	2153	700	532	131
	Всего	10900	4998	1068	310

* – государственные компании и компании с государственным участием.

Источник: рассчитано и составлено автором по: ПАО «Московская биржа». <https://www.moex.com>.

В выборку попали компании с накопленным объемом заимствования с 2015 по 2021 г. от 60,0 млрд руб. Половина элементов данной выборки приходится на государственные компании и компании с государственным участием. Список крупных компаний в качестве участников рынков данной выборкой не исчерпывается.

Высокая концентрация эмитентов является проблемой облигационного рынка [9, с. 35]. Преобладание присутствия на рынке крупных компаний означает неравномерность распределения ресурсов, неизбежно влияющей на объем и структуру национального производства.

Эмитенты-субъекты МСП

Из вышесказанного следует, что именно крупные компании определяют ландшафт российского рынка облигаций. Однако рынок из года в год привлекает эмитентов – субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП). Структура финансирования этих предприятий меняется. Банковское кредитование может быть ограничено рядом финансовых и организационных факторов. Размещение корпоративных облигаций обладает рядом преимуществ по сравнению с банковским кредитованием [10, с. 160], дополнительным источником финансирования и рациональным решением при развитии бизнеса, а также шагом к публичности.

В фокусе экономической политики государства находятся программы развития регионов, поддержка быстрорастущих компаний и стимулирование деловой активности предприятий, в том числе субъектов МСП [11, с. 117]. Одним из приоритетных проектов Московской биржи является развитие долгового рынка и повышение его доступности для малого и среднего бизнеса [12, с. 487].

Малые и средние эмитенты учатся работать с публичным долгом и биржей¹³. Анализ участников рынка показывает, что 49 субъектов МСП разместили облигационные выпуски на 57,4 млрд рублей. При этом четверть объема размещения приходится на долгосрочные выпуски от 11 предприятий (см. табл. 7). Конечно, это немного (49 из 233 эмитентов, разместивших облигации), но это весьма многообещающе.

Таблица 7

Показатели рынка биржевых облигаций без особых условий выпуска сегмента МСП (срок обращения облигаций от одного года)

Период размещения	В размещении, всего			В размещении, > 7 лет		
	объем, млрд руб.	количество		объем, млрд руб.	количество	
		выпусков	эмитентов		выпусков	эмитентов
2015	1,1	1	1	0,0	0	0
2016	16,1	7	4	5,0	1	1
2017	7,9	10	7	0,1	1	1
2018	8,3	25	17	2,6	5	2
2019	5,8	29	23	2,1	8	5
2020	6,7	16	14	5,1	3	3
2021	11,4	13	13	0,0	0	0
Итого	57,5	101	49 (17*)	14,9	18	11

* количество субъектов РФ.

Источник: рассчитано и составлено автором по: ПАО «Московская биржа». <https://www.moex.com>.

Представительство на рынке эмитентов данной категории неравномерно в региональном разрезе. Причину этого можно объяснить экономической неоднородностью пространства страны [7, с. 108]. Почти половина эмитентов-субъектов МСП расположены в двух финансовых и демографических центрах – г. Москва и г. Санкт-Петербург. Основные направления их деятельности – финансовая сфера, технологии, строительство и недвижимость.

¹³ Российский рынок корпоративных облигаций: преодолеть нестабильность. <https://www.raexpert.ru/docbank/804/304/9a1/b6c6cf48add84b022b4906e.pdf>.

Хозяйственная деятельность эмитентов нестоличных регионов по большей части относится к отраслям, обеспечивающим развитие региональной экономики. Весомую долю в облигационном предложении занимают предприятия, занятые переработкой и производством пищевой продукции, представляющие Ростовскую, Саратовскую, Пензенскую, Омскую области, Алтайский и Забайкальский края. На рынок выходят строительные компании и предприятия розничной торговли, сосредоточенные в крупных городах, – в Екатеринбурге, Челябинске, Владивостоке, Калининграде.

Ряд компаний машиностроительной отрасли расширяют границы деятельности за пределы региона, например, Завод «КриалЭнергострой» (поставка энергетического оборудования), ООО «Новосибирский завод резки металла» (металлопереработка), НПО «Моторные технологии» (поставка автоматических промывочных установок).

По оценке руководителя ООО «Сибирский комбинат хлебопродуктов» Ильи Баринова, заимствование на бирже – это более честное и стабильное финансирование для развивающихся предприятий¹⁴. Базовые требования для входа на рынок просты: срок существования потенциального эмитента, организационно-правовая форма, генерируемая выручка.

Но, из-за того, что облигации сегмента МСП более чувствительны к экономическим кризисам, а на текущем рынке инвесторы предпочитают высокую доходность, которую субъекты МСП предложить не могут, данные обстоятельства вызывают определенные сложности для МСП при входе на рынок. Влияние на облигационное предложение со стороны субъектов МСП сдерживается также отсутствием или низким уровнем кредитного рейтинга. Низкое кредитное качество эмитентов перекрывает возможности для их выхода на биржевой рынок.

Сохранение доступа предприятий к рынку долгового капитала, кроме того, требует прозрачности информации о себе и ее раскрытия¹⁵.

Действенной мерой по поддержке эмитентов является реализация федеральной программы субсидирования малого и среднего бизнеса при размещении ценных бумаг на бирже. Данная программа продлена до конца 2023 г. При наличии государственной поддержки кредитные рейтинги станут еще доступнее, что повысит прозрачность долгового рынка и доверие инвесторов¹⁶.

¹⁴ Облигации Сибирский комбинат хлебопродуктов форум. <https://smart-lab.ru/bonds/SivKHP>.

¹⁵ Российский рынок корпоративных облигаций: преодолеть нестабильность. <https://www.raexpert.ru/docbank/804/304/9a1/b6c6cf48add84b022b4906e.pdf>.

¹⁶ Правительство компенсирует компаниям МСП расходы на получение рейтинга агентства «Эксперт РА». <https://www.raexpert.ru/releases/2021/jan19>.

Важны также меры по продвижению инвестиционной привлекательности бумаг малого и среднего бизнеса. В целях содействия привлечению инвестиций компаниями Московская биржа выделяет сектор компаний, демонстрирующих рост финансовых показателей, включающий в приоритетном порядке компании малой и средней капитализации¹⁷. По состоянию на конец 2021 г. 15 субъектов МСП из 49, разместившие облигации с 2015 по 2021 г., допущены в Сектор Роста. При этом отдельные компании (АО ГК «Пионер» и ПАО «Светофор Групп») полностью выполнили свои публичные обязательства (см. табл. 8).

Таблица 8

Эмитенты из Сектора Роста при Московской бирже

№	Эмитент	Отрасль	В обращении на 31.12.2021 г.	
			количество выпусков	объем, млрд руб.
	Эмитенты-субъекты МСП		20	5,51
1	Завод КЭС, г. Казань	Машиностроение	1	0,15
2	ООО «НЗРМ», г. Новосибирск	Машиностроение	1	0,08
3	ООО НПП «Моторные технологии», г. Пенза	Машиностроение	2	0,11
4	ООО «Охта Групп», г. Санкт-Петербург	Строительство и недвижимость	2	1,24
5	ООО «Энергоника», г. Москва	Строительство и недвижимость	1	0,05
6	АО «ГК «Пионер», г. Москва	Строительство и недвижимость	0	0,00
7	ООО «ЭБИС», г. Москва	Химия	4	0,85
8	ООО «ПР-Лизинг», г. Москва	Финансовый сектор	2	2,15
9	АО «ММЦБ», г. Санкт-Петербург	Высокие технологии	1	0,03
10	ООО «Сибирский КХП», Омская область	Пищевая промышленность	1	0,10
11	АО «Регион-Продукт», Пензенская область	Пищевая промышленность	1	0,05

¹⁷ Сектор Роста — Московская Биржа | Рынки. <https://www.moex.com/s2151>.

№	Эмитент	Отрасль	В обращении на 31.12.2021 г.	
			количество выпусков	объем, млрд руб.
12	ООО «Ред Софт», г. Москва	Информационные технологии	2	0,20
13	ООО «Бифорком Тек», г. Москва	Информационные технологии	1	0,25
14	ООО «С-Инновации», г. Москва	Высокие технологии	1	0,25
15	ПАО «Светофор Групп», г. Санкт-Петербург	Высокие технологии	0	0,00

Источник: рассчитано и составлено автором по: ПАО «Московская биржа». <https://www.moex.com>.

Заключение

Российский рынок биржевых облигаций, будучи органической частью национальной экономики, адекватно реагирует на внешние вызовы.

Экономический кризис на фоне пандемии коронавируса не приобрел системного характера. Рынок восстановил стабильность к концу 2020 г. в результате притока ликвидности и спроса на заемные средства.

Последствия пандемии коронавируса не идут в сравнение с политикой регулярного ввода санкций в отношении России, призванных вызвать фундаментальные негативные сдвиги в отечественной экономике. В развитии национальной экономики наблюдается переход от адаптации к изменившимся внешним условиям к проактивным действиям. Реализуются беспрецедентные меры на макроэкономическом уровне. Стремительно развивается ситуация по активизации внутреннего потенциала. Оцениваются новые возможности и перспективы для экономики.

В свою очередь история развития рынка облигаций с 2015 г. по 2021 г. дает примеры восстановления после падения на фоне экономической нестабильности. На этапе восстановительной активности рынок демонстрирует значительные объемы и высокий уровень средне- и долгосрочного заимствования, открыт для новых эмитентов, в том числе для субъектов МСП. Очевиден также факт, что спад рынка на высоких уровнях доходности в текущем году является следствием усиления роли внешнеполитических факторов в экономике.

Предпринимаемые государством структурные реформы в экономике (реализация отраслевых и региональных программ развития, инфраструктурных и технологических проектов, мер поддержки небольших компаний) направлены на стабилизацию экономического положения. Кроме того, это позволит существенно снизить негативное влияние факторов, сдерживающих развитие рынка, таких как отраслевая концентрация и доминирование крупных эмитентов, и повысит устойчивость рынка к внешнему воздействию. Это требует времени, но сегодня уже заметны новые, перспективные тенденции развития российского рынка облигаций.

Во-первых, наблюдается движение в сторону финансового суверенитета (переориентации долгового финансирования на внутренний финансовый рынок).

Во-вторых, снижается роль облигационного предложения со стороны экспортно-сырьевых компаний и кредитно-финансовых организаций, уязвимых перед внешними угрозами.

В-третьих, все более заметными на рынке облигаций становятся позиции крупных компаний, деятельность которых ориентирована на внутренний рынок и на высокотехнологичный прорыв.

В-четвертых, отмечены прецеденты использования биржевых облигаций предприятиями МСП. К тому же и региональные компании наряду со столичными открывают для себя возможности рынка.

Наконец, Московская биржа, как организатор торгов, предлагает участникам рынка ряд инструментов, активизирующих облигационное предложение и инвестиционный спрос.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савалей В.В. Рынок корпоративных облигаций в России: особенности сегментации и возможности расширения // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2021. Т. 19. № 3. С. 38–49. DOI: 10.24147/1812-3988.2021.19(3).38-49.
2. Семернина Ю.В. Специфические особенности российского рынка облигаций // Финансы и кредит. 2012. № 8 (488). С. 51–58.
3. Тимофеев И.Н. Сомнительная эффективность? Санкции против России до и после февраля // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 4. С. 136–152. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-4-136-152.
4. Сысоева Е.Ф. Российский рынок облигаций: драйверы роста // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. 2018. № 2. С. 166–172.
5. Куликова Е.И. Расширение спектра инвестиционных инструментов для частного инвестора на российском финансовом рынке // Финансовая жизнь. 2018. № 2. С. 67–71.
6. Балюк И.А. Рынок корпоративных облигаций: международный опыт и российская практика // Финансы: теория и практика. 2019. Т. 23. № 2. С. 74–83. DOI: 10.26794/2587-5671-2019-23-2-74-83.

7. *Топольский Р.А.* Структурные диспропорции как угроза экономической безопасности государства // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10. № 6. С. 106–113.
8. *Абрамова М.А., Луныков О.В.* Финансовый рынок России и стимулирование внутреннего инвестора: механизм взаимодействия // Известия С-Пб ГЭУ. 2019. №5–2 (119). С. 54–60.
9. *Теплова Т.В., Столяров А.И.* Особенности развития основных сегментов фондового рынка РФ (облигации и акции) на современном этапе // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2017. № 6. С. 31–48.
10. *Касимова Д.Ф., Касимов Т.С.* Облигации как источник финансирования малого и среднего бизнеса в России // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2021. № 6 (162). С. 157–161. DOI: 10.34773/EU.2021.6.30.
11. *Ушанов А.Е.* К вопросу о развитии инструментов фондового рынка для субъектов малого и среднего бизнеса // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия «Экономика». 2020. № 1. С. 117–124. DOI:10.24143/2073-5537-2020-1-117-124.
12. *Шевченко Д.А.* Потенциал биржевой инфраструктуры для стимулирования структурных преобразований в российской экономике // Вестник Академии знаний. 2020. № 37 (2). С. 486–489. DOI: 10.24411/2309-4788-2020-10216.

REFERENCES

1. *Savaley V.V.* The corporate bond market in Russia: specifics of segmentation and expansion opportunities // Herald of Omsk University. Series «Economics». 2021. Vol. 19. No. 3. Pp. 38–49. DOI: 10.24147/1812-3988.2021.19(3). (In Russ.).
2. *Semernina Yu.V.* Specific features of the Russian bond market // Finance and Credit. 2012. No. 8 (488). Pp. 51–58. (In Russ.).
3. *Timofeev I.N.* Dubious effectiveness? Sanctions against Russia before and after february // Russia in Global Affairs. 2022. Vol. 20. No. 4. Pp. 136–152. (In Russ.). DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-4-136-152.
4. *Sysoeva E.F.* Russian bond market: drivers of growth // Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management. 2018. No. 2. Pp. 166–172. (In Russ.).
5. *Kulikova E.I.* Expanding the range of investment instruments for private investors in the russian financial market // Financial Life. 2018. No. 2. Pp. 67–71. (In Russ.).
6. *Balyuk I.A.* Corporate Bond Market: International Experience and Russian Practice // Finance: Theory and Practice. 2019. Vol. 23. No. 2. Pp. 74–83. (In Russ). DOI: 10.26794/2587-5671-2019-23-2-74-83.
7. *Topolsky R.A.* Strutral disproportions as threat of economic security of the state // Social and economic phenomena and processes. 2015. Vol. 10. No. 6. Pp. 106–113. (In Russ.).
8. *Abramova M.A., Lunyakov O.V.* Financial market of Russia and promoting a domestic investor: mechanism of interaction // Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics. 2019. No. 5–2 (119). Pp. 54–60 (In Russ).
9. *Teplova T.V., Stolyarov A.I.* The features of the main segments of stock market development in the Russian Federation (bonds and stocks) at the present stage // The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2017. No. 6. Pp. 31–48. (In Russ).

10. *Kasimova D.F., Kasimov T.S.* Bonds as a Source of Financing for Small and Medium-Sized Businesses in Russia // *Economics and Management: Research and Practice Journal*. 2021. No. 6. Pp. 157–161. (In Russ). DOI: 10.34773/EU.2021.6.30.
11. *Ushanov A.E.* On development of stock market instruments for small and medium-sized businesses // *Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Economics*. 2020. No. 1. Pp. 117–124. (In Russ). DOI: 10.24143/2073-5537-2020-1-117-124.
12. *Shevchenko D.A.* The potential of exchange infrastructure to stimulate structural changes in the Russian economy // *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2020. No. 37 (2). Pp. 486–489. (In Russ). DOI: 10.24411/2309-4788-2020-10216.

Дата поступления рукописи: 16.09.2022 г.

ABOUT THE AUTHOR

Polyakova Tatiana Nikolaevna – Cand. Sci (Econ.), Associate Professor at the Omsk State University n.a. F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia.
Polyakova@chemomsu.ru

RUSSIAN MARKET OF EXCHANGE-TRADED BONDS: PLACEMENT ANALYSIS

The article analyzes the practice of placing exchange-traded bonds by Russian companies. The study provides an estimate of the volume and terms of borrowing, as well as the composition of issuers, the scale of their activities, industry and regional affiliation. The analysis shows, that despite unfavorable external conditions, a temporary market decline is followed by its recovery. It is concluded that the ongoing economic reforms contribute to the development of the Russian market of exchange-traded bonds.

Keywords: *exchange bonds, placement of bonds, issuers; Moscow Exchange, Russian economy, sanctions.*

JEL: G10, G14.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

А.С. КАЧЕЛИН

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Центра инновационной экономики и промышленной политики
ФГБУН Институт экономики РАН

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ТУРКМЕНИСТАНА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

В статье автор анализирует историческое развитие российско-туркменских отношений. Обосновывается многовекторность и гибкость в развитии стратегического партнерства России с Туркменистаном. Показана взаимная заинтересованность двух стран в области обеспечения безопасности. Делается вывод, что российско-туркменские отношения не должны ограничиваться только сотрудничеством в газовом секторе, а динамично развивать имеющийся потенциал сотрудничества, в частности, в формировании транспортно-логистических коридоров и в сфере туризма.

Ключевые слова: Туркменистан, стратегическое партнерство, нейтралитет, внешняя политика, углеводороды, конвенция, ОДКБ, ЕАЭС, СНГ, экспорт, импорт, безопасность, Каспийское море, транспортно-логистический коридор, туризм.

JEL: F15, F53, F63.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_5_119_130.

Российско-туркменские отношения исторически сложились со времен Ахалтекинской экспедиции 1880-1881 гг. под командованием русского генерала М.Д. Скобелева. После распада СССР взаимоотношения между двумя молодыми государствами сохранились, новым импульсом для развития которых послужило сначала установление дипломатических отношений между Российской Федерацией и Туркменистаном 8 апреля 1992 г., а затем – подписание международного Договора о дружбе и сотрудничестве 23 апреля 2002 г.

Все эти годы двусторонние отношения характеризуются доверительным политическим диалогом, носят традиционно дружественный характер, динамично развиваются в различных сферах. Залогом этого являются общее историческое прошлое и совпадающие корен-

ные интересы народов двух стран¹. Имеют место регулярные встречи на высоком уровне между двумя президентами, правительствами двух стран и представителями делового сообщества в рамках двусторонних визитов и участия в международных научно-практических конференциях и форумах. За координацию и расширение двусторонних торгово-экономических связей отвечает межправительственная Российско-Туркменская комиссия по экономическому сотрудничеству и созданная в ее рамках специально для этих целей Группа высокого уровня по поддержке торговли и инвестиций между двумя странами².

Постоянный нейтралитет Туркменистана как фактор многовекторной политики в сфере энергетики

После распада СССР молодой Туркменистан остался один на один со своими южными соседями – исламским государством Иран и непредсказуемым Афганистаном. В то время как в соседних среднеазиатских республиках стала проводиться антироссийская политика и росло националистическое движение, а Российская Федерация в значительной степени была сконцентрирована на решении своих внутренних политических и экономических проблем, связанных с переходом от социализма к обществу с рыночной экономикой, политическое руководство Туркменистана приняло стратегически важное решение о постоянном нейтралитете и подало соответствующую заявку в Генеральную Ассамблею ООН.

После обретения 12 декабря 1995 г. статуса Постоянно-нейтрального государства Туркменистан становится самостоятельным игроком как в прикаспийском регионе, так и на международной арене, и начинает проводить многовекторную внешнюю политику со странами региона, а также и с другими мировыми державами.

Также как и в Российской Федерации, основными статьями дохода в бюджет Туркменистана является продажа на экспорт углеводородного сырья и продуктов их переработки. Туркменистан занимает четвертое место по запасам природного газа в мире (19,5 трлн м³), после Российской Федерации, Ирана и Катара (см. табл. 1), но добыча природного газа ниже среднего значения по мировым масштабам – 79,3 млрд м³.

¹ Межгосударственные отношения России и Туркмении. <https://ria.ru/20220610/turkmeniya-1794373218.html> (дата обращения: 07.10.2022).

² Межгосударственные отношения России и Туркмении. <https://ria.ru/20220610/turkmeniya-1794373218.html> (дата обращения: 07.10.2022).

Таблица 1

Основные страны по запасам природного газа, трлн м³

№ п/п	Страна	2019 г.	Доля мировых запасов, %
1	Российская Федерация	38,0	19,1
2	Иран	32,0	16,1
3	Катар	24,7	12,4
4	Туркменистан	19,5	9,8
5	США	12,9	6,5

Источник: составлено автором по материалам BP Statistical Review of World Energy, 2020, 69th edition.

С момента обретения независимости и с учетом своего статуса постоянно-нейтрального государства Туркменистан стремится диверсифицировать экспортные маршруты транспортировки своих углеводородных ресурсов.

Исторически сложилось, что Российская Федерация еще со времени существования СССР является одним из главных транзитеров туркменского природного газа на внешний рынок по единственной на тот период газотранспортной системе «Средняя Азия – Центр» (далее – ГТС САЦ).

Необходимо отметить, что сотрудничество Российской Федерации с Туркменистаном в сфере энергетики не было идеальным. Тогдашнее руководство «Газпрома» не считалось с интересами молодой республики, и в результате негибкой переговорной позиции в 1997 г. прекратило свою деятельность совместное предприятие «Туркменросгаз». Кульминацией заморозки российско-туркменских переговоров в нефтегазовой сфере были высказывания Р. Вяхирева, что «никуда эти туркмены не денутся, сами на коленях приползут»³. Именно поведение главы «Газпрома», на определенном этапе посчитавшего Туркменистан конкурентом Российской Федерации на газовом рынке, привело к замораживанию экономического партнерства между двумя дружественными государствами. В результате этого Туркменистан вынужден был перекрыть газовый вентиль на ГТС САЦ, законсервировать более сотни скважин, а часть газа сжигать в факелах.

Перезагрузкой экономических отношений послужил базовый документ о сотрудничестве между двумя государствами – «Соглашение между Российской Федерацией и Туркменистаном в газовой отрасли», подписанное в 2003 г. двумя президентами и предусматри-

³ Переплеснин М., Петров Э. Вяхирев готов к компромиссу // Независимая газета. 18.12.1999. https://www.ng.ru/cis/1999-12-18/5_vyahirev.html.

вающее поставки газа в Российскую Федерацию в течение 25 лет. Вместе с тем Туркменистан продолжает развивать нефтегазовое сотрудничество с ОАЭ, Малайзией, Ираном, Китаем и другими странами. Плодотворным результатом многовекторной политики является запуск экспортного магистрального газопровода «Туркменистан – Китай», проходящего по территории Туркменистана, Узбекистана, Казахстана в Китай с проектной мощностью газопровода 40 млрд м³ в год.

Особое внимание к Туркменистану проявляют США и Великобритания, лоббируя обсуждаемый более четверти века проект строительства Транскаспийского газопровода по дну моря общей протяженностью 77 км, который должен соединить два оффшорных газовых месторождения в Каспийском море – Азери – Чираг – Гюнешли в Азербайджане и Банка Ливанова в Туркменистане. Основная цель данного проекта заключается в ослаблении роли Российской Федерации в Прикаспийском регионе посредством перенаправления части добываемого природного газа из Средней Азии через территорию Азербайджана, Грузии и Турции в Западную Европу.

Такая политика США и Великобритании в районе Каспийского моря вынуждает Российскую Федерацию предпринимать со своей стороны активные шаги, в том числе в сфере политических и экономических отношений с Туркменистаном. В свою очередь Туркменистан также заинтересован в улучшении отношений с Россией, так как в соседнем Афганистане появились боевики террористических организаций, бежавшие туда после разгрома из Сирийской Арабской Республики. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря (далее – Конвенция) – международный договор между Азербайджаном, Ираном, Казахстаном, Российской Федерацией и Туркменистаном, подписанный 12 августа 2018 г. в казахстанском городе Актау, нивелирует вышеупомянутые планы англосакской политики сводит на «нет» их проекты в Прикаспийском регионе, в том числе строительство Транскаспийского газопровода.

На сегодняшний день основным и явным плюсом подписания Конвенции является запрет появления вооруженных сил третьих государств в районе Каспийского моря.

В вопросе безопасности интересы Российской Федерации и Туркменистана совпадают, так как оба государства заинтересованы в неприкосновенности афгано-туркменской границы и готовности своевременно среагировать на прорыв террористических организаций со стороны Афганистана. Здесь хотелось напомнить слова русского генерала М.Д. Скобелева: «Границу надо защищать под Кушкой – если мы не хотим потом ее защищать под Таганрогом»⁴, тем более что у Вооруженных Сил Российской Федерации есть практический опыт

⁴ <https://citaty.info/man/mihail-skobelev> (дата обращения: 11.10.2022).

по борьбе с боевиками, по освобождению территории суверенного государства от террористических организаций и наведению конституционного порядка в Сирийской Арабской Республике.

Более того, по итогам VI Каспийского саммита, который состоялся 29 июня 2022 г. в г. Ашхабаде, Российская Федерация призвала к скорейшему введению в действие документов, подписанных прикаспийскими странами, в том числе в сфере предотвращения морских инцидентов, в борьбе с терроризмом и организованной преступностью⁵.

Если раньше экономические интересы «Газпрома» сводились только к транзиту туркменского газа на внешний рынок, то сегодня Российская Федерация заинтересована и готова принять участие в реализации проекта строительства экспортного магистрального газопровода «Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия» (далее – ТАПИ), строительство которого Туркменистан уже начал на своей территории.

Однако большинство экспертов сходится во мнении, что при нынешней ситуации с безопасностью в Афганистане трубопровод не будет завершен, и экспорт газа по этому маршруту нереален⁶. Этим экспертам можно аргументированно возразить, что поскольку Российская Федерация установила дипломатические отношения с действующей властью Афганистана, то резонно предполагать, что российской стороне были даны гарантии безопасности строительства ТАПИ. Афганистан также получит экономический эффект от газопровода в виде валютной выручки от транзита газа по своей территории. Для обеспечения безопасности экспортного магистрального газопровода можно быть привлечены российские частные военные компании, совместно с действующей властью Афганистана.

Таким образом, подписание Конвенции и участие в реализации проекта строительства ТАПИ означает, что Российская Федерация надолго возвращается в Прикаспийский регион и Среднюю Азию.

Великий шелковый путь 2.0: транспортно-логистический коридор как перспективный сегмент национальной экономики

Туркменистан диверсифицирует свою национальную экономику путем развития транспортно-логистических центров и коридоров. Как заявил Заместитель Председателя кабинета министров Туркменистана Ходжамурат Гельдымурад, выступая на пленарном заседа-

⁵ В Ашхабаде состоялся шестой Каспийский саммит. <https://rg.ru/2022/06/29/bereg-druzej.html> (дата обращения: 12.10.2022).

⁶ Каспийское сотрудничество как способ решения экономических проблем Туркменистана. <https://cabar.asia/ru> (дата обращения: 10.10.2022).

нии Каспийского экономического форума в «Сколково»: «Туркмения выступает за усиление работы по выявлению и устранению барьеров в транспортно-коммуникационной сфере прикаспийских государств. Сегодня наша страна осуществляет транспортно-транзитные коридоры по направлениям Север – Юг и Запад – Восток, активно участвует в создании международных транспортных коридоров Туркменистан – Азербайджан – Грузия – Турция, Узбекистан – Туркменистан – Иран – Оман – Катар и Европейский Союз. Кроме того, реализован проект по строительству автомобильного и железнодорожного мостов через Амударью, международных аэропортов в Ашхабаде, Туркменбаши, Туркменабаде и Керки, а также международного морского порта Туркменбаши»⁷.

Благодаря смелым и решительным шагам, предпринятым правительством, Туркменистан стремительно превращается в международный центр в области транспорта и перевозок. Международный порт Туркменбаши, расположенный на берегу Каспийского моря, является крупнейшим региональным портом. В рамках данного проекта создаются паромный и пассажирский терминалы, контейнерный терминал, терминал для общих грузов, терминал для навалочных грузов, судостроительный и ремонтный комплекс, а также расширяется существующие Ro-Ro и полипропиленовый терминалы. Стоимость проекта составила 1,5 млрд долл. США, и этот порт, введенный в эксплуатацию как крупнейший порт Каспийского моря, соединил между собой Прикаспийские страны⁸. Таким образом, Каспий становится морем, не разъединяющим, а объединяющим прибрежные государства.

В 2021 г. грузооборот Международного порта Туркменбаши составил 11 млн 305 тыс. т. Общий вес грузов, отправленных на экспорт через морской порт, составил 6 млн 580 тыс. т, вес импортных грузов – 1 млн 212 тыс. т, а вес транзитных грузов был равен 353 тыс. т⁹.

Длина причалов Международного морского порта, общая пропускная способность которого составляет 17 млн т в год, составляет более 1 800 м и может обслуживать одновременно 17 судов.

Объем пассажирских перевозок и грузоперевозок из Туркменбашинского международного морского порта в порты Энзели (Исламская Республика Иран), Астрахань и Махачкала (Россия), Баку (Азербайджан), Актау (Казахстан) постоянно увеличивается. Согласовав

⁷ Туркменистан призывает страны Каспия к расширению транспортного сотрудничества. <https://bigasia.ru/content/news/business/turkmenistan-prizyvaet-strany-kaspiya-krasshireniyu-transportnogo-sotrudnichestva> (дата обращения: 12.10.2022).

⁸ Проект Туркменбашинского международного порта. <https://www.gapinsaast.com/ru/infrastructure/international-turkmenbasi-seaport-project.html> (дата обращения: 12.10.2022).

⁹ <https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/64602/potencial-mezhdunarodnogo-morskogo-porta-v-turkmenbashi>.

выходы к Черному морю и Персидскому заливу, планируется наладить транспортное сообщение с портами Поти и Батуми в Грузии и морскими терминалами порта Чабахар в Иране¹⁰. Также на территории порта имеется контейнерный терминал, который занимается транзитной отправкой грузов, прибывших железнодорожным, автомобильным и воздушным транспортом; на терминале одновременно могут загружаться 3 судна, вместимостью 5 тыс. т каждое. Контроль за рабочим процессом осуществляется посредством спутниковой связи и автоматизированных систем¹¹.

С открытием Международного морского порта увеличился товарооборот между Российской Федерацией и Туркменистаном (см. табл. 2). Благодаря прямым поставкам по морскому пути транзит через Казахстан становится менее востребованным, что значительно сокращает транспортно-логистические расходы по доставке товаров и услуг.

Таблица 2

**Объемы торговли с Туркменистаном в январе 2021 и 2022 г.,
млн долл. США**

Страна	Экспорт		Импорт	
	январь 2021 г.	январь 2022 г.	январь 2021 г.	январь 2022 г.
Туркменистан	18,6	38,7	11,0	13,6

Источник: составлено автором по материалам ФТС России. <https://customs.gov.ru/press/federal/document/329649> (дата обращения: 10.10.2022).

Товарооборот между Российской Федерацией и Туркменистаном в 2021 г. составил 865,1 млн долл. США, объем экспорта за прошлый год – 725,4 млн долл. США, импорта – 139,7 млн долл. США. Традиционно основными статьями российского экспорта в Туркмению являются машины, оборудование и транспортные средства, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье, продукция химической промышленности, металлы и изделия из них, древесина. Российская Федерация импортирует из Туркмении текстиль и обувь, продовольственные товары, продукцию химической промышленности и каучук.

¹⁰ Через международный порт Туркменбаши (Туркменистан) экспортировано более 6,5 млн т грузов. <https://e-cis.info/news/567/102962> (дата обращения: 12.10.2022).

¹¹ Потенциал Международного морского порта в Туркменбаши. <https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/64602/potencial-mezhdunarodnogo-morskogo-porta-v-turkmenbashi> (дата обращения: 12.10.2022).

С учетом глобальной перестройки мировой логистики перед коридором открывается окно возможностей для того, чтобы из маршрута с точечными отправлениями грузов превратиться в полноценный регулярный сервис.

В этом плане достаточно интенсивной выглядит работа между профильными министерствами России и Ирана, которые прилагают особые усилия по созданию пилотного сервиса с единой системой перевозок вдоль маршрута, в особенности по развитию грузообмена между портами на Каспии¹². Транспортировка продовольственных товаров, зерновых грузов и создание прикаспийского продовольственного хаба в условиях глобальной нестабильности становится более актуальной для обеспечения региональной продовольственной безопасности.

В настоящее время можно ответственно заявить, что роль Каспийского бассейна как крупнейшего транспортного узла в регионе повышается. Это – стратегическое направление, которое открывает перспективы существенного наращивания торгово-экономических связей как между самими прикаспийскими странами, так и с учетом выхода на внешние рынки¹³.

Таким образом, Туркменистан, развивая сухопутные транспортно-транзитные коридоры по направлениям Север – Юг и Запад – Восток, компенсирует недостаток своего географического положения – удаленность от Мирового океана.

Туризм как донор экономики в условиях глобальной нестабильности

С момента обретения независимости руководство Туркменистана особое внимание уделяло развитию прибрежной национальной туристической зоне «Аваза» на побережье Каспийского моря. На месте снесенных трущоб и самовольно возведенных построек были построены фешенебельные пятизвездочные отели. Тем не менее в настоящее время в Туркменистане вклад туризма в развитие экономики страны остается несущественным. А ведь природно-климатические особенности Туркменистана могут привлекать туристов из Российской Федерации круглый год. Сегодня в условиях глобальной нестабильности и антиросийских санкций особенно актуально развивать туризм в Туркмению. В первую очередь это относится к пляжному туризму,

¹² Страны региона готовы к созданию международного транспортно-логистического узла на Каспии. <http://casp-geo.ru/kaspijskie-strany-budut-vystraivat-alternativnuyu-logistiku-v-regione> (дата обращения: 12.10.2022).

¹³ Сотрудничество на Каспийском море: принципы, цели, приоритеты. <https://frankfurt.tmconsulate.gov.tm/ru/news/1722> (дата обращения: 12.10.2022).

куда возможно перенаправить часть туристического потока с египетско-турецкого направления.

Кроме этого, широкую известность получили оздоровительные санатории, которые сохранились в Туркменистане, такие как «Арчман», «Моллакара», «Иылы сув», «Байрамали», обладающие большим потенциалом для развития лечебно-оздоровительного туризма.

Молодые горы Копетдаг предоставляют большие возможности для организации горнолыжных маршрутов и для строительства современного горнолыжного курорта. Последнее время очень востребован стал экологический туризм, и Туркменистан может предложить поездки в особо охраняемые природные территории, заповедники и заказники, такие как Бадхызский и Репетекский заповедники, Кутитанг и Копетдаг, а также многие другие интересные места.

Для туристов будут интересны древние города Кёнеургенч, Мерв, Ниса, остановки Великого шелкового пути, средневековые форты и мавзолеи. Кроме этого, на территории страны множество природных достопримечательностей – пустыня Каракумы, серное озеро Коу-Ата, горящий кратер Дарвазы («врата ада»).

Для Туркменистана характерен континентальный климат пустынь умеренного типа: это продолжительное сухое знойное лето, прохладная влажная осень и нехолодная малоснежная зима¹⁴. Лето в Туркменистане очень жаркое и засушливое и не соответствует календарному – начинается в мае и заканчивается в сентябре–октябре. Относительно комфортно летом в горных районах Туркменистана (Чули, Фирюза, Кара-Кала), на берегу Каспийского моря или в оазисах реки Амударья.

По словам президента Российской Федерации В.В. Путина, «Развитие регионального туризма также будет способствовать сближению прикаспийской «пятерки». Российский президент предложил запустить тематические круизы и сказал, что в Астраханской области в следующем году будет сдан в эксплуатацию первый большой круизный лайнер. Запуск тематических круизов по Каспийскому морю даст возможность лучше познакомиться с историческими традициями, с наследием прикаспийских государств, посетить достопримечательности, принять участие в культурно – просветительских мероприятиях»¹⁵. Приток туристов из Российской Федерации в Туркменистан позволит привлечь в экономику страны валютные поступления.

¹⁴ Туркменистан: географическое положение, рельеф и климат. <https://science.gov.tm/turkmenistan/geodata> (дата обращения: 12.10.2022).

¹⁵ В Ашхабаде состоялся шестой Каспийский саммит. <https://rg.ru/2022/06/29/bereg-druzej.html> (дата обращения: 12.10.2022).

Заключение

В последнее время российско-туркменские отношения заметно укрепляются в торгово-экономической, энергетической, культурной и гуманитарной областях. Товарооборот между государствами значительно увеличился, и российские компании выразили заинтересованность в инвестировании в проект газопровода ТАПИ, который может значительно снизить интерес Туркменистана к Транскаспийскому трубопроводу¹⁶.

Для Российской Федерации Каспийский регион имеет немало важное значение по соображениям экономики и безопасности. Этот регион, в котором расположены ряд стран, входящих в ОДКБ и ЕАЭС, является в своем роде буферной зоной, защищающей границы Российской Федерации.

Если раньше лейтмотивом в развитии двусторонних отношений выступал «Газпром», с его бессменным директором представительства в Туркменистане (М.А. Айрапетян), то сегодня эту миссию должны выполнять представители широкого круга государственных учреждений. Это обусловлено тем, что Российской Федерации не надо ограничиваться только сотрудничеством в газовом секторе. Следует обратить внимание на другие направления в развитии стратегического партнерства с Туркменистаном, прежде всего на такие, как формирование транспортно-логистических коридоров, туризм, безопасность и обороноспособность, на модернизацию коммуникационной связи. Желательно проводить более гибкую торгово-экономическую политику в отношении Туркменистана.

В вопросе развития транспортно-логистических маршрутов, в том числе новых авиационных направлений, должно быть тесное взаимодействие между двумя министерствами транспорта – Российской Федерации и Туркменистана.

Минэкономразвитию России желательно совместно с Государственным комитетом по туризму и спорту Туркменистана разработать дорожную карту по развитию туристической деятельности и взаимных безвизовых поездок с участием министерств иностранных дел двух государств. Учитывая огромный туристский потенциал Туркменистана, создание мощной индустрии отдыха и туризма может стать одним из приоритетных направлений социально-экономической политики южного соседа России. Развитие туризма может позволить отрасли занять лидирующую позицию в наполнении бюджета

¹⁶ Геополитический фон Каспийского экономического форума – оценка итальянского эксперта. <http://casp-geo.ru/geopoliticheskij-fon-kaspijskogo-ekonomicheskogo-foruma-otsenka-italyanskogo-eksperta> (дата обращения: 12.10.2022).

страны, также как это имеет место, например, в Египте и Алжире, которые также имеют огромные запасы природного газа – 2,1 трлн м³ и 4,3 трлн м³ соответственно¹⁷. За счет туризма Туркменистан может дополнительно привлечь иностранные инвестиции, повысить авторитет на международной арене и популярность среди российских и иностранных туристов.

Минпромторгу России и Министерству торговли и внешнеэкономических связей Туркменистана желательно более детально проработать товарную номенклатуру внешнеэкономической деятельности с целью увеличения товарооборота между двумя странами [1]. В культурной и гуманитарной областях важно активизировать роль Россотрудничества по организации в областных центрах Туркменистана курсов изучения русского языка и литературы, а также рассмотреть возможность открытия филиалов ведущих российских ВУЗов в Туркменистане.

ЛИТЕРАТУРА

1. Качелин А.С. Актуальность торгового представительства Российской Федерации в Туркменистане для улучшения сотрудничества в области энергетики // Страны СНГ в условиях глобализации: Материалы IV научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (30 марта – 1 апреля 2005г.). М.: Изд-во ЭКНО-ИНФОРМ, 2005. С. 275–277.

REFERENCES

1. *Kachelin A.S.* Relevance of the trade representation of the Russian Federation in Turkmenistan for improving cooperation in the field of energy // CIS countries in the context of globalization: Materials of the IV scientific and practical conference of students, postgraduates and young scientists (March 30 – April 1, 2005). Moscow: Publishing House of EKNO–INFORM, 2005. Pp. 275–277. (In Russ).

Дата поступления рукописи: 14.10.2022 г.

¹⁷ BP Statistical Review of World Energy 2020 69th edition <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf> (дата обращения: 10.10.2022).

ABOUT THE AUTHOR

Kachelin Alexander Sergeevich – Cand. Sci (Econ.), Senior Researcher at the Center for Innovative Economics and Industrial Policy of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

kachelin@mail.ru

STRATEGIC PARTNERSHIP OF THE RUSSIAN FEDERATION AND TURKMENISTAN
IN CONDITIONS OF GLOBAL INSTABILITY

The author analyzes the historical development of Russian-Turkmen relations. The multi-vector nature and flexibility in the development of strategic partnership with Turkmenistan are substantiated. The mutual interest of the two countries in the field of security is shown. It is concluded that Russian-Turkmen relations should not be limited only to cooperation in the gas sector, but should dynamically develop the existing potential of cooperation, in particular, developing of transport and logistics corridors and tourism.

Keywords: *Turkmenistan, strategic partnership, neutrality, foreign policy, hydrocarbons, convention, CSTO, EAEU, CIS, export, import, security, Caspian Sea, transport and logistics corridor, tourism.*

JEL: F15, F53, F63.

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ АВТОРОВ

Д.В. ЛИМИН

аспирант кафедры макроэкономической политики и стратегического управления МГУ имени М.В. Ломоносова

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРЕХОДА ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ РФ, УКРАИНЫ И КАЗАХСТАНА К РЕЖИМУ ПЛАВАЮЩЕГО ВАЛЮТНОГО КУРСА ИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАЛЮТ

В работе исследуются последствия перехода в 2014–2015 гг. центральных банков России, Украины и Казахстана к плавающему валютному курсу. Проведен сравнительный анализ последствий изменений валютной политики данных стран и их влияния на темпы инфляции, на состояние платежного баланса и их международных резервов. Показано, что переход к политике плавающего курса позволил урегулировать платежный баланс РФ, Украины и Казахстана без расходования золотовалютных резервов их центральных банков. Однако повышенная волатильность обменных курсов привела к росту темпов инфляции во всех трех странах. Для достижения заданных показателей по уровню инфляции центральные банки ужесточали кредитно-денежную политику, что позволило сократить темпы роста цен к 2019 г., но рост цен на сырьевых рынках и рост геополитической напряженности в 2021–2022 гг. вновь привели к ускорению темпов роста инфляции.

В статье обосновывается целесообразность сохранения Банком России политики плавающего курса, при наличии возможности его корректировки с помощью валютных интервенций и при соблюдении четких условий их проведения.

Ключевые слова: валютный курс, режим плавающего курса, инфляция, платежный баланс, кредитно-денежная политика.

JEL: E52, E58.

DOI: 10.52180/2073-6487_2022_5_131_145.

Введение

Валютная политика оказывает значительное влияние на объемы экспорта и импорта, на показатели платежного баланса и на уровень цен. От выбора ее модели зависит скорость адаптации экономики к международным шокам и чувствительность к ним. Поэтому возникает необходимость оценить влияние изменения режимов валютного курса на динамику этих макроэкономических показателей, играющих важную роль в обеспечении устойчивого экономического развития стран.

В работе представлен анализ последствий перехода в 2014–2015 гг. экономик трех стран бывшего СССР – России, Украины и Казахстана – к плавающему валютному курсу, рассмотрено влияние изменений валютной политики на динамику индекса потребительских цен, на показатели международных резервов и платежного баланса.

При разработке и формировании денежно-кредитной политики важно учитывать негативные последствия перехода к плавающему валютному курсу, а также взаимодействие валютной и денежно-кредитной политики. Без их координации Центральному Банку труднее добиться стабилизации валютного рынка и достижения намеченных показателей по инфляции. В условиях высоких темпов роста цен, большой волатильности обменного курса рубля важно также учитывать, как денежная и валютная политика регулятора влияла на макроэкономические показатели. Исследованию этих вопросов и посвящена данная работа.

Обзор литературы

После перехода к политике плавающего валютного курса центральные банки вводили режим таргетирования инфляции, в результате чего возникали различные макроэкономические эффекты.

В эмпирических работах, изучающих связь инфляционного таргетирования и валютной политики в контексте результативности проводимой политики валютного курса, исследователи выделяют как плюсы инфляционного таргетирования, так и его минусы. Так, Ф.С. Картаев и Ю.И. Якимова [2] приходят к выводу, что инфляционное таргетирование снижает эффект переноса колебаний валютного курса на уровень инфляции как за счет собственно снижения уровня цен, так и за счет того, что при стабильном уровне цен фирмы заключают контракты в местной валюте и менее чувствительны к шокам валютного курса.

Однако Дж. Корсетти и соавторы [6] показывают, что следование политике инфляционного таргетирования снижает результа-

тивность валютной политики в плане сглаживания международных шоков. Авторы построили теоретическую модель и на ее основе показали развитие событий при шоках в ЕС. В результате внешнего шока Центральному Банку необходимо понизить ставки кредитования для стимулирования выпуска. Однако снижение ставок ведет к росту предложения денег и росту цен, что противоречит целям, намеченным по таргетированию инфляции. В данной ситуации у Центрального Банка возникают проблемы при проведении денежной политики. Авторы отмечают, что целесообразнее таргетировать не инфляцию потребителя, а инфляцию производителя, учитывать именно изменения издержек производства. В таком случае, как показали модели авторов, политика плавающего валютного курса будет более результативной в сглаживании шоков. Однако при этом необходимо отметить, что общеэкономической практикой в современных условиях является оценка динамики уровня инфляции по среднегодовому изменению индексов потребительских цен. Поэтому и таргеты по инфляции устанавливаются именно по таким показателям во всех странах, которые используют инфляционное таргетирование, что делает рекомендации Дж. Корсетти и соавторов весьма проблематичными в плане их практического использования в антиинфляционной политике.

Проводимая Центральным Банком политика по сдерживанию темпов инфляции может вступать в противоречие с валютной политикой. В статье Е.Р. Надоршина и В.Г. Ворониной [4] приведен анализ курсовой политики Центрального Банка России за период 1999–2003 гг. Особое внимание уделено рассмотрению различных целей Банка и проводимых им мер валютной и кредитно-денежной политики. Авторы отмечают, что в 2000–2002 гг. наблюдался конфликт между целью по фиксации обменного курса рубля и замедлению инфляции. Центральный Банк покупал иностранную валюту для сдерживания укрепления курса рубля, вызванного ростом цен на нефть, для поддержки конкурентоспособности экспортных товаров. Данная политика увеличивала объем рублевой денежной массы и приводила к повышению уровня цен, что противоречило целям кредитно-денежной политики. В результате эффективность антиинфляционной политики была низкой, а и фактические показатели инфляции превышали прогнозные значения. Используя эконометрическое моделирование, авторы оценивают влияние курсовой политики на макроэкономические показатели. Обнаружено, что сдерживание укрепления рубля вело к повышению уровня цен. Также отмечается негативная связь между валютной политикой и реальными располагаемыми доходами населения. Авторы отмечают, что намеренное занижение курса рубля приво-

дило к росту цен на импортные товары, что негативно сказывалась на покупательной способности населения. Однако статистически значимого воздействия валютной политики на объем инвестиций и промышленного производства не обнаружено. Положительным результатом проводимой политики стало наращивание валютных резервов. В 2003 г. Центральный Банк отказался от политики ослабления рубля и не стал препятствовать его укреплению. Авторы отмечают целесообразность данного шага, который позволил большее внимание уделить антиинфляционной политике.

Дж. Корсетти, А. Мейер, Дж. Мюллер [7], учитывая режим валютного курса, величины долга и состояния финансовых рынков, анализируют влияние фискальных стимулов на макроэкономические показатели в развитых странах. Авторы заключают, что при плавающем валютном курсе, низком уровне долга и отсутствии финансового кризиса рост государственных расходов оказывает незначительное влияние на макроэкономическую динамику, наблюдается снижение инвестиций и ослабление реального обменного курса национальной валюты. При фиксированном курсе рост государственных расходов ведет к большему дефициту счета текущих операций, не наблюдается ослабления реального курса валюты. Также обнаружено, что фискальные стимулы более эффективны при фиксированном курсе валюты.

В работе Т.А. Агаповой [1, с. 173] механизм взаимодействия валютной политики и фискальной политики рассмотрен более подробно. При проведении бюджетно-налоговой политики за счет долгового финансирования не исключен рост инфляции из-за возросших государственных расходов. Поэтому для предотвращения роста цен Центральный Банк ограничивает предложение денег в экономике, что ведет к росту процентных ставок. Высокие процентные ставки делают более выгодными вложения в ценные бумаги данной страны, что ведет к активизации притока капитала в экономику страны. Для покупки активов необходима валюта, происходит ее удорожание из-за возросшего спроса. Повышение курса национальной валюты приводит к снижению экспорта и росту импорта, чистый экспорт сокращается, что может приводить к ухудшению состояния платежного баланса. В компаниях, которые производят экспортные товары или конкурируют с импортом, снижается выпуск, что, в свою очередь, ведет к падению занятости и росту безработицы. Таким образом, воздействие фискальных стимулов на динамику ВВП в экономике может быть ослаблено за счет увеличения чистого экспорта, вызванного ростом курса национальной валюты.

Влияние перехода к плавающему курсу на макроэкономические показатели России, Украины и Казахстана

При проведении политики плавающего валютного курса Центральному Банку нет необходимости расходовать международные резервы страны для проведения интервенций на валютном рынке, что позволяет сохранить активы для сглаживания кризисных процессов в будущем. Далее в статье проанализирована динамика международных резервов РФ, Украины и Казахстана после перехода к рыночному формированию валютного курса. Показатели резервов на апрель 2015 г. и декабрь 2021 г. представлены в табл. 1.

Таблица 1

Международные резервы РФ, Украины и Казахстана, млрд долл.

	Апрель 2015 г.*	Декабрь 2021 г.
Россия	355,3	622,8
Украина	5,63	30,5
Казахстан	98,89	89,7

* до марта–апреля 2015 г. центральные банки РФ и Украины проводили значительные валютные интервенции и сокращали резервы, апрель 2015 г. взят для наблюдения чистого эффекта воздействия политики плавающего курса на величину международных резервов.

Источники: Центральный Банк РФ. Международные резервы Российской Федерации, январь 2007 – ноябрь 2021. https://www.cbr.ru/hd_base/mrrf/mrrf_7d/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.From=01.2007&UniDbQuery.To=11.2021 (дата обращения: 27.09.2022); Черненко Л. Золотовалютные резервы Казахстана снизились в 2021 году // *Zakon.kz*, 31.01.22. <https://www.zakon.kz/6005740-zolotovaliutnye-rezervy-kazakhstan-snizilis-v-2021-godu.html> (дата обращения: 27.09.2022); Министерство финансов Украины. Золотовалютные резервы Украины. <https://index.minfin.com.ua/finance/assets> (дата обращения: 27.09.2022).

Переход к политике плавающего курса позволил избежать расходования валютных резервов России и привел к их значительному росту. На рис. 1 ниже представлена динамика международных резервов страны с 2007 г. по июнь 2022 г.¹ В 2014 г. – начале 2015 г. наблюдается их снижение, после апреля 2015 г. резервы начинают увеличиваться. С этого момента по ноябрь 2021 г. они выросли на 75%, или на 266,3 млрд долл. в абсо-

¹ Центральный Банк РФ. Международные резервы Российской Федерации, январь 2007 г. – ноябрь 2021 г. https://www.cbr.ru/hd_base/mrrf/mrrf_7d/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.From=01.2007&UniDbQuery.To=11.2021 (дата обращения: 27.09.2022).

лютом выражении. Рост резервов позволит в будущем Центральному Банку проводить интервенции для стабилизации валютного рынка при возникновении кризисных ситуаций. Новые геополитические условия создают относительные ограничения для использования Центральным Банком этого инструмента, но это не отменяет возможность проводить интервенции по мере необходимости.

Следование политике плавающего валютного курса позволило избежать расходования резервов в 2015 г. во время экономического кризиса, а во время финансового кризиса 2008–2009 гг., когда Центральный Банк придерживался политики фиксированного валютного курса (см. рис. 1), резервы сократились на 37% (с августа 2008 г. по март 2009 г.).

Источник: Центральный Банк РФ. Международные резервы Российской Федерации, январь 2007 – июнь 2022. https://www.cbr.ru/hd_base/mrrf/mrrf_7d/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.From=01.2007&UniDbQuery.To=06.2022 (дата обращения: 27.09.2022).
Рис. 1. Международные резервы России с января 2007 г. по июнь 2022 г., млрд долл.

Однако после февраля 2022 г. международные резервы ЦБ РФ сократились в связи с тем, что из-за геополитических ограничений часть из них была заблокирована (порядка 300 млрд долл.). Также снижение было обусловлено отрицательной переоценкой активов². Данные меры значительно ограничили возможности Центрального Банка в проведении валютных интервенций. В результате с 1 марта 2022 г. ЦБ РФ не проводил операций на внутреннем валютном рынке³.

После перехода к политике плавающего валютного курса международные резервы Украины также значительно выросли. На 1 декабря 2021 г. они составляли 30,5 млрд долл., тогда как в начале апреля

² Международные резервы ЦБ России сократились за неделю на \$6,4 млрд // Ведомости, 19.05.22. <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2022/05/19/922748-rezervi-tsb-rossii-sokratilis> (дата обращения: 27.09.2022).

³ Центральный Банк РФ. Данные по операциям Банка России на внутреннем валютном рынке (ежедневно) с 1 февраля по 23 июня 2022. https://www.cbr.ru/hd_base/valintbr/valvol_day/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.From=01.02.2022&UniDbQuery.To=23.06.2022 (дата обращения: 27.09.2022).

2015 г. – только 5,625 млрд долл. Международные резервы Казахстана за аналогичный период снизились с 98,89 млрд долл. до 89,7 млрд долл. [4]. Данные изменения можно объяснить выплатой государственного долга и валютными интервенциями Национального Банка Казахстана⁴. Поддержка курса национальной валюты требовала расходов международных резервов, что в итоге привело к их снижению.

В отличие от ЦБ РФ, у которого были ограничены возможности для продажи международных резервов из-за санкций, Национальный Банк Украины после февраля 2022 г. проводил интервенции на валютном рынке для поддержания курса гривны⁵.

С 2014 г. значительно сократилась доля нефтегазовых доходов федерального бюджета России⁶ (с 51,3% в 2014 г. до 28% в 2020 г.), что было обусловлено падением экспортных цен (см. табл. 2).

В 2021 г. доля нефтегазовых доходов выросла до 36% за счет повышения цен на нефть, вызванного восстановлением мировой экономики после пандемии COVID-19 [3].

Последующее повышение цен на нефть и снижение нефтегазовых доходов федерального бюджета, вызванное сокращением сборов НДС, привели к росту доли нефтегазовых доходов – в апреле 2022 г. она составила 63,1%⁷.

Падение цен на нефть привело к снижению доходов федерального бюджета России и увеличению дефицита до 3,5% ВВП в 2016 г. Казахстан также пострадал от понижения сырьевых цен, что привело к увеличению дефицита бюджета в 2015 г., однако он составлял значительно меньшую долю ВВП страны по сравнению с РФ и Украиной (см. табл. 3).

В 2020 г., в связи с пандемией Covid-19, РФ, Украина и Казахстан увеличили расходы бюджета на здравоохранение и социальное обеспечение, что привело к дефициту бюджета во всех трех странах. Финансирование бюджетных дефицитов, даже в том случае, когда оно осуществляется долговым способом, создает риски повышения инфляционного давления в экономике, а это, в свою очередь, может способствовать ослаблению национальных валют.

⁴ Международные резервы Нацбанка РК в марте снизились // Forbes, 28.04.22. https://forbes.kz/finances/v_marte_snizilis_mejdunarodnyie_rezervyi_natsbanka_rk (дата обращения: 27.09.2022).

⁵ Министерство финансов Украины. Результаты валютных интервенций НБУ. <https://index.minfin.com.ua/banks/nbu/intervention> (дата обращения: 27.09.2022).

⁶ Министерство финансов РФ. Краткая информация об исполнении федерального бюджета с 2006 по 2021 год. https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute/?id_65=80041-yezhegodnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_federalnogo_byudzheta_dannye_s_1_yanvarya_2006_g.# (дата обращения: 27.09.2022).

⁷ Апрель в дефиците // Коммерсант, 17.05.2022. <https://www.kommersant.ru/doc/5356123> (дата обращения: 27.09.2022).

Таблица 2

Нефтегазовые доходы федерального бюджета

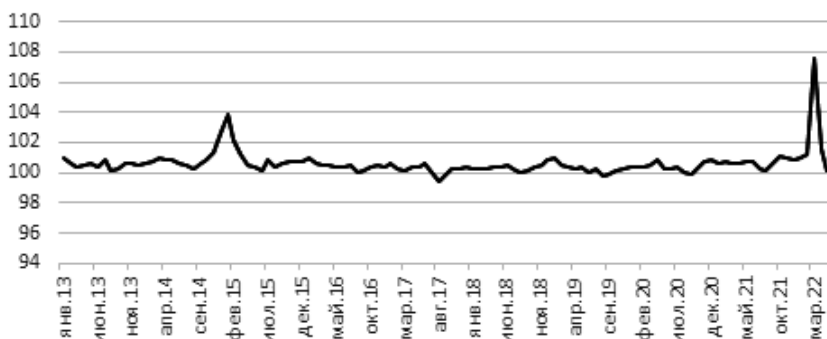
	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Доходы, всего, млрд руб.	13 019,9	14 496,9	13 659,2	13 460	15 088,9	19 454,4	20 188,8	18 719,1	25 286,4
Нефтегазовые доходы, млрд руб.	6 534,00	7 433,80	5 862,70	4844,00	5 971,90	9 017,80	7 924,30	5 235,245	9 056,5
Доля нефтегазовых доходов в общих доходах федерального бюджета, %	50,20	51,30	42,90	36,00	39,60	46,40	39,30	27,97	35,82

Источник: Официальный сайт Министерства финансов РФ, Ежегодная информация об исполнении федерального бюджета. https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute/?id_65=80041-yezhegodnaya_informatsiya_ob_ispolnenii_federalnogo_byudzhetadannye_s_1_uanvarya_2006_g.# (дата обращения: 27.09.2022).

**Сальдо федерального бюджета РФ, государственного бюджета
Украины и Казахстана, в % от ВВП, 2014–2021 гг.**

	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Россия	-0,4	-2,4	-3,5	-1,4	2,6	1,8	-3,8	0,4
Украина	-5,0	-2,3	-2,9	-1,6	-1,6	-2,0	-5,2	-3,6
Казахстан	-0,1	-0,2	-0,2	-0,3	-0,3	-0,1	-1,0	-0,1

Источники: Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Основные социально-экономические показатели Республики Казахстан. https://stat.gov.kz/for_users/dynamic (дата обращения: 27.09.2022); Министерство финансов Украины. Государственный бюджет Украины. <https://index.minfin.com.ua/finance/budget/gov> (дата обращения: 27.09.2022); Росстат. Профицит, дефицит (-) консолидированного и федерального бюджетов Российской Федерации. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/gos_fin.xls (дата обращения: 27.09.2022).

Источник: Росстат, Помесичный индекс потребительских цен на товары и услуги. <https://fedstat.ru/indicator/31074> (дата обращения: 27.09.2022).

Рис. 2. Динамика индекса потребительских цен на товары и услуги в РФ по месяцам, январь 2013 г. – май 2022 г.

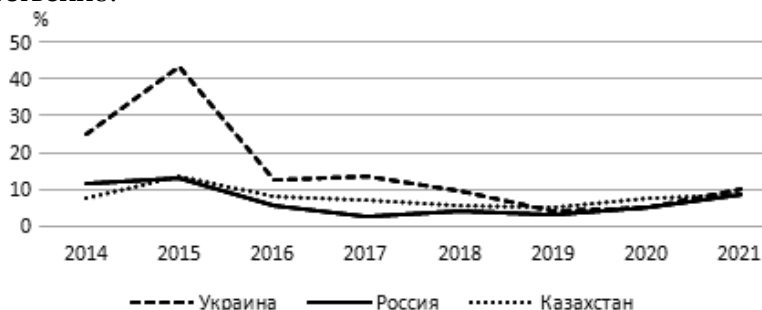
В конце 2014 г. – начале 2015 г. в РФ наблюдается резкий рост темпов инфляции, вызванный падением курса рубля (см. рис. 2)⁸. В январе 2015 г. Росстат зафиксировал рост индекса потребительских цен за месяц на 3,85%; за весь 2015 г. рост потребительских цен на товары и услуги составил 12,91%. Однако позднее происходит относительная стабилизация динамики уровня инфляции (до сентября 2021 г.), что связано с переходом к ее таргетированию (вблизи 4% в год).

Ослабление рубля в марте 2022 г. и нарушение цепочек поставок товаров привели к резкому повышению темпов инфляции в РФ – до

⁸ Росстат. Помесичный индекс потребительских цен на товары и услуги. <https://fedstat.ru/indicator/31074> (дата обращения: 27.09.2022).

7,61% за месяц⁹. Последующее укрепление рубля и снижение потребительского спроса обусловило относительное снижение месячных темпов инфляции в апреле–мае 2022 г., хотя к осени 2022 г. темп инфляции в годовом выражении составил более 14%, а к концу 2022 г., по прогнозным оценкам, он приблизится к 11–13%, то есть сохранится на достаточно высоком уровне¹⁰.

Рост цен, связанный с ослаблением национальной валюты, также наблюдался на Украине и в Казахстане (см. рис. 3), при этом темпы инфляции в Украине значительно превышали аналогичные показатели РФ и Казахстана: в 2015 г. индекс потребительских цен на Украине составил 43,3%, тогда как в России и Казахстане только 12,9 и 13,5% соответственно.

Источники: Министерство финансов Украины. Сводная таблица индексов потребительских цен с 2000 по 2022 г. <https://index.minfin.com.ua/economy/index/inflation> (дата обращения: 27.09.2022); Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Инфляция в Республике Казахстан. <https://www.gov.kz/memleket/entities/stat/press/news/details/308960?lang=ru> (дата обращения: 27.09.2022); Росстат. Индексы потребительских цен по Российской Федерации в 1991–2021 гг. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ind_potreb_cen_12.html (дата обращения: 27.09.2022).

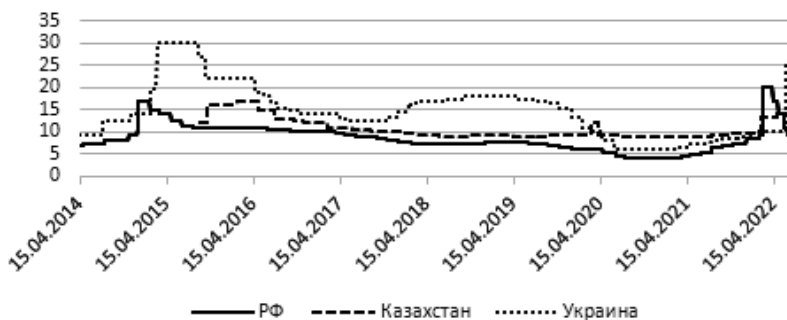
Рис. 3. Индекс потребительских цен в 2014–2021 гг. в России, Украине и Казахстане.

Однако политика инфляционного таргетирования в данных странах позволила в дальнейшем снизить темпы роста цен. В 2019 г. показатели инфляции во всех трех экономиках были ниже 5%, а темпы роста цен у них были близки к целевым показателям инфляции: ЦБ РФ ставил цель в 4%¹¹, Нацбанк Украины считал целевым показателем

⁹ Информационно-аналитический комментарий об инфляции в Приволжском федеральном округе в марте 2022 года // ЦБ, 15.04.22.

¹⁰ Центральный Банк РФ. Динамика потребительских цен, август 2022 года. http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/42336/CPD_2022-08.pdf (дата обращения: 27.09.2022).

¹¹ Центральный Банк РФ. Цели и принципы денежно-кредитной политики. https://www.cbr.ru/dkp/objective_and_principles (дата обращения: 27.09.2022).

Источники: Центральный Банк РФ. Ключевая ставка Банка России. https://www.cbr.ru/hd_base/KeyRate (дата обращения: 27.09.2022); Министерство финансов Украины. Учетная ставка НБУ 2022. <https://index.minfin.com.ua/banks/nbu/refinance> (дата обращения: 27.09.2022); Базовая ставка Национального Банка РК с 2015 по 2022. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36378707&pos=8;-110#pos=8;-110 (дата обращения: 27.09.2022).

Рис. 4. Ключевая ставка ЦБ РФ, базовая ставка Нацбанка Казахстана, учетная ставка Нацбанка Украины с апреля 2014 г. (дата перехода к политике плавающего курса) – по июнь 2022 г.

инфляции 5%¹², а Нацбанк Казахстана установил целевой коридор в 4–6% на 2021–2022 гг.¹³

Во всех трех странах центральные банки отреагировали ужесточением кредитно-денежной политики на ускорение темпов инфляции после перехода к политике плавающего валютного курса. Динамика ключевых ставок за период с апреля 2014 г. по июнь 2022 г. представлена на рис. 4. Для Казахстана базовая ставка Нацбанка определяется с сентября 2015 г. Наиболее значительным был рост учетной ставки на Украине в марте 2015 г., когда Национальный Банк повысил ее до 30%. Темпы инфляции в РФ и Казахстане были меньше в 2015–2016 гг., поэтому ключевые ставки в этих странах были на более низких уровнях.

В начале 2022 г. регуляторы всех трех стран ужесточили денежную политику для борьбы с ускорением темпов инфляции, вызванным ростом сырьевых цен, геополитической напряженностью и нарушением логистических цепочек. Последующее снижение темпов инфляции в РФ позволило с 11 апреля 2022 г. начать снижать ключевую ставку для улучшения условий кредитования в экономике¹⁴. Национальный Банк Украины повысил ключевую ставку только в 2 июня для замедле-

¹² ЦБ Украины допускает краткосрочное отклонение инфляции от целевого уровня // Reuters, 10.09.20. <https://www.reuters.com/article/orubs-ukraine-cenbank-idRUKBN2611WJ-ORUBS> (дата обращения: 27.09.2022).

¹³ Национальный Банк Казахстана. Денежно-кредитная политика. <https://www.nationalbank.kz/ru/links/dkr> (дата обращения: 27.09.2022).

¹⁴ Банк России решил снизить ключевую ставку до 17% годовых // Интерфакс, 8.04.2022. <https://www.interfax.ru/business/833852> (дата обращения: 27.09.2022).

ния темпов инфляции, одной из основных причин которой является рост цен на топливо¹⁵.

Стоит также отметить, что переход к политике плавающего курса позволяет урегулировать состояние платежного баланса без необходимости расходовать средства международных резервов. Снижение нефтяных цен ведет к относительному уменьшению его активного сальдо для РФ, однако Центральному Банку нет необходимости проводить интервенции по поддержке курса рубля при режиме его плавания.

Для Казахстана и Украины в 2021 г. наблюдался дефицит текущего счета платежного баланса (см. табл. 4). Если дефицит платежного баланса Казахстана по сравнению с 2020 г. снизился с 3,8% до 3% ВВП, то профицит платежного баланса Украины, составлявший в 2020 г. 3,3% ВВП, сменился дефицитом в размере 1,1% ВВП в 2021 г.

Таблица 4

Состояние платежного баланса по счету текущих операций России, Украины и Казахстана, в % ВВП, 2014–2021 гг.

	2014	2015	2016	2017 г.	2018	2019	2020	2021
Россия	2,8	5,0	1,9	2,0	7,0	3,9	2,4	6,9
Украина	-3,9	1,7	-1,5	-2,2	-3,3	-2,7	3,3	-1,1
Казахстан	2,8	-3,3	-5,9	-3,1	-0,1	-4,0	-3,8	-3,0

Источник: World Economic Outlook, 2022. april.p.156, 157. <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2022/04/19/world-economic-outlook-april-2022> (дата обращения: 27.09.2022).

В связи с тем, что Украина является импортером нефти и нефтепродуктов, а Казахстан – экспортером данных товаров, то рост цен на энергоносители в 2021 г. привел к увеличению экспорта для Казахстана и импорта для Украины, к относительному сокращению дефицита платежного баланса по текущему счету в Казахстане и ухудшению сальдо платежного баланса Украины по текущему счету. В РФ в 2021 г. актив по текущему счету платежного баланса возрос преимущественно за счет роста цен на энергоносители.

¹⁵ В НБУ говорят, что в мае инфляция продолжила расти // Министерство финансов Украины, 02.06.2022. <https://minfin.com.ua/2022/06/02/86461612> (дата обращения: 27.09.2022).

Заключение

Представленный выше анализ последствий перехода России, Украины и Казахстана в 2014–2015 гг. к плавающему валютному курсу, проведенный на основе официальных статистических данных, показал, что изменение валютной политики позволило сохранить и увеличить международные резервы первых двух стран, что объясняется отсутствием необходимости использовать эти резервы для валютных интервенций. Сокращение международных резервов Казахстана (на 9,3% с апреля 2015 г.) может объясняться продолжением валютных интервенций.

Ослабление контроля над курсом национальных валют во всех трех странах привело к росту темпов инфляции, но в дальнейшем центральным банкам удалось их довести до целевых значений за счет следования политике инфляционного таргетирования. Для достижения заданных таргетов центральные банки РФ, Украины и Казахстана прибегали к ужесточению кредитно-денежной политики и повышению ключевых ставок.

Геополитические конфликты, рост цен на нефть и газ, нарушение цепочек поставок в 2021–2022 гг. стали причинами ускорения темпов инфляции в рассматриваемых странах, поэтому для сглаживания негативных последствий колебаний валютных курсов и их влияния на темпы инфляции центральным банкам, возможно, придется проводить ограниченные валютные интервенции. Важно отметить, что предсказуемость действий центрального банка позволит лучше управлять ожиданиями населения и инвесторов относительно инфляции, поэтому целесообразно определить четкие условия осуществления интервенций.

В 2022 г. при усилении волатильности национальных валют центральные банки РФ, Казахстана и Украины прибегали к разным инструментам для стабилизации валютного рынка. Национальные банки Украины и Казахстана проводили валютные интервенции¹⁶, тогда как ЦБ РФ ввел ограничения на движение капитала (в феврале 2022 г.), однако последующее снижение импорта и укрепление рубля позволили регулятору их ослабить. Из трех рассматриваемых стран только в РФ курс рубля с марта 2022 г. был свободно плавающим из-за ограничения возможностей проведения Центральным Банком РФ валютных

¹⁶ В марте Нацбанк провел валютные интервенции на \$990,5 млн//Kapital.kz, 01.04.22. <https://kapital.kz/finance/104205/v-marte-natsbank-provel-valyutnyye-interventsii-na-990-5-mln.html> (дата обращения: 27.09.2022); Министерство финансов Украины. Результаты валютных интервенций НБУ. <https://index.minfin.com.ua/banks/nbu/intervention>. (дата обращения: 27.09.2022).

интервенций, тогда как в двух других экономиках таких санкционных ограничений не было.

В Российской Федерации переход к режиму плавающего курса рубля с 2014 г. позволил получить положительный эффект для состояния ее платежного баланса и динамики официальных валютных резервов, а также для снижения степени зависимости экономики от шоков мировых цен на нефть, что проявилось в снижении доли нефтегазовых доходов в общем объеме доходов федерального бюджета Российской Федерации.

Для повышения результативности валютной политики Банку России было бы целесообразно проводить политику плавающего курса рубля, при сохранении возможности его корректировки с помощью валютных интервенций и при четком определении их условий. Это увеличит степень прозрачности валютной политики и уровень доверия к ней со стороны инвесторов. В то же время правительству РФ для обеспечения макроэкономической стабилизации, на наш взгляд, следует более активно применять механизмы встроенных стабилизаторов экономики, используя, в частности, в сфере бюджетно-налоговой политики модели прогрессивного налогообложения доходов. Но эта проблема является предметом для самостоятельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапова Т.А. Проблемы бюджетно-налогового регулирования в переходной экономике. М.: Издательство Ассоциации преподавателей гуманитарных наук, МГУ. 1998.
2. Картаев Ф.С., Якимова Ю.И. Влияние инфляционного таргетирования на эффект переноса валютного курса // Вопросы экономики. 2018. № 11. С. 70–84.
3. Котченко К. Годовой рост цен на нефть превысил 50%. Это рекорд за последние 12 лет // РБК. 31.12.2021. <https://quote.rbc.ru/news/article/61ceb06e9a79473d25905b7c> (дата обращения: 27.09.2022).
4. Надоршин Е.Р., Воронина В.Г. Валютная политика центрального банка: степень вмешательства в процесс курсообразования и последствия для экономики // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2004. Т. 8. №. 1. С. 56–80.
5. Черненко Л. Золотовалютные резервы Казахстана снизились в 2021 году // Zakon.kz, 31.01.22. <https://www.zakon.kz/6005740-zolotovaliutnye-rezervy-kazakhstan-snizilis-v-2021-godu.html> (дата обращения: 27.09.2022).
6. Corsetti G. et al. The exchange rate insulation puzzle // Cambridge working papers in economics. 2021. № 2109. Pp. 1–80.
7. Corsetti G., Meier A., Müller G. J. What determines government spending multipliers? // Economic Policy. 2012. Vol. 27. №. 72. Pp. 521–565.

REFERENCES

1. *Agapova T.A.* Problems of fiscal regulation in a transitional economy // М.: Publishing House of the Association of Educators of the Humanities, MSU. 1998. (In Russ.).
2. *Kartaev P.S., Yakimova Yu.I.* The influence of inflation targeting on the pass-through effect of the exchange rate // *Voprosy Ekonomiki*. 2018. №. 11. Pp. 70–84. (In Russ.).
3. *Kotchenko K.* The annual increase in oil prices has exceeded 50%. This is a record for the last 12 years // *RBC*, 31.12.2021. Available at: <https://quote.rbc.ru/news/article/61ceb06e9a79473d25905b7c> (accessed 27.09.2022). (In Russ.).
4. *Nadorshin E.R., Voronina V.G.* Monetary policy of the central bank: the degree of intervention in the process of exchange rate formation and macroeconomic consequences // *HSE Economic Journal*. 2004. Vol. 8. №. 1. Pp. 56–80. (In Russ.).
5. *Chernenko L.* Kazakhstan foreign exchange reserves decreased in 2021// *Zakon.kz*, 31.01.22. <https://www.zakon.kz/6005740-zolotovaliutnye-rezervy-kazakhstana-snizilisv-2021-godu.html> (accessed 27.09.2022). (In Russ.).
6. *Corsetti G. et al.* The exchange rate insulation puzzle // *Cambridge working papers in economics*. 2021. № 2109. Pp. 1–80.
7. *Corsetti G., Meier A., Müller G.J.* What determines government spending multipliers? // *Economic Policy*. 2012. Vol. 27. №. 72. Pp. 521–565.

Дата поступления рукописи: 14.08.2022 г.

ABOUT THE AUTHOR

Limin Dmitry Valerievich – Post-Graduate Student at the Department of Macroeconomic Policy and Strategic Management of the Economics Faculty of the M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Dmitlimin96@yandex.ru

MACROECONOMIC RESULTS OF THE TRANSITION OF THE CENTRAL BANKS OF THE RUSSIAN FEDERATION, UKRAINE AND KAZAKHSTAN TO THE FLOATING EXCHANGE RATE REGIME OF THEIR NATIONAL CURRENCIES

This paper examines the consequences of the transition of the Central Banks of Russia, Ukraine and Kazakhstan to a floating exchange rate in 2014–2015. A comparative analysis of the results of the monetary policy of these countries and their impact on the rate of inflation, on the balance of payments and their international reserves is carried out.

It is shown that the shift to floating exchange rate policy contributed to settle the balance of payments not spending gold and foreign exchange reserves. However, increased volatility of exchanged rates led to higher inflation rates in all three countries. Central banks tightened monetary policy to achieve inflation targets; this reduced the rate of price growth by 2019, but rising raw material prices and rising geopolitical tensions in 2021–2022 led to an acceleration of inflation.

The article provides recommendations to the Central Bank of Russia to continue a floating exchange rate policy with interventions and to follow the terms of such a policy strictly.

Keywords: *exchange rate, floating exchange rate regime, inflation, current account balance, monetary policy.*

JEL: F15, F53, F63.

Компьютерная верстка: Хацко Н.А.

Подписано в печать 01.11.2022.
Формат 70×100/16. Объем 10 п.л. Тираж 300 экз.
Печать офсетная. Заказ № 4098-22

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел.: 8-499-724-13-91, e-mail: vestnik-ieran@inbox.ru
www.inecon.org/zhurnaly-uchrezhdennyye-ie-ran/vestnik-instituta-ekonomiki-ran.html
<https://vestnik-ieran.ru>

© НП

Редакция журнала «Вестник Института экономики Российской академии наук», 2022

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru
Сайт: amirit.ru